Сочиненія

Густава Эмара.

Карденіо

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

 Изданіе П. П. Сойкина

12, Стремянная, 12.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 22 Іюня 1899 г.

Типографія П. П. Сойкина, Стремянная, 12.

КАРДЕНІО.

(Сцены изъ Мексиканской жизни).

Глава I.

Изъ которой читатель знакомится съ аббатомъ Полемъ-Мишелемъ-Лами, — приходскимъ священникомъ въ Кастровиллѣ, и его пономаремъ—Фраскуито д'Ассизъ.

Къ числу наименѣе изслѣдованныхъ мѣстностей Сѣверной Америки относится штатъ Техасъ, добровольно присоединившійся къ Сѣверо-Американскимъ Соединеннымъ Штатамъ въ 1845 г. послѣ своего отпаденія отъ Мексики.

Техасъ — слово индѣйское; на языкѣ ацтековъ оно означаетъ: „мѣстность, изобилующая дичью", названіе это вполнѣ имъ заслужено, такъ какъ немногія страны на земномъ шарѣ могутъ похвалиться такимъ богатствомъ животнаго царства.

Пространство, занимаемое Техасомъ, равняется приблизительно 1.000.000 кв. километровъ, но количество его населенія далеко не соотвѣтствуетъ величинѣ территоріи, хотя оно значительно возросло послѣ отпаденія отъ Мексики, подъ вліяніемъ различныхъ происшедшихъ событій, которыя заставили обратить большое вниманіе на этотъ штатъ; но все-таки въ немъ едва-ли насчитываютъ 600.000 человѣкъ, не считая, конечно, различныхъ

индѣйскихъ племенъ, которыхъ не было возможности переписать.

Вотъ точное положеніе Техаса: на югѣ онъ ограничивается Мексиканскимъ заливомъ, на западѣ — рѣкой Сабиной, отдѣляющей его отъ Луизіаны; на сѣверѣ—рѣкой Красной, Арканзасомъ и Индѣйской территоріей, на сѣверо-востокѣ Новой Мексикой, и на востокѣ Ріо-Гранде, называемой также Ріо-Браво-дель-Норте.

Если судить объ этой странѣ на основаніи географическихъ картъ, которыя испещрены всевозможными названіями, то можно подумать, что весь Техасъ покрытъ множествомъ цвѣтущихъ городовъ; но это не болѣе, какъ самообманъ, который уступаетъ мѣсто самой грустной дѣйствительности при первомъ-же посѣщеніи этой страны. Кромѣ 5, 6 городовъ, дѣйствительно заслуживающихъ этого названія, всѣ остальные представляютъ просто рядъ хижинъ, расположенныхъ иногда весьма неудобно, безъ всякаго порядка и вкуса, и которые во Франціи не заслужили бы даже названія „мѣстечекъ“.

Но, не смотря на все это, Техасъ—одна изъ прекраснѣйшихъ мѣстностей Америки: плодородіе почвы и сила растительности здѣсь просто изумительны.

Весь штатъ покрытъ роскошными лѣсами, состоящими изъ самыхъ рѣдкихъ породъ деревьевъ, и надо надѣяться, что впослѣдствіи, когда здѣсь будетъ устроена канализація, климатъ будетъ болѣе умѣреннымъ и мягкимъ.

5 Сентября 1846 г., т. е. почти черезъ годъ послѣ присоединенія Техаса къ Соединеннымъ Штатамъ, цѣлый день стояла удушливая жара и тяжелый воздухъ былъ какъ бы насыщенъ электричествомъ. Къ вечеру небо приняло свинцовый оттѣнокъ и, хотя не было ни малѣйшаго вѣтерка, но деревья и всѣ растенія какъ-то странно содрогались, что показалось бы необыкновеннымъ всякому, кромѣ коренныхъ обитателей этой страны. Все предвѣщало одинъ изъ тѣхъ ужасныхъ ураагановъ, называемыхъ „кордоназосъ“, которые неожиданно налетаютъ

съ сосѣднихъ горъ, принося съ собою полное разрушеніе.

Было 8 часовъ вечера. Въ жалкой хижинѣ, слѣпленной изъ глины и соломы и состоявшей всего изъ 2 комнатъ и чердака, на простой деревянной скамьѣ сидѣлъ человѣкъ. Передъ нимъ стоялъ убогій столъ, подъ одной изъ ножекъ котораго торчалъ камень, а на столѣ—скромная ѣда, состоявшая изъ высохшей задней ноги лани и дикаго салата, заправленнаго, за неимѣніемъ прованскаго масла, просто молокомъ.

Эта лачуга, считавшаяся самымъ роскошнымъ зданіемъ въ Кастровиллѣ, была приходскимъ домомъ, а человѣкъ, находившійся въ ней,—священникомъ.

Городъ Кастровилль, какъ его торжественно называютъ, есть ничто иное, какъ деревушка, состоящая приблизительно изъ шестидесяти полуразрушенныхъ и грязныхъ домовъ и изъ сотни индѣйскихъ „ранчо“ и хижинъ.

Въ продолженіи уже многихъ лѣтъ Франція присылаетъ въ эту и другія не цивилизованныя еще страны своихъ миссіонеровъ, которые съ поразительнымъ терпѣніемъ и самоотверженіемъ, достойными лучшей участи, употребляютъ всѣ свои усилія для распространенія христіанства между дикарями; они стараются, кромѣ того, выучить ихъ читать, писать, заниматься земледѣліемъ, ткать, шить и д. т.

Домъ, въ который мы только что ввели читателя, былъ построенъ съ громадными усиліями двумя французскими священниками, которымъ пришлось быть для этого самимъ и архитекторами, и слесарями, и каменщиками, причемъ даже самые необходимые для постройки инструменты были сфабрикованы ими-же.

Одинъ изъ этихъ священниковъ, силы котораго не вынесли такого нечеловѣческаго труда, умеръ еще до окончанія работы и былъ погребенъ своимъ товарищемъ въ садикѣ, примыкавшемъ къ дому. Могила его, укра-

шенная простымъ деревяннымъ крестомъ, вся заросла кустами розъ, жасмина и резеды. Его сотрудникъ пережилъ своего товарища всего двумя мѣсяцами; онъ умеръ въ Гальвестонѣ, куда былъ перенесенъ уже умирающимъ.

Изъ этихъ двухъ священниковъ, одному было 25 лѣтъ, а другому едва 23.

Мы воздержимся отъ всякихъ комментарій на этотъ счетъ. Исторія французскихъ миссіонеровъ представляетъ не мало подобныхъ грустныхъ примѣровъ.

Новый священникъ въ Кастровиллѣ, который наслѣдовалъ этимъ двумъ несчастнымъ, былъ тотъ самый человѣкъ, котораго мы застали ужинающимъ въ своей хижинѣ. Ему было всего 25 лѣтъ, хотя на видъ можно было дать болѣе 30.

Высокаго роста, широкоплечій, онъ производилъ впечатлѣніе замѣчательно сильнаго человѣка; лицо его отличалось правильностью и чистотой линій; высокій лобъ, прекрасные голубые глаза, смотрящіе всегда прямо съ выраженіемъ неизъяснимой доброты и энергіи, прямой носъ съ тонкими ноздрями; слегка выдающіяся скулы, правильный ротъ съ удивительно доброй улыбкой, выказывающей рядъ прекрасныхъ зубовъ,—все это вмѣстѣ составляло одну изъ самыхъ симпатичныхъ физіономій, причемъ его свѣтлые шелковистые волосы, падающіе на плечи густыми локонами, худоба и блѣдность его лица придавали ему отпечатокъ какой-то странной рѣшимости и самоотверженія.

Его костюмъ состоялъ изъ черной шерстяной сутаны, сильно потертой и заштопанной во многихъ мѣстахъ, которая скрывала, вѣроятно, еще болѣе бѣдную одежду.

Этотъ молодой священникъ, котораго всѣ обитатели Кастровилля положительно обожали, былъ извѣстенъ подъ именемъ Поля Мишеля Лами; Испанцы-же просто называли его дономъ Пабло и сеньоромъ Мигуелемъ.

Въ ту минуту, когда мы его застали, аббатъ Мишель

спокойно ужиналъ, читая свой молитвенникъ, который лежалъ открытымъ на столѣ, и не обращалъ никакого вниманія на быстро приближающуюся бурю. Вѣтеръ все сильнѣе завывалъ; по временамъ раздавались глухіе раскаты грома.

Въ это время дверь комнаты тихонько пріотворилась; показалась голова человѣка, который, быстро осмотрѣвъ всю комнату, вошелъ въ нее. Въ рукахъ у него была небольшая дымящаяся лампочка, называемая каньдилесъ, которую употребляютъ исключительно самые бѣдные обитатели этой страны.

Онъ поставилъ ее на столъ рядомъ съ аббатомъ и остановился неподвижно, ожидая, очевидно, приказаній своего начальника.

Субъектъ этотъ былъ одѣтъ въ самый грубый холстъ, засаленный и заштопанный во многихъ мѣстахъ; голыя ноги были обуты въ широкіе старые башмаки, называемые альфаргатасъ, волосы коротко острижены; повидимому, субъектъ, этотъ принадлежалъ къ индѣйской расѣ.

Лицо его выражало какую-то тупую покорность и собачью преданность, выраженіе, свойственное людямъ, бывшимъ все время въ подчиненіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ, по временамъ въ немъ проскальзывало что-то хитрое, что также часто встрѣчается у рабовъ, шутовъ и придворныхъ.

Маленькій, уродливо сложенный, почти горбатый, съ несоразмѣрно длинными для его роста руками, онъ въ тоже время былъ удивительно ловокъ и обладалъ силой Геркулеса, но, по странной насмѣшкѣ природы, голосъ его былъ до такой степени мягокъ и музыкаленъ, что походилъ скорѣе на пѣніе птицы, чѣмъ на голосъ человѣка. Это былъ несчастный найденышъ, котораго пріютилъ изъ жалости и воспиталъ французскій епископъ въ Гальвестонѣ; его звали Франсуа д'Ассизъ и онъ

былъ пономаремъ при аббатѣ Мишелѣ. Всѣ знавшіе его называли его не иначе, какъ Фраскуито.

Молодой аббатъ поднялъ голову, улыбкой поблагодарилъ своего служителя и, закрывая молитвенникъ, обратился къ нему съ слѣдующимъ вопросомъ:

— Что, ничего новаго въ городѣ, Фраскуито?

— Прошу прощенія, господинъ аббатъ, напротивъ, очень много новаго.

— Вотъ какъ! Ну, такъ бери скорѣй стулъ, садись рядомъ со мной и выкладывай всѣ твои новости.

— Но, господинъ аббатъ... — пробормоталъ пономарь съ замѣшательствомъ.

— Садись, я этого хочу!—возразилъ священникъ съ кроткой настойчивостью.

— Сяду, чтобы только исполнить вашу волю, господинъ аббатъ.

Онъ взялъ стулъ, придвинулъ къ столу, и скромно присѣлъ на кончикъ его.

— Бѣдное, прекрасное созданье,—проговорилъ аббатъ Мишель, обращаясь больше къ самому себѣ, чѣмъ къ своему собесѣднику,—не должны-ли мы въ этой дикой странѣ, относиться другъ къ другу, какъ братья? Развѣ между нами не все общее: и радость, и горе, и нужда? Да и само христіанство, не учитъ-ли оно насъ равенству? Забудь-же, мое милое дитя, то ненужное почтеніе, къ которому тебя пріучили, и не забывай, что я твой братъ, и что на насъ обоихъ возложена одна и таже тяжелая обязанность. Прочтемъ вмѣстѣ молитву.

Оба встали и священникъ прочиталъ вслухъ молитву, которую пономарь повторялъ за нимъ, затѣмъ они снова усѣлись.

— Ну, что-же Фраскуито,—произнесъ отецъ Михаилъ грустнымъ тономъ, свойственнымъ ему,—какія-же у тебя новости?

— Вы хотите знать всю правду, отецъ мой?

— Безъ сомнѣнія!

— Ваше вчерашнее посѣщеніе, отецъ мой, нѣмецкихъ колонистовъ и солдатъ ирландскаго баталіона, который прибылъ два дня назадъ изъ Санъ-Антоніо, сильно не понравилось командиру Эдварду Струму. А вѣдь вы хорошо знаете,—добавилъ пономарь съ хитрой усмѣшкой,—что не даромъ Эдварда Струма называютъ Бурей. Онъ воспламеняется такъ же быстро, какъ порохъ, и если позволите выразить вамъ вполнѣ мою мысль, отецъ мой....

Онъ остановился въ замѣшательствѣ.

— Говори все, дитя мое!—проговорилъ аббатъ спокойнымъ тономъ.

— Ну, хорошо, отецъ мой, если вы разрѣшаете, то я добавлю, что онъ золъ, какъ бѣшеный оселъ. Это настоящій янки: заядлый протестантъ, тщеславный и нетерпимый. Вы не можете себѣ представить какими придирками и униженьями осыпалъ онъ вашихъ предшественниковъ—отцовъ Дидье и Урбана.

— Мнѣ извѣстно, дитя мое, все, что здѣсь происходило!—грустно произнесъ отецъ Михаилъ.

— Если они и умерли, то только по его винѣ; онъ положительно страшенъ, особенно послѣ обѣда, когда проглотитъ нѣсколько чарокъ виски и упитается мясомъ съ кровью.—Сегодня-же онъ поклялся со всевозможными ручательствами, что явится сюда самъ, чтобы заставить васъ прекратить вашу пропаганду и повиноваться ему, какъ онъ принудилъ къ тому всѣхъ тѣхъ священниковъ, которые были въ Кастровиллѣ раньше васъ.

— Это все, что ты хотѣлъ мнѣ сказать, дитя мое?

— Да, отецъ мой, но я просто дрожу отъ ужаса при мысли о той опасности, которая вамъ угрожаетъ.

— Напрасно, дитя мое; Господь, которому я служу, съумѣлъ защитить меня. Не знаю, что произойдетъ отъ визита, который хочетъ мнѣ сдѣлать Эдвардъ Струмъ, но могу тебя заранѣе увѣрить, что ему не удастся убить

меня, какъ моихъ несчастныхъ собратьевъ, или заставить его слушаться, а потому успокойся!

Въ эту минуту до слуха ихъ донесся стукъ быстро скачущихъ лошадей и одновременно раздались нѣсколько поспѣшныхъ ударовъ въ дверь.

— Пойди, открой, Фраскуито. Поторопись; это, вѣрно, какой нибудь несчастный, который нуждается въ помощи; не надо заставлять его ждать!—сказалъ аббатъ.

Пономарь всталъ и вышелъ.

Глава II.

О томъ, кто былъ неожиданный посѣтитель, и что произошло отъ его посѣщенія.

Отсутствіе пономаря продолжалось всего нѣсколько минутъ.

— Что тамъ такое?—обратился къ нему съ вопросомъ аббатъ, когда тотъ снова появился въ дверяхъ.

— Это Карденіо Бартосъ, отецъ мой, — отвѣтилъ Фраскуито,—сынъ стараго Бартоса, колониста съ Пруда-Койотовъ.

— Вѣрно, у нихъ случилось что-нибудь особенное, если старый Мельхіоръ рѣшился отправить сына въ дорогу въ такую ужасную погоду.

— Да, бѣдный малый въ ужасномъ видѣ, онъ промокъ до костей.

— Зачѣмъ-же ты сразу не ввелъ его сюда, бѣднягу?

— Потому что онъ привязываетъ своихъ лошадей, отецъ мой.

— Какъ, лошадей? Развѣ у него ихъ нѣсколько?

— Да, у него ихъ двѣ; на одной онъ ѣхалъ, а другую держалъ въ поводу.

— Ну, теперь иди и приведи его поскорѣй сюда!

Фраскуито бросился со всѣхъ ногъ исполнять приказаніе аббата.

Оставшись одинъ, священникъ подошелъ къ шкафу и, открывъ его, вынулъ оттуда тарелку, стаканъ, закупо-

ренную бутылку и хлѣбъ, отъ котораго онъ отрѣзалъ большой ломоть. Затѣмъ, положивъ хлѣбъ обратно въ шкафъ, онъ досталъ оттуда кусокъ жареной дичи, крынку молока и овечій сыръ, покрылъ столъ бѣлой скатертью и разставилъ на немъ все необходимое для ужина, который былъ несравненно роскошнѣе его собственной скудной ѣды. Закрывъ затѣмъ шкафъ, онъ придвинулъ къ столу стулъ вмѣсто простой деревянной скамьи, служившей сидѣньемъ для него самого.

Едва только миссіонеръ окончилъ свои приготовленія, какъ дверь отворилась и вошелъ молодой человѣкъ въ сопровожденіи пономаря.

Фраскуито сказалъ правду: несчастный промокъ насквозь, изъ его одежды текли цѣлые ручьи, такъ что на полу образовались лужи.

— Простите, сеньоръ падре....—сказалъ онъ съ замѣшательствомъ, но миссіонеръ не далъ ему окончить.

— Прежде всего, сынъ мой, переодѣнься скорѣй!— и несмотря на всѣ отнѣкиванья молодого человѣка, аббатъ вмѣстѣ съ пономаремъ заставили его переодѣться, причемъ сами дѣятельно помогали ему.

— Ну, вотъ и прекрасно, — весело сказалъ аббатъ, когда переодѣванье было окончено;—а теперь Фраскуито возьми скорѣй его платье и развѣсь передъ самымъ огнемъ, чтобы оно высохло до его отъѣзда домой.

Пономарь живо подобралъ измокшую одежду и вышелъ изъ комнаты.

— Въ которомъ часу ты выѣхалъ изъ дому, сынъ мой?—спросилъ аббатъ, оставшись наединѣ со своимъ юнымъ гостемъ.

— За часъ до заката солнца, сеньоръ падре!

— Значитъ, ты не успѣлъ дома поужинать и теперь должно быть очень голоденъ; вѣдь въ твои лѣта у всѣхъ великолѣпный аппетитъ, а потому садись скорѣй къ столу и ѣшь. За ужиномъ ты мнѣ разскажешь, какія такія важныя причины заставили тебя въ ужасную по-

году пріѣхать сюда по нашимъ, почти непроходимымъ дорогамъ.

— Но, право-же сеньоръ падре, вы слишкомъ добры. Я не знаю, какъ васъ....

— Ну, ну! Садись скорѣй; я тебя и слушать не стану до тѣхъ поръ, пока ты не примешься за ѣду!

Нечего дѣлать, пришлось юношѣ повиноваться, что впрочемъ ему было не особенно трудно, такъ какъ онъ дѣйсвительно былъ страшно голоденъ, да кромѣ того онъ зналъ, что аббатъ исполнитъ свое слово и не станетъ ничего слушать, пока онъ не исполнитъ его желанія.

Такимъ образомъ Карденіо принялся за ужинъ, и мы воспользуемся этимъ временемъ, чтобы нарисовать его портретъ, такъ какъ онъ служитъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ нашего разсказа. Карденіо Бартосу было едва 17 лѣтъ, но выглядѣлъ онъ, по крайней мѣрѣ, тремя годами старше своего возраста. Высокаго роста, прекрасно сложенный, съ удивительно тонкими и благородными чертами загорѣлаго лица, онъ несомнѣнно былъ истымъ Испанцемъ старинной андалузской расы, можетъ быть, съ легкой примѣсью мавркой крови, но безъ примѣси американской. Нѣсколько низкій лобъ, громадные черные глаза, полные огня; ярко-пунцовыя губы, носъ съ небольшой горбинкой, энергично обрисованный подбородокъ, черные, какъ смоль, вьющіеся волосы, ниспадавшіе на его мускулистую шею, все это вмѣстѣ придавало его наружности сходство съ классическимъ Антиноемъ.

Семья Бартосовъ принадлежала къ испанской расѣ самой чистой крови.

Одинъ изъ ихъ предковъ, по имени Мельхіоръ Бартосъ, былъ офицеромъ и принималъ участіе въ экспедиціи Фердинанда Кортеца.

Никому во всей это странѣ не было извѣстно, какіе удары судьбы низвели эту, когда-то богатую и могуще-

ственную семью, бывшую въ родствѣ почти со всѣми знатными домами Мексики и Испаніи, на ту степень нищеты, которая принудила ее уединиться въ самыхъ дикихъ мѣстностяхъ Техаса.

Если причиной этого была какая-нибудь тайна, которая могла навлечь на всю семью позоръ, то всѣ члены семьи умѣли такъ свято хранить ее, что до сихъ поръ еще никому изъ постороннихъ лицъ не удалось въ нее проникнуть. Прошло уже двѣнадцать лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ донъ Мельхіоръ де-Бартосъ былъ привезенъ со своей семьей, состоявшей изъ десяти человѣкъ, въ Гальвестонъ на одномъ англійскомъ суднѣ, причемъ, капитанъ послѣдняго разсказывалъ, что онъ ихъ нашелъ среди моря на кораблѣ, полуразрушенномъ бурей и покинутомъ экипажемъ, такъ что ему не удалось узнать ни имени ни происхожденія этого корабля.

Говорилъ-ли капитанъ правду, или это была простая басня, которую онъ разсказывалъ съ обычной британской флегмой, никто этого не зналъ.

Тотчасъ по высадкѣ своей на берегъ, донъ Мельхіоръ отправился къ губернатору. Что было предметомъ ихъ продолжительной бесѣды, осталось для всѣхъ неизвѣстнымъ, но слѣдствіемъ ея было то, что донъ Бартосъ и вся его семья, помѣстившись въ губернскомъ домѣ, провели десять дней, причемъ ихъ окружали всевозможными знаками почтенія и предупредительностью.

Семья эта состояла въ то время изъ самого дона Мельхіора де-Бартосъ, которому было приблизительно 42 года, его жены доньи Хуаны,—прелестной, кроткой двадцатилѣтней женщины, болѣзненнаго и грустнаго вида, его сына Карденіо, которому въ то время было пять лѣтъ и маленькой шести—или восмимѣсячной дѣвочки, которую мать кормила сама. Остальные шесть человѣкъ состояли изъ мексиканцевъ — слугъ, еще молодыхъ и всецѣло преданныхъ своимъ господамъ.

Спустя десять или двѣнадцать дней по своемъ прибытіи въ Гальвестонъ, донъ Мельхіоръ нанялъ двѣнадцать проводниковъ, захватилъ нѣсколько быковъ, барановъ и четыре повозки со всѣми принадлежностями, необходимыми для разведенія плантаціи, и двинулся со всѣмъ этимъ внутрь Техаса. Кромѣ того, съ нимъ было около пятнадцати муловъ, сопровождаемыхъ такъ называемыми арверосъ (погоньщиками).

Мулы эти были навьючены какими-то таинственными предметами, назначенія которыхъ не было возможности разгадать.

Караванъ направлялся къ границѣ и ему потребовалось болѣе мѣсяца для совершенія этого перехода; наконецъ, не доходя двухъ миль до индѣйской территоріи, караванъ остановился и расположился лагеремъ.

Донъ Мельхіоръ тотчасъ-же принялся за разработку плантацій.

Прошло нѣсколько лѣтъ; волненіе, причиненное прибытіемъ въ Техасъ дона Мельхіора, давно улеглось и о немъ всѣ совершенно забыли.

Между тѣмъ Карденіо выросъ, сдѣлался молодымъ человѣкомъ и, отецъ его, значительно состарившійся, поручилъ ему управленіе плантаціями, которыя все расширялись и достигли значительнаго процвѣтанія.

Удивительно дѣятельный и не по лѣтамъ развитой, Карденіо вполнѣ оправдывалъ довѣріе, оказываемое ему отцемъ.

Старый колонистъ, отличавшійся мрачнымъ и нелюдимымъ характеромъ, не завелъ сношеній ни съ однимъ изъ своихъ сосѣдей-плантаторовъ, изъ которыхъ самые ближайшіе къ нему жили на разстояніи шести или восьми миль.

Вотъ таковы были обстоятельства жизни этой семьи, въ то время, когда случай свелъ насъ съ однимъ изъ ея членовъ.

Между тѣмъ миссіонеръ усѣлся рядомъ съ моло-

дымъ человѣкомъ, съ любовью смотрѣлъ на него, и каждый разъ, когда Карденіо изъ вѣжливости прерывалъ свой ужинъ, снова заставлялъ его приняться за ѣду.

Наконецъ, когда нашъ герой утолилъ свой голодъ, миссіонеръ налилъ ему стаканъ вина и замѣтилъ дружелюбнымъ тономъ:

— Ну, дитя мое, выпей теперь еще этотъ стаканъ, это очень полезно послѣ сильной усталости; а потомъ, помолись и поговоримъ.

Молодой человѣкъ выпилъ, проговорилъ короткую молитву и сказалъ, обращаясь къ священнику:

— Вы, дѣйствительно, святой человѣкъ, отецъ мой. Отчего не всѣ священники въ нашей странѣ похожи на васъ?

— Шш... дитя мое,—съ кроткой улыбкой проговорилъ священникъ,—не будемъ худо говорить о служителяхъ Бога; лучше пожалѣемъ тѣхъ, которые не исполняютъ своихъ обязанностей, но не будемъ судить ихъ: одинъ Господь имѣетъ на это право. Теперь,—продолжалъ священникъ,—объясни мнѣ, причину твоего пріѣзда сюда.

— Отецъ мой,—возразилъ молодой человѣкъ,—сегодня въ нашемъ поселкѣ случилось очень важное и печальное происшествіе: сегодня утромъ моя сестра, Флора, играла въ саду и хотѣла сорвать цвѣтокъ, какъ вдругъ ее ужалила „vivora-ciega“ (змѣя очень ядовитой породы), которая спала подъ листьями.

— Боже мой!—воскликнулъ миссіонеръ,—неужели это милое дитя въ опасности?

Да, къ несчастью, это такъ, отецъ мой. Когда я вернулся изъ степи, гдѣ стерегъ стада, такъ около половины пятаго, то моей сестрѣ было уже очень плохо, несмотря на всѣ принятыя мѣры. Мой отецъ съ горя почти потерялъ сознаніе, онъ не отходитъ отъ постели, Флоры и только шепчетъ: „Боже мой, Боже мой“! Мать моя также почти помѣшалась съ отчаянія. Когда я во-

шелъ въ комнату и Флора меня замѣтила, она сразу улыбнулась:—Карденіо, мой дорогой братъ,—произнесла она своимъ нѣжнымъ голосомъ, — поѣзжай скорѣй за добрымъ отцомъ Мигуэлемъ; Господь любитъ его и онъ меня спасетъ. Родители будутъ утѣшены, когда Богъ вернетъ имъ ихъ дочь.—Я бросился стрѣлой изъ дома. Эти слова казались мнѣ внушеніемъ свыше. Несмотря на ураганъ, который уже начинался и обѣщалъ быть ужаснымъ, и просьбы всѣхъ окружающихъ, я вскочилъ на свою лошадь, которая была еще осѣдлана, другую схватилъ въ повода и поскакалъ, повторяя себѣ впродолженіи всего пути, чтобы такимъ образомъ придать себѣ больше храбрости: „да, Флора права, отецъ Мигуэль ее спасетъ, Богъ совершитъ это чудо"! И вотъ, я здѣсь, отецъ мой. Какъ я добрался сюда ночью, въ такую бурю, самъ не знаю; а теперь, — воскликнулъ онъ, падая на колѣни и схвативъ одну изъ рукъ миссіонера и покрывая ее слезами и поцѣлуями,—во имя самаго Бога, спасите моего отца и мою мать отъ отчаянія, спасите мою сестру!

— Несчастное дитя! — съ волненіемъ проговорилъ миссіонеръ, — что могу сдѣлать я, ничтожное созданіе? Одинъ Богъ можетъ совершить чудо, котораго ты у меня просишь; во всякомъ случаѣ, я исполню свой долгъ и отправлюсь на призывъ умирающей. Встань, Карденіо, ты храбрый юноша; я готовъ слѣдовать за тобой! —

— Увы, отецъ мой, что можемъ подѣлать въ такое время? Какъ пустимся въ дорогу, когда ураганъ свирѣпствуетъ съ такой силой!

— Ничего не значитъ, сынъ мой!

— Падрэ, для того, чтобы добраться сюда изъ Кастровилля, мнѣ пришлось преодолѣть почти смертельныя опасности. Всюду преграждали пути разлившіяся рѣки, бушующіе потоки, которые несли на своихъ грязныхъ волнахъ вырванныя съ корнемъ, или сломанныя вѣтромъ деревья.

— Ты колеблешься, дитя мое, у тебя не хватаетъ вѣры?

— Нѣтъ, отецъ мой, я не колеблюсь, мое сердце полно вѣры; но желать совершить въ такое время это путешествіе — это значитъ идти навстрѣчу вѣрной и ужасной смерти!

Миссіонеръ всталъ, онъ какъ-бы вдругъ преобразился: глаза его сверкали, его блѣдное лицо сіяло.

— Зачѣмъ-же ты здѣсь,—произнесъ онъ громовымъ голосомъ,— если у тебя нѣтъ ни рѣшимости, ни вѣры? Или ты сомнѣваешься во всемогуществѣ Божьемъ? Ты самъ сказалъ, что ждешь чуда! Неужели Богу труднѣе исполнить два, чѣмъ одно? Господь всемогущъ, пути Его неисповѣдимы; если онъ помогъ тебѣ добраться сюда, это значитъ, Онъ хочетъ спасенія твоей сестры. Если она умретъ, запомни это хорошо, Карденіо, ты одинъ будешь ея убійцей!

— О, отецъ мой!—воскликнулъ въ отчаяніи юноша,— не говорите такъ, заклинаю васъ. Убить мою сестру, мою дорогую Флору! О, отецъ мой, вы сведете меня съ ума! Я еще ребенокъ, который не сознаетъ всего значенія, произносимыхъ имъ словъ! Ѣдемте, отецъ мой, я готовъ слѣдовать за вами. Да, это правда, Богъ спасетъ мою сестру и приведетъ насъ къ ней цѣлыми и невредимыми! Что намъ ураганъ, если Богъ съ нами!

— Хорошо, дитя мое, — проговорилъ съ кротостью священникъ, — ты говоришь теперь, какъ мужчина и христіанинъ. Вотъ, — добавилъ онъ, прислушиваясь, — и буря утихаетъ: раскаты грома тише, вѣтеръ не такъ воетъ и дождь не льетъ больше съ такой силой. Богъ услышалъ твою молитву и мы доберемся, мой сынъ. У насъ есть вѣра и намъ нужна только храбрость.

— „Да будетъ благословенно имя Господне!

— „Аминь“,—тихо прошепталъ священникъ. Воцарилось короткое молчаніе.

— Твое платье должно быть уже высохло; поди пе-

редѣнься, а я въ это время приготовлю все для нашего путешествія.

— Сейчасъ, отецъ мой, бѣгу!

— Подожди, у тебя двѣ лошади?

— Да, двѣ; развѣ этого недостаточно?

— Достаточно, если твоя лошадь вынослива?

— Это степной мустангъ, котораго я самъ объѣздилъ; онъ молодъ и могъ-бы легко, если понадобится, везти двоихъ.

— Это какъ-разъ то, что намъ теперь необходимо, особенно, если у него твердый шагъ?

— Онъ можетъ бѣжать, не спотыкаясь, по паркету, отецъ мой; но къ чему эти вопросы, позвольте васъ спросить?

— Потому, мое милое дитя,—отвѣтилъ священникъ,— что, по твоимъ-же словамъ, мы отправляемся къ умирающей и, можетъ быть, намъ придется только исполнить послѣдній долгъ и, въ такомъ случаѣ, присутствіе Фраскуито необходимо.

— Вы правы, отецъ мой,— съ грустью пробормоталъ юноша.—Вы вполнѣ можете довѣриться моей лошади и она насъ обоихъ доставитъ въ цѣлости, за исключеніемъ развѣ какого нибудь непредвидѣннаго случая.

— Ну, хорошо, переодѣнься и приготовь лошадей, чтобы намъ пуститься въ дорогу не позже, какъ черезъ 10 минутъ; всякое промедленіе можетъ стоить жизни твоей сестрѣ!

— О, мой отецъ, — воскликнулъ юноша, заливаясь слезами;—какъ вы добры и какъ я вамъ благодаренъ! Черезъ 10 минутъ я буду готовъ.

— Иди-же!

Молодой человѣкъ поцѣловалъ аббату руку и бросился вонъ изъ комнаты, заглушая рыданія.

Сборы миссіонера были недолги; онъ захватилъ съ собой только ящикъ съ лекарствами и нѣсколько необходимыхъ ему самому вещей. Выпроводилъ же онъ молодого человѣка съ цѣлью остаться на нѣсколько ми-

нутъ одному и собраться съ мыслями для выполненія предстоящей ему тяжелой миссіи.

Несмотря на свое недавнее пребываніе въ Кастровиллѣ, аббатъ Поль-Мишель былъ довольно друженъ съ донъ Мельхіоромъ де-Бартосъ. По странной случайности, которая ихъ свела вмѣстѣ впервые, донъ Мельхіоръ оказался обязаннымъ миссіонеру. Они оба близко сошлись и этотъ человѣкъ, который до сихъ поръ жилъ вполнѣ отшельникомъ въ своей плантаціи, вдругъ почувствовалъ полное довѣріе и теплую дружбу къ молодому священнику, откровенность и честность котораго сквозила какъ въ его манерахъ, такъ и въ рѣчахъ. Послѣ нѣсколькихъ дружескихъ разговоровъ со старымъ мексиканцемъ аббатъ понялъ, что на сердцѣ этого скрытнаго и мрачнаго человѣка есть какая-то тайная, но до сихъ поръ живая рана; побуждаемый состраданіемъ и любовью дѣлать добро, миссіонеръ невольно сошелся съ этимъ человѣкомъ, понимая, что горе тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе оно скрыто и молчаливо. Онъ хотѣлъ узнать причину этого отчаянія, чтобы, если возможно, уничтожить ее и такимъ образомъ возвратить спокойствіе этому несчастному человѣку. Въ данномъ случаѣ, несмотря на глубокое страданіе, которое онъ испытывалъ, невольная радость (если это выраженіе здѣсь умѣстно) закрадывалась въ его сердце; радость при мысли о томъ, что Богъ посылаетъ ему этотъ неожиданный случай, чтобы дать ему возможность осушить слезы несчастнаго. Дверь быстро отворилась и Карденіо вошелъ. Онъ переодѣлся и выглядѣлъ бодрымъ и почти веселымъ и готовымъ на все, судя по выраженію рѣшимости, свѣтившимуся въ его прекрасныхъ глазахъ.

— Вотъ и я, отецъ мой, если вы готовы, то мы можемъ отправиться!

— За мной нѣтъ остановки, но гдѣ-же мой помощникъ?

— Я здѣсь, отецъ мой,—проговорилъ Фраскуито, по-

явившись въ дверяхъ.—Я заканчивалъ наши приготовленія къ отъѣзду.

— Посмотрите, падрэ, — воскликнулъ радостно юноша,—дождь пересталъ, отъ урагана и слѣда не осталось!

— Ты видишь, дитя мое, какъ Богъ намъ покровительствуетъ. Поѣдемъ и не сомнѣвайся никогда болѣе во всемогуществѣ Господнемъ!

— Ѣдемъ, отецъ мой!

Съ этими словами они вышли изъ комнаты, въ сопровожденіи Фраскуито, который освѣщалъ имъ путь.

III.

Какимъ образомъ аббатъ Поль-Мишель укрощалъ дикихъ звѣрей.

Въ ту минуту, когда Фраскуито собирался открыть дверь, снаружи послышался шумъ тяжелыхъ шаговъ, смѣхъ, проклятія и лай собакъ. Брови миссіонера слегка нахмурились.

— Тише, — сказалъ онъ Фраскуито, положивъ ему руку на плечо;—вернемся!

Они вернулись въ комнату. Въ ту-же минуту въ наружную дверь сильно застучати.

— Гдѣ лошади?—спросилъ священникъ.

— Падрэ, онѣ въ конюшнѣ, я не хотѣлъ ихъ выводить заранѣе!—отвѣчалъ Карденіо.

— Хорошо, дитя мое, уйди также въ конюшню, и не двигайся съ мѣста ни подъ какимъ предлогомъ, какой-бы шумъ ты не услышалъ, пока я тебя не позову.

— Развѣ вамъ угрожаетъ какая нибудь опасность?— гордо вскричалъ молодой человѣкъ и глаза его блеснули.

— Не бойся ничего, дитя мое,—кротко отвѣчалъ священникъ.—Ступай, слушайся меня!

— Хорошо, падрэ, я исполню ваше приказаніе, но если вамъ угрожаетъ какое нибудь оскорбленіе...

— Тише, дитя,– прервалъ его миссіонеръ.—Забота о моей чести касается меня одного. Ступай!

Между тѣмъ стуки снаружи становились все сильнѣе, къ нимъ примѣшивались крики и угрозы.

У Карденіо вырвалось движеніе ярости, но повелительный жестъ аббата заставилъ его сдержаться и выйти молча изъ комнаты.

По его уходѣ священникъ обратился къ своему служителю съ слѣдующими словами:

— Помоги мнѣ привести здѣсь все въ порядокъ, Фраскуито!

Въ одинъ моментъ все было убрано: блюда и тарелки спрятаны въ шкафъ и все разставлено по своимъ мѣстамъ.

Между тѣмъ неизвѣстные люди, находившіеся снаружи, все неистовѣе трясли дверь, какъ-бы намѣреваясь сломать ее.

— Пойди открой, Фраскуито!—сказалъ миссіонеръ.

— Боже мой, что-то будетъ! — съ отчаяніемъ проговорилъ пономарь.

— Ничего особеннаго, сынъ мой. Неужели ты думаешь, что эти люди способны насъ задушить?

— Я не говорю этого, отецъ мой! Однако, вы не знаете...

— Чего-же я не знаю?..

— Что это самъ комендантъ Струмъ; я отлично узналъ его голосъ.

— И я также; но что-же это доказываетъ?

— Отецъ мой, я боюсь...

— Не бойся ничего, дитя мое! Богъ мнѣ дастъ силу и терпѣнье. Иди-же, Фраскуито, и введи коменданта; онъ такъ яростно нападаетъ на нашу дверь, что сломаетъ ее; если ты еще промедлишь, это будетъ имѣть печальныя послѣдствія.

Все это было произнесено съ такимъ полнѣйшимъ хладнокровіемъ, что несчастный пономарь окончательно растерялся; онъ смотрѣлъ на аббата испуганными глазами, не зная, на что рѣшиться, но повелительное дви-

женіе священника заставило его опомниться и повиноваться.

— Съ нами крестная сила!—прошепталъ онъ.—Что-то будетъ?! — и онъ вышелъ, съ отчаяніемъ поднявъ руки къ небу.

Оставшись одинъ, аббатъ медленно опустился на скамью и проговорилъ самъ про себя:

— Однако, съ этимъ надо разъ навсегда покончить!— Онъ прибавилъ немного огня въ лампѣ и ждалъ появленія своихъ недруговъ совершенно спокойно и хладнокровно, но съ твердой рѣшимостью, положить конецъ ихъ нахальству.

Почти въ ту-же минуту дверь съ шумомъ распахнулась и въ комнату, какъ бомба, влетѣлъ какой-то бѣсноватый: онъ рычалъ, кричалъ и метался, какъ бѣшеный. За нимъ медленно вошелъ другой незнакомецъ, лицо котораго не было возможности разглядѣть, такъ какъ оно было закрыто полями фетровой шляпы, надвинутой почти на самые глаза, и весь онъ былъ завернутъ въ какую-то тяжелую мантію.

Человѣкъ этотъ почтительно поклонился священнику, а затѣмъ отошелъ въ глубину комнаты, гдѣ продолжалъ стоять все время совершенно неподвижно и безмолвно.

Первый изъ прибывшихъ былъ дѣйствительно, какъ сказалъ Фраскуито, комендантъ Эдвардъ Струмъ, губернаторъ города, т. е. жалкаго мѣстечка, называемаго Кастровилль.

Прежде чѣмъ передавать то, что произошло между нимъ и миссіонеромъ, мы опишемъ его наружность.

Комендантъ Эдвардъ Струмъ былъ маленькій, толстый человѣкъ, съ короткой шеей, широкоплечій, коренастый и одаренный, повидимому, геркулесовской силой. Его ноги были слишкомъ коротки, руки-же несоразмѣрно длинны, съ широкой костью, покрытыя волосами; лицо его расплылось и совершенно обезобразилось отъ пьянства; маленькіе сѣрые глаза блестѣли, какъ уголья изъ

подъ нависшихъ бровей; громадный ротъ съ отвислыми губами улыбался отвратительной, злой улыбкой, а толстый красный носъ выдѣлялся на фіолетовомъ фонѣ его лица. Въ общемъ онъ походилъ на пивную бочку, въ которую посадили короля Гамбринуса и изъ которой видны были только его руки, ноги и голова.

Слова, произнесенныя имъ вмѣсто привѣтствія, не предвѣщали ничего добраго.

— Чортъ побери!—закричалъ онъ, съ яростью топая ногой объ полъ,—крѣпость, что-ли этотъ проклятый домишко, что въ него такъ трудно попасть?

— Г-нъ комендантъ! честь имѣю васъ привѣтствовать,—спокойно возразилъ священникъ.—Какой случайности обязанъ я удовольствіемъ васъ видѣть?

— Удовольствіе меня видѣть, чортъ подери, гм... тьфу, да что вы смѣетесь, что-ли, милостивый государь?

— Ничуть, — холодно проговорилъ священникъ.—Я только спрашиваю васъ о цѣли посѣщенія вами приходскаго дома.

— Приходскаго дома! Тьфу... Чортъ подери! Хорошъ приходскій домъ! Лачужка, въ которую я не помѣстилъ-бы даже своихъ собакъ. Нечего сказать — приходскій домъ... Гмъ!—добавилъ онъ, отдуваясь, какъ быкъ.

— Тѣмъ не менѣе, — возразилъ аббатъ, ничуть не измѣняя своему хладнокровію, — я попрошу васъ относиться къ нему съ уваженіемъ.

— Что, что такое?! Гм, тьфу... Что онъ такое сказалъ? Да вы, никакъ, смѣетесь надо мной, милостивый государь?

— Вы ошибаетесь, господинъ комендантъ; я васъ просто спрашиваю, зачѣмъ вы сюда пришли?

— Я пришелъ сюда, потому... да чортъ подери! обязанъ я вамъ, что-ли отчетъ отдавать? Пришли, да и только, хотя-бы потому-что это мнѣ доставляетъ удовольствіе. Помните — я губернаторъ Кастровилля, а потому не говорите ерунды, а то это плохо кончится для

васъ, чортъ васъ подери! Я вовсе не расположенъ шутить.

— Угроза—не отвѣтъ, господинъ комендантъ Я жду, когда вамъ заблагоразсудится объясниться.

— Проклятіе! Онъ, дѣйствительно, смѣется надо мной, или просто сошелъ съ ума! Я хорошій протестантъ... а... хм... и чортъ побери всѣ ваши католическія бредни! Я не позволю вамъ заражать моихъ солдатъ вашимъ поганымъ католичествомъ. Да и чортъ васъ подери, какую еще вы выдумаете ерунду?! Какое дѣло до религіи этимъ отвратительнымъ индѣйцамъ и вѣчно пьянымъ солдатамъ? Религія! ха, ха... Туда-же! Имъ нужны палки, а не религія. И чего вы лѣзете? Вѣдь это не ваша страна и убирайтесь отсюда ко всѣмъ чертямъ... хм... кха... кха...

Къ несчастью для почтеннаго коменданта, страшный кашель не далъ ему докончить его рѣчь; онъ весь побагровѣлъ, глаза, казалось, готовы были выскочить изъ орбитъ, такъ что страшно было на него смотрѣть. Видъ этого человѣка, низведеннаго пьянствомъ и злобой на степень животнаго, вызвалъ невольную улыбку грусти и состраданія у священника; онъ всталъ, налилъ стаканъ воды и, поднося его ко все еще задыхавшемуся отъ кашля американцу, кротко проговорилъ:

— Выпейте воды, мистеръ Эдвардъ! — Но слова эти вызвали новый приливъ ярости коменданта; онъ привскочилъ на мѣстѣ, какъ отъ электрическаго удара и изъ устъ его посыпались самыя отборныя ругательства.

— Воды?! — завопилъ онъ, страшно ворочая зрачками,—мнѣ воды?!... хм, тьфу... Ахъ, ты проклятый разбойникъ—отравить ты хочешь, что-ли! Подожди чортово отродье, подожди... —заоралъ онъ еще громче, замахиваясь тростью,—я тебя проучу, собака!...

Миссіонеръ ничуть не смутился, спокойно поставилъ стаканъ на столъ и, сложивъ руки на груди, остановился

передъ бѣснующимся человѣкомъ, смотря на него въ упоръ своими блестящими, ясными глазами.

— Попробуйте!—произнесъ онъ.

На минуту воцарилось гробовое молчаніе.

Это спокойствіе и самоообладаніе произвели невольное впечатлѣніе на коменданта; онъ попятился назадъ, охваченный сильнымъ внутреннимъ волненіемъ; нѣсколько разъ онъ замахивался тростью, но ударить не рѣшился.

— Что-же вы? Попробуйте! Совершите геройскій подвигъ—ударьте беззащитнаго человѣка, да еще служителя Божія!

— Католическаго-то священника! Нечего сказать — птица!

— Однако, довольно оскорбленій, господинъ комендантъ! благодарите Бога за то, что вы пьяны и за то, что Онъ даетъ мнѣ терпѣніе выслушивать ваши ругательства!

— Я—пьянъ!—захрипѣлъ губернаторъ, задыхаясь отъ ярости.—Ахъ ты проклятая, французская собака!—и съ этими словами онъ бросился на священника съ поднятой тростью.

Этотъ послѣдній не шевельнулся, не сдѣлалъ ни малѣйшаго движенія, чтобы защититься отъ удара; и комендантъ невольно отступилъ.

— Проси у меня прощенья, собака, — прорычалъ онъ;—проси прощенья, а не то...

— Мнѣ нечего просить у васъ прощенья, потому что я васъ не оскорблялъ, но вы у меня попросите его!

— Я—просить прощенье! Ха, ха...

— Да,—холодно произнесъ священникъ.

— А,—заревѣлъ комендантъ,—такъ, вотъ какъ.

На этотъ разъ онъ не помнилъ себя отъ ярости и изо всей силы замахнулся своей палкой на аббата, но этотъ предупредилъ ударъ и схватилъ своего противника за руку съ такой силой, что тотъ невольно выронилъ

свое оружіе. Миссіонеръ съ презрѣніемъ оттолкнулъ отъ себя этого рычащаго, какъ звѣрь, человѣка, который самъ невольно попятился назадъ.

— Проклятый французъ!—прохрипѣлъ онъ.

— Да, милостивый государь, я французъ сумѣю заставить васъ съ уваженіемъ относиться къ народу, къ которому я принадлежу, и къ Богу, которому я служу. Миссіонеръ—это тотъ-же солдатъ и, не смотря на смиреніе и терпѣніе, которое предписываетъ ему его санъ, онъ долженъ заставить уважать себя. Если бы мнѣ пришлось сносить муки и оскорбленія отъ несчастныхъ, невѣжественныхъ людей, я-бы сумѣлъ стерпѣть все, такъ какъ они невинны въ своемъ невѣжествѣ и часто не знаютъ сами, что творятъ; но знайте, что я, какъ французъ и священникъ, никогда не позволю оскорблять себя человѣку, равному со мной по положенію, офицеру, который долженъ быть и умственно развитымъ, и образованнымъ человѣкомъ, но который, вмѣсто этого, всецѣло отдается своей страсти къ пьянству и падаетъ нравственно такъ низко, что оскорбляетъ беззащитнаго человѣка, которому онъ самъ долженъ быть поддержкой и защитникомъ.

— Чортъ возьми...

— Молчите! Я довольно васъ слушалъ, теперь потрудитесь выслушать меня, не прерывая. Я буду кратокъ. Я нахожусь здѣсь съ разрѣшенія вашего правительства для того, чтобы выполнять обязанности христіанина. Эти обязанности я выполняю настолько добросовѣстно, насколько только мнѣ позволяетъ моя слабая человѣческая природа: я помогаю несчастнымъ, утѣшаю ихъ, учу ихъ познавать Творца и исполнять свой долгъ по отношенію къ нему и къ своимъ ближнимъ, слѣдовательно и къ вамъ. Я имѣю полное право на поддержку всего общества, особенно на вашу, такъ какъ я священникъ въ томъ городкѣ, которымъ вы завѣдуете. Можете быть спокойны! Жаловаться на васъ я не буду никому,

но помните, клянусь вамъ въ этомъ, какъ священникъ и французъ, что сумѣю заставить васъ уважать себя и защититься отъ вашихъ недостойныхъ преслѣдованій. А теперь, можете говорить, я васъ слушаю, только скорѣе. Меня призываютъ священныя обязанности; я уже давно долженъ быть у умирающей, душа которой можетъ быть, ждетъ только моего напутствія!

На нѣсколько секундъ воцарилось молчаніе.

Между тѣмъ въ душѣ американца происходила борьба; волненіе, испытанное имъ, заставило его протрезвиться; онъ сознавалъ теперь всю недостойность своего поведенія и ему стыдно было за свои ругательства.

— Какъ же такъ, — прошепталъ онъ нетвердымъ голосомъ,—ѣхать ночью и въ такую ужасную погоду?!

Миссіонеръ внутренно улыбнулся своей побѣдѣ, но не показалъ, что замѣтилъ ее.

— Да, комендантъ,—кротко возразилъ онъ на замѣчаніе американца,—мнѣ необходимо ѣхать; для священника не должно существовать преградъ къ исполненію долга. Богъ говоритъ ему „Иди“ и онъ идетъ. Будьте-же добры, не задерживайте меня и сообщите причину вашего посѣщенія.

Въ эту минуту незнакомецъ, стоявшій въ углу и бывшій до сихъ поръ безмолвнымъ свидѣтелемъ всего происходившаго, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ, снялъ свою шляпу, и кланяясь миссіонеру, проговорилъ.—

— Сеньоръ падрэ, позвольте мнѣ объяснить вамъ цѣль нашего прибытія, а также попросить у васъ прощенія за то, что я, хотя невольно, послужилъ причиной къ непріятной сценѣ, только что разыгравшейся здѣсь. Повѣрьте, что если-бы оказалась нужна моя помощь, я готовъ былъ выступить на вашу защиту.

— Вы видите, милостивый государь, что это было-бы совершенно излишне, такъ какъ господинъ комендантъ самъ сознаетъ свою вину передо мной.

— Да, да, — проворчалъ сэръ Эдвардъ, походившій

въ эту минуту на собаку, которой только что одѣли намордникъ.—Я велъ себя, какъ ирландская скотина, а не какъ честный американецъ.

Къ чести коменданта надо прибавить, что хотя онъ и былъ чистокровный янки, т. е. пьяница, невѣжда и грубіянъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ обладалъ нѣкоторыми хорошими качествами: у него было доброе и честное сердце и, если умѣли за него взяться, то онъ оказывался добродушнѣйшимъ человѣкомъ.

—Я слушаю васъ, милостивый государь!—продолжалъ миссіонеръ.

— Видите-ли въ чемъ дѣло, сеньоръ падрэ,— возразилъ незнакомецъ;—я только два часа тому назадъ пріѣхалъ изъ Гальвестона и привезъ очень важныя письма, которыя хотѣлъ передать вамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ попросить у васъ маленькую аудіенцію. Мнѣ нужно просить вашего совѣта и помощи въ очень серьезныхъ дѣлахъ, которыя касаются исключительно меня самого; вотъ почему, господинъ аббатъ, я рѣшился, несмотря на такой поздній часъ, просить коменданта проводить меня сюда и представить вамъ. Если-бы я могъ только предполагать, что это подастъ поводъ къ такой скандальной сценѣ, то, конечно, отложилъ-бы свой визитъ до завтра и представился-бы самъ!

— Хм, хм, — проворчалъ комендантъ, — лежачагó не бьютъ! Я сознаюсь въ своей винѣ, сознаюсь, что велъ себя, какъ ирландская скотина, кажется, господинъ аббатъ не можетъ больше ничего отъ меня требовать.

— Хорошо, хорошо, господинъ комендантъ; это дѣло уже покончено; не будемъ больше вспоминать о немъ!— кротко возразилъ миссіонеръ.

— Будьте добры, сеньоръ падрэ, — вмѣшался незнакомецъ,—отвѣтьте, можете-ли вы исполнить теперь мою просьбу?

— Очень сожалѣю, милостивый государь, но въ настоящую минуту я никакъ не могу удѣлить вамъ вре-

мени. Вы уже слышали, что у меня есть спѣшное дѣло и я долженъ, не медля, отправиться въ дорогу.

— Да, да, поѣзжайте, господинъ аббатъ! хм, кх, тьфу— кажется, теперь ужъ не я васъ задерживаю. А все-таки, у васъ хотя и крѣпкіе кулаки, а вы славный малый, такъ что я... хм, хм, пожалуй, и мизинца вашего не стою!

— Милостивый государь, — возразилъ улыбаясь миссіонеръ,—я надѣюсь, что вернусь завтра утромъ и тогда буду къ вашимъ услугамъ.

— Буду безконечно вамъ благодаренъ, падрэ! — проговорилъ, кланяясь, незнакомецъ.

— Вотъ, что хорошо, то хорошо; однако, пора намъ отправляться во свояси, хм, хм, тьфу, — сказалъ комендантъ.—А все таки вы, хоть и сыграли со мной штуку, ну, да все равно, вы — славный малый. А кулаки-то у васъ крѣпкіе! Чортъ подери! Ну, да я вамъ отомщу!

— Вы собираетесь мнѣ мстить, комендантъ?—проговорилъ улыбаясь священникъ.

— Ну, да, ужъ вы увидите... хм, тьфу. — Спокойной ночи, аббатъ... Чортъ!... Прощайте, тьфу, хм, хм!!

Глава IV.

Появленіе Пламеннаго-Сердца.

Владѣнія дона Мельхіора Бартоса находились, какъ мы уже говорили, на разстояніи всего двухъ миль отъ огромной, пустынной территоріи, занятой исключительно различными индѣйскими племенами, которыя совершенно свободно охотились на ней и воевали другъ съ другомъ, изрѣдка только наталкиваясь на бѣлыхъ охотниковъ, заходившихъ сюда изъ Канады, съ которыми у нихъ иногда происходили небольшія стычки.

Владѣніе это было очень обширно; оно разстилалось по берегамъ рѣки Ріо-Нуесесъ, на протяженіи нѣсколькихъ миль. Его покрывали густые лѣса, чередующіеся съ роскошными лугами, трава на которыхъ достигала высоты отъ 6 до 8 футовъ; на нихъ паслись громадные стада, почти дикихъ лошадей и быковъ подъ надзоромъ, такъ называемыхъ вакеро.

Тамъ и сямъ, подъ защитой утесовъ и холмовъ, виднѣются домики служащихъ на плантаціи, такъ называемыя ранчо и хижины; около нихъ тянутся громадныя поля кофе, сахарнаго тростника, бахчи съ арбузами и дынями, цѣлые лѣса хлопчатника, а посреди всей этой роскошной природы рѣзвятся олени, лани, антилопы, пасутся бизоны, рыскаютъ койоты, т. е. рыжіе полевые волки, ягуары, пантеры и даже медвѣди; миріады всевозможныхъ птицъ оглашаютъ пѣніемъ воздухъ, а по

деревьямъ лазаютъ оппосумы, прыгаютъ другъ за другомъ сѣрыя бѣлки и всевозможныя породы обезьянъ.

На илистыхъ берегахъ рѣкъ и болотъ грѣются на солнцѣ, лежа въ тинѣ, отвратительные кайманы, меланхолически слѣдя за великолѣпными черными лебедями, плавно скользящими по теченію водъ, а въ воздухѣ раздаются надъ ними пронзительные крики кондоровъ и орловъ—ягнятниковъ.

Все это громадное владѣніе, превосходящее своимъ пространствомъ любой изъ департаментовъ Франціи, было собственностью одного человѣка, который, несмотря на это, не считался здѣсь богачемъ, такъ какъ въ Америкѣ, богатства, сосредоточенныя въ рукахъ одного лица, часто достигаютъ чисто сказочныхъ размѣровъ.

Надзоръ за всѣми этими обширными владѣніями, былъ порученъ, какъ мы уже сказали, Карденіо, который имѣлъ подъ своимъ непосредственнымъ начальствомъ двухъ управляющихъ, наблюдавшихъ въ свою очередь за множествомъ другихъ слугъ, и проводившихъ свою жизнь въ постоянныхъ разъѣздахъ, такъ что имъ приходилось пить, ѣсть и даже спать на лошади; дикостью они почти ничуть не отличались отъ своихъ подчиненныхъ и животныхъ, за которыми имъ приходилось наблюдать.

Домъ, въ которомъ жила вся семья Бартоса, былъ расположенъ при сліяніи двухъ рѣкъ: одна изъ нихъ была притокъ Ріо-Нуэсесъ, другая-же рѣка, совершенно неизвѣстная въ географіи, получила отъ туземцевъ названіе — Ріо-Вермейо. Домъ былъ весьма большихъ размѣровъ и выстроенъ или вѣрнѣе, сплетенъ по обычаю, существовавшему въ странѣ, изъ толстаго тростника, такъ что имѣлъ видъ рѣшетки, которая внутри была обтянута полотномъ, и воздухъ могъ свободно проникать внутрь комнатъ, но зато туда совершенно не могли пробраться насѣкомыя, тучами кружащіяся около дома.

Комнаты, предназначавшіяся для различныхъ днев-

ныхъ занятій, были устроены подъ землей, во избѣжаніе сильной жары. Для того, чтобы войти туда, нужно было спуститься внизъ на двадцать-пять ступеней. Спальни-же были устроены на поверхности земли. Крыша имѣла видъ террасы, наподобіе того, какъ это дѣлается въ итальянскихъ домикахъ. По обѣимъ сторонамъ главнаго зданія находились флигеля; правый флигель предназначался для прислуги; въ немъ-же помѣщались и кладовыя; въ лѣвомъ флигелѣ были устроены мастерскія для всевозможнаго рода экипажей. Посреди всѣхъ этихъ построекъ выдѣлялась высокая башня, имѣвшая 25 метровъ въ окружности и 40 высоты; она была расположена на самомъ берегу, при сліяніи обѣихъ вышеупомянутыхъ рѣкъ, и имѣла пять этажей: два изъ нихъ были выстроены подъ землей и сообщались съ рѣкой посредствомъ подземнаго хода; въ тѣхъ-же, которые находились надъ землей, были устроены бойницы, изъ нихъ выглядывали восьмиствольные мушкеты и машины для метанья камней. Башня эта служила крѣпостью, въ которой всѣ обитатели этого имѣнія могли укрыться въ случаѣ нападенія краснокожихъ. Внутри она была отлично меблирована и имѣла все необходимое для обороны и жизни въ ней, по крайней мѣрѣ на цѣлый мѣсяцъ.

Но вокругъ всей башни были устроены всевозможныя укрѣпленія и насыпи, имѣвшія болѣе 8000 метровъ въ окружности, такъ что между ними и башней былъ расположенъ еще цѣлый садъ, или такъ называемый „huerta“. За этими укрѣпленіями на довольно большомъ протяженіи не было ни одного деревца, ни одного кустика, гдѣ могъ-бы укрыться непріятель, такъ что появленіе его было-бы замѣчено уже издалека. Вокругъ дома впродолженіи всей ночи ходили сторожа; кромѣ того, одинъ изъ нихъ дежурилъ на самой верхушкѣ башни и при первомъ признакѣ обязанъ былъ извѣстить о приближающейся опасности — ударами въ колоколъ. Вотъ

каково было имѣніе, принадлежавшее дону Мельхіору де-Бартасъ и прозванное, неизвѣстно почему „Прудомъ Койотовъ“.

Въ тотъ день, когда начинается нашъ разсказъ, около 7 часовъ вечера, т. е. въ то время, когда ураганъ свирѣпствовалъ во всей силѣ, въ одной изъ спаленъ этого дома собралось трое изъ его обитателей, а именно: самъ донъ Бартосъ, его жена и ихъ дочь, тринадцатилѣтняя дѣвочка, которая, [блѣдная и безжизненная, лежала на постели.

Дону Мельхіору въ это время было около 60 лѣтъ; это былъ еще вполнѣ бодрый старикъ; высокаго роста, съ лицомъ аскета, блѣднымъ и изнуреннымъ скорѣй нравственными страданіями, чѣмъ годами и лишеніями; волосы его и борода были бѣлы, какъ снѣгъ.

Въ эту минуту онъ былъ въ страшномъ волненіи; нервно и быстро ходилъ онъ по комнатѣ, по временамъ останавливаясь передъ дочерью и бросая на нее взглядъ, полный отчаянія, а затѣмъ снова принимался ходить изъ угла въ уголъ.

Донна Хуана де-Бартосъ, значительно моложе своего мужа, (ей было всего 40 лѣтъ), присутствовала тутъ же.

Это была женщина, сохранившая еще слѣды замѣчательной красоты; она сидѣла у изголовья дочери, держа въ своихъ рукахъ ея руки и жадными глазами слѣдя за каждымъ ея вздохомъ, между тѣмъ какъ горячія слезы текли по блѣднымъ щекамъ ея, но она не замѣчала ихъ.

Флорѣ де-Бартосъ было всего тринадцать лѣтъ, но благодаря южному климату она развилась очень быстро и выглядѣла взрослой дѣвушкой.

Она была высокаго роста и притомъ сложена безукоризненно; всѣ формы ея имѣли безупречную правильность и чистоту, такъ что самъ божественный Рафаэль не могъ-бы мечтать о лучшей модели для своей ма-

донны. Это было идеальное по красотѣ существо, соединявшее небесную гармонію формъ со всей прелестью женщины.

Глаза ея съ выраженіемъ страданія и, вмѣстѣ съ тѣмъ съ любовью были устремлены на мать, а губы искривлены въ предсмертную улыбку.

Въ комнатѣ царило гробовое молчаніе.

Вдругъ вдали послышался звонъ колокольчика.

— Что это такое?—прошепталъ донъ Мельхіоръ, задрожавъ.

Донна Хуана не шевельнулась, не подняла даже головы; всѣ ея помыслы были обращены къ дочери; она ничего не слышала и не видѣла вокругъ себя.

Въ эту минуту дверь тихонько пріотворилась и въ нее выглянула голова съ сильно загорѣлымъ лицомъ.

— Что-такое,—донъ Рамонъ? спросилъ плантаторъ.

— Подите-ка сюда!—отвѣтилъ донъ Рамонъ, который былъ однимъ изъ майордомовъ сеньора Бартоса.

Донъ Мельхіоръ подошелъ и поцѣловалъ дочь въ лобъ.

— Милый папочка!—прошептала дѣвочка нѣжнымъ голосомъ, похожимъ на пѣнье соловья, и слабая улыбка мелькнула на ея блѣдныхъ губахъ.

Донъ Бартосъ вышелъ, тихо затворивъ за собой дверь. Донъ Рамонъ ожидалъ его въ сосѣдней комнатѣ, которая служила залой, называемой у американцевъ „parlour“.

Дону Рамону было всего 32 или 33 года; онъ родился и выросъ въ семьѣ Бартасовъ и былъ безгранично преданъ имъ. Онъ былъ немного выше средняго роста, но сложенъ, какъ геркулесъ: широкоплечій, довольно плотный, съ желѣзными мускулами онъ обладалъ необычайной силой; ноги у него были дугой, какъ почти у всѣхъ, кто много ѣздитъ верхомъ; на правомъ боку

у него висѣлъ кинжалъ, а изъ голенища сапога торчала рукоятка складнаго ножа.

— Что случилось, донъ Рамонъ? Почему этотъ звонъ? спросилъ плантаторъ.

— Дѣло въ томъ, господинъ,—отвѣтилъ управляющій,—что какіе-то незнакомцы просятъ оказать имъ гостепріимство и ждутъ вашего разрѣшенія.

— Отчего же ихъ тотчасъ-же не ввели?! Если мой злѣйшій врагъ попросилъ бы пріютить въ такую погоду, то и тогда не хватило бы духу отказать.

— Да вотъ, то-то и оно, господинъ... — проговорилъ майордомъ съ замѣшательствомъ.

— Да что-же такое?-- спросилъ нетерпѣливо донъ Бартасъ!

— Да то! что эти путешественники—индѣйцы.

— Какое же намъ до этого дѣло? Развѣ они не такіе-же люди, какъ и мы?

— Правда, это — правда, да индѣецъ этотъ — злѣйшій врагъ; онъ одинъ изъ начальниковъ племени апаховъ и съ нимъ четверо провожатыхъ; однимъ словомъ, это—Пламенное-Сердце!

— Пламенное-Сердце!—прошепталъ плалтаторъ глухимъ голосомъ.—Зачѣмъ онъ здѣсь?— продолжалъ онъ;—да впрочемъ не все-ли равно?!— Долгъ гостепріимства требуетъ, что-бы мы его приняли, а потому введите его сюда, а остальныхъ проводить въ помѣщеніе для гостей и подать имъ все, что они спросятъ. Идите! Я буду ждать здѣсь. Скажите Педрильо, чтобы онъ принесъ сюда прохладительное.

Майордомъ поклонился и вышелъ изъ залы.

— Однако это посѣщеніе не безъ причины, — прошепталъ донъ Бартосъ, когда остался одинъ.—Что нибудь да здѣсь скрывается; измѣна, пожалуй!? Однако Пламенное-Сердце слыветъ за честнаго человѣка. Посмотримъ!

Въ эту минуту вошелъ Педрильо, неся на большомъ

подносѣ всевозможное угощеніе: дичь, печенье изъ маиса фрукты и различные напитки; все это онъ разставилъ на столѣ, затѣмъ зажегъ двѣ лампы и удалился.

Почти въ ту-же минуту дверь растворилась и вошелъ майордомъ въ сопровожденіи начальника апаховъ. Плантаторъ сдѣлалъ знакъ, донъ Рамонъ вышелъ, и донъ Бартосъ остался со своимъ гостемъ наединѣ.

Это былъ настоящій гигантъ; въ немъ было больше 6 футовъ и 2 дюймовъ. Сложенъ онъ былъ прекрасно; кожа его имѣла цвѣтъ античной бронзы; у него былъ высокій открытый лобъ, большіе черные глаза съ слегка приподнятыми къ вискамъ бровями, носъ съ небольшой горбинкой, большой ротъ съ красными толстыми губами и острыми, бѣлыми, какъ жемчугъ, зубами. Уши его, въ которыхъ были воткнуты перья и различныя другія украшенія, отвисли вслѣдствіе этого почти до самыхъ плечъ.

Волосы на головѣ были гладко выбриты, за исключеніемъ длиннаго пучка, оставленнаго на макушкѣ, который былъ связанъ почти на самомъ лбу въ видѣ султана, причемъ волоса были жирно намазаны медвѣжьимъ жиромъ, смѣшаннымъ съ красной глиной, такъ что не было возможности разобрать ихъ настоящій цвѣтъ. Прическа эта была украшена орлинымъ перомъ, воткнутымъ въ нее съ лѣвой стороны, а справа торчалъ деревянный ножъ, выкрашенной въ зеленую краску. На шеѣ индѣйца было одѣто ожерелье изъ медвѣжьихъ когтей и другое изъ бусъ, съ прикрѣпленной къ нему медалью съ изображеніемъ Вашингтона. Грудь была обнажена и на ней были видны слѣды многочисленныхъ ранъ. Одѣтъ онъ былъ въ панталоны или „митасы„ изъ кожи, стянутыя на таліи кожанымъ поясомъ, къ которому была прикрѣплена пороховница, сдѣланная изъ рога бизона, мѣшокъ для пуль, ножъ для скальпированія, топоръ и затѣмъ на длинной цѣпочкѣ — свистокъ, выдолбленный изъ человѣческой голени.

На лѣвое плечо у него былъ накинутъ плащъ изъ бизоновой шкуры, шерстью внутрь, правая сторона котораго была испещрена всевозможными іероглифами, а на затылкѣ были прикрѣплены всѣхъ сортовъ перья, спускавшіяся на спину въ видѣ гривы.

Руки его были изукрашены тяжелыми золотыми и серебряными браслетами; кожаный ягташъ, служившій сумкой для лекарствъ, висѣлъ черезъ правое плечо на лѣвомъ боку. Въ правой рукѣ у него было длинное охотничье ружье, а въ лѣвой хлыстъ и вѣеръ, сдѣланный изъ орлинаго крыла.

Таковъ былъ предводитель апаховъ, причемъ его гордый взглядъ и важная походка внушали къ нему невольное почтеніе, не смотря на то, что ему было всего 30 лѣтъ.

Онъ торжественно вошелъ въ залу, положилъ ружье, вѣеръ и хлыстъ на одинъ изъ стульевъ и, вытянувъ впередъ руку, обращенную ладонью кверху — въ знакъ привѣтствія, не безъ изящества поклонился плантатору.

— Я очень благодаренъ моему собрату, Пламенному Сердцу,—проговорилъ донъ Мельхіоръ,—что онъ, будучи застигнутъ бурей, вспомнилъ, что недалеко находится жилище друга, который всегда радъ оказать ему гостепріимство.

— Пламенное-Сердце не другъ Бѣлой Головы,—проговорилъ индѣецъ горловымъ голосомъ, но Бѣлая Голова—мудрецъ. Недаромъ много зимъ посеребрили его голову своей мудростью. Онъ знаетъ, что Пламенное-Сердце его — врагъ, и все-таки не отказалъ ему въ гостепріимствѣ. Пламенное Сердце благодаритъ и не забудетъ этого!

— Садитесь и отдохните! Вотъ ѣда и питье! Теперь между нами миръ и не будемъ нарушать его!

— Пламенное-Сердце говоритъ, что думаетъ. Онъ благодаритъ Бѣлую-Голову за гостепріимство, но миръ между ними только до тѣхъ поръ, пока они подъ одной

кровлей, а какъ только апахъ покинетъ его домъ, онъ бросить Бѣлому окровавленныя стрѣлы, въ знакъ вызова.

— Вы хорошо знаете, что я всегда готовъ какъ на войну, такъ и на миръ. Вы безъ всякаго основанія требуете, чтобы я отказался отъ своихъ земель, но я съумѣю защитить ихъ. Однако, теперь не время думать объ этомъ. Вы—мой гость, а потому садитесь и кушайте!

— Бѣлый говоритъ хорошо; я съ нимъ согласенъ, а потому принимаю его приглашеніе.

Гость и хозяинъ сѣли и принялись за ѣду; индѣецъ былъ дѣйствительно голоденъ и ѣлъ съ аппетитомъ, а донъ Мельхіоръ исполнялъ только долгъ вѣжливости. Индѣйцы вообще очень прожорливы и любятъ выпить, но, несмотря на это, Пламенное Сердце ѣлъ безъ жадности и даже останавливался по временамъ.

— Я надѣюсь,—проговорилъ индѣецъ, когда утолилъ первый аппетитъ,—что Ваканда продолжаетъ покровительствовать Бѣлому и его дому за его справедливость!

— Увы,—прошепталъ съ грустью донъ Мельхіоръ,—мой братъ пришелъ къ намъ въ тяжелое время; у насъ большое горе.

— Что хочетъ сказать этимъ отецъ мой?

— Ты видишь, что я плачу, такъ какъ мое дорогое дитя—моя дочь умираетъ.

— Умираетъ?! Какъ? Умираетъ цвѣтокъ нашей саванны? — съ горестью воскликнулъ индѣецъ. — Что ты говоришь? Не можетъ быть!

— Я говорю правду; моя несчастная дѣвочка умираетъ.

— Но что-же съ ней случилось?

— Сегодня утромъ еще моя дорогая Флора была здорова и рѣзвилась въ саду, какъ газель, какъ вдругъ испустила страшный крикъ и упала въ обморокъ: ее ужалила въ vivora-ciega.

— Ага!.. — задумчиво проговорилъ аппахъ. Что-же сдѣлали, чтобы спасти дѣвочку?

— Рану разрѣзали накрестъ; я высосалъ кровь и положилъ затѣмъ на нее припарку изъ листьевъ huaco, изъ которыхъ предварительно выжалъ на рану сокъ.

— Бѣлый хорошо поступилъ! — проговорилъ индѣецъ.—Что-же онъ еще сдѣлалъ?

— Ничего.

— Сколько времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ бѣлая дѣвочка укуше на vivora ciega?

— Почти 6 часовъ.

— Какъ-же она себя чувствуетъ?

— Она, повидимому, не испытываетъ никакой боли, но постоянно то дремлетъ, то находится въ состояніи полнаго оцѣпенѣнія.

Индѣецъ оставался нѣсколько времени погруженнымъ въ задумчивость, затѣмъ поднялъ голову и, обращаясь къ плантатору проговорилъ:

— Пусть бѣлый проводитъ меня сейчасъ-же къ газели; Ваконда любитъ краснокожихъ воиновъ; Онъ имъ открываетъ такія тайны, которые скрыты отъ блѣднолицыхъ.

— Какъ? Что-же вы хотите дѣлать? — проговорилъ донъ Мельхіоръ нерѣшительно.

— Пусть бѣлый обдумаетъ хорошенько. Индѣецъ обращается къ нему, какъ другъ и, можетъ быть, здѣсь дѣло идетъ о жизни блѣднолицей дѣвочки.

— Ну, такъ, идите-же, идите скорѣе! -воскликнулъ плантаторъ, быстро вставая со своего мѣста и направляясь къ двери.

Они вошли въ спальню; въ ней все было по прежнему, дѣвочка лежала безъ всякихъ признаковъ жизни, блѣдная, съ полузакрытыми глазами, а мать, олицетвореніе древней Ніобеи, продолжала тихо плакать, сидя около нея.

Индѣецъ смотрѣлъ нѣсколько времени съ волненіемъ на эту картину, затѣмъ слабая улыбка промелькнула на лицѣ его; онъ открылъ свой ягташъ и вынулъ оттуда

два камешка; сильно потеревъ одинъ о другой, онъ быстро нагнулся къ больной и приложилъ одинъ изъ камешковъ ко рту, а другой къ ноздрямъ.

Безпокойство дона Мельхіора и донны Хуаны было безгранично; они стояли неподвижно, едва переводя дыханіе, съ сложенными руками и съ поднятыми къ небу глазами.

Вдругъ все тѣло больной содрогнулось, какъ-бы отъ электрическаго удара, слабый румянецъ разлился по всему лицу, она сразу поднялась на постели и воскликнула съ невыразимой радостью:

— О, Боже мой! Благодарю Тебя! Я останусь жива! Папочка, мама—я опять ваша!

— Сашемъ!—воскликнулъ донъ Мельхіоръ съ волненіемъ, — вы спасли мою дочь; я вашъ должникъ до гроба!

— Господь да вознаградитъ васъ! — горячо проговорила донна Хуана.

Пламенное-Сердце улыбнулся и, обращаясь къ осчастливленнымъ имъ родителямъ, проговорилъ:

— Благодарите не меня, а Ваконду. Это Онъ захотѣлъ отплатить вамъ за радушное гостепріимство, оказанное мнѣ!

Глава V.

Какого рода разговоръ произошелъ между двумя прежними врагами.

Первыя минуты послѣ чудеснаго исцѣленія Флоры прошли въ объятіяхъ и поцѣлуяхъ, такъ что всѣ какъ будто на минуту забыли объ ея спасителѣ, но дѣвочка первая вспомнила о немъ и, схвативъ въ свои крошечныя ручки громадную руку индѣйца, проговорила съ выраженіемъ безконечной благодарности въ голосѣ:

— Пламенное-Сердце спасъ жизнь Флорѣ, которую онъ называетъ газелью. Флора никогда не забудетъ этого и съ этихъ поръ Пламенное-Сердце—ея братъ. Нехочетъ-ли Сашемъ поцѣловать свою сестру?

Индѣецъ не могъ удержать своего волненія, которое помимо его воли отразилось у него на лицѣ.

Онъ нагнулся къ дѣвочкѣ, почтительно и нѣжно поцѣловалъ ее въ лобъ; затѣмъ, снявъ съ руки одинъ изъ золотыхъ браслетовъ и подавая его Флорѣ, произнесъ:

— Съ этихъ поръ Бѣлая Газель—сестра Сашема. Пусть этотъ браслетъ служитъ знакомъ союза между нимъ и ею и, если сестрѣ моей будетъ угрожать какая либо опасность, то Пламенное-Сердце съумѣетъ защитить ее.—Съ этими словами, индѣецъ надѣлъ браслетъ на руку дѣвочкѣ, которая, въ свою очередь, сняла съ шеи жемчужное ожерелье и, подавая его своему спасителю, ласково произнесла:

— Братъ, возьмите это на память отъ вашей сестры!

Индѣецъ былъ разстроганъ до глубины души, но, желая скрыть свое волненіе и вмѣстѣ съ тѣмъ, чувствуя инстинктомъ, что нужно оставить мать и дочь наединѣ, чтобы они могли вполнѣ отдаться своей радости, онъ поклонился и вышелъ изъ спальни въ сопровожденіи дона Мельхіора. Они снова вошли въ ту-же залу, которую недавно оставили. Нѣсколько минуту царствовало молчаніе, наконецъ, плантаторъ первый прервалъ его.

— Послушайте, сашемъ, то, что сейчасъ произошло между нами, навсегда измѣнило наши отношенія. Я вашъ должникъ на всю жизнь и постараюсь, чѣмъ только могу, отплатить вамъ. Я не хочу болѣе оспаривать вашихъ притязаній на мои владѣнія, хотя имѣю на то право. Между нами не должно быть болѣе никакихъ недоразумѣній, а потому запомните хорошенько все, что я вамъ скажу.

— Рѣчь бѣлаго мнѣ нравится; пусть онъ говоритъ; уши сашема открыты.

Съ этими словами индѣецъ вытащилъ изъ-за пояса свою трубку, набилъ ее и началъ съ важностью курить, что служитъ у краснокожихъ знакомъ дружескаго расположенія къ своему собесѣднику, такъ какъ ни одинъ изъ нихъ не согласится курить въ присутствіи врага.

— Я совершенно не знаю, какая можетъ быть цѣна моихъ владѣній,—продолжалъ донъ Бартосъ;—назначьте ее сами и я даю вамъ слово честнаго человѣка и христіанина, что заплачу вамъ все, что вы потребуете, хотя-бы ради этого мнѣ пришлось сдѣлаться бѣднѣе самаго послѣдняго индѣйца.

Донъ Мельхіоръ замолчалъ и нѣсколько секундъ въ комнатѣ царствовала тишина; наконецъ, индѣецъ, слѣдившій все время, задумчиво опустивъ голову, поднялъ ее и проговорилъ.

— Не скажетъ-ли бѣлый еще чего нибудь?

— Да,—съ живостью подхватилъ плантаторъ,—я дол-

женъ еще добавить, что, и заплативъ вамъ всю требуемую сумму, я все-таки останусь навѣки обязаннымъ вамъ; что впродолженіе всей своей жизни я буду для васъ не только преданнымъ другомъ, но самымъ заботливымъ отцомъ! Больше мнѣ нечего пока сказать вамъ, сашемъ!

Индѣецъ почтительно поклонился и, въ свою очередь, заговорилъ:

— Я вижу, что все, что бѣлый сказалъ сейчасъ, исходитъ изъ самаго его сердца. Какъ ураганъ разсѣялъ тучи, такъ и вражда, существовавшая между сашемомъ и бѣлымъ, разсѣялась навсегда. Пламенное-Сердце — братъ Газели, а братъ не долженъ раззорять свою сестру. Бѣлая-Голова ничего мнѣ не долженъ, такъ какъ теперь я также принадлежу къ его семейству.

— Такое благородство не удивляетъ меня, сашемъ! Я давно знаю, какое у васъ честное сердце и не хочу настаивать на своемъ предложеніи, чтобы не обидѣть васъ. Но разъ, что вы теперь братъ моей дочери, вы слѣдовательно и мой пріемный сынъ, а потому вы не откажетесь принять отъ меня подарокъ.

— Это дѣло другое! Всякій подарокъ будетъ принятъ сашемомъ съ благодарностью.

— У меня здѣсь очень много совершенно ненужныхъ для меня вещей, но которыя принесутъ большую пользу моему пріемному сыну. Вотъ что я намѣренъ предложить вамъ, сашемъ: вопервыхъ, 150 ружей, тридцать дюжинъ ножей для скальпированія, двѣсти фунтовъ пороху, сто фунтовъ свинцу для отливки пуль и восемьдесятъ шерстяныхъ одѣялъ. Все это уложатъ на муловъ,— и пусть сашемъ отвезетъ это воинамъ своего племени и передастъ имъ, что бѣлые умѣютъ быть благодарны за оказываемыя имъ услуги.

— Какъ! — воскликнулъ апахъ, весь задрожавъ отъ радости,—отецъ дастъ мнѣ такое богатство?

— Дитя! — съ улыбкой проговорилъ плантаторъ, — я

всегда исполняю то, что обѣщаю! Съ этими словами онъ ударилъ въ гонгъ, на звукъ котораго появился Педрильо.

— Позвать майордома!—проговорилъ донъ Мельхіоръ. Его приказаніе было исполнено почти моментально и въ комнату вошелъ донъ Рамонъ. которому плантаторъ повторилъ слово въ слово все то, что только что обѣщалъ сашему, приказавъ при этомъ исполнить все безъ малѣйшаго замедленія.

Донъ Рамонъ хотѣлъ уже удалиться, когда сашемъ жестомъ остановилъ его.

— Въ чемъ еще нуждается сынъ мой? — спросилъ донъ Мельхіоръ.—Пусть онъ только скажетъ и, всякое желаніе его будетъ тотчасъ исполнено.

Сашемъ повернулся къ окну и, указывая на усѣянное звѣздами небо, проговорилъ:

— Посмотри, отецъ, какъ прекрасна ночь! Отъ урагана и слѣда не осталось! Блестящія свѣтила показались на небѣ и луна озаряетъ землю своимъ блѣднымъ свѣтомъ. Но вѣдь мы не женщины и не боимся ночныхъ привидѣній; намъ еще лучше путешествовать при таинственномъ блескѣ звѣздъ, чѣмъ при жгучихъ лучахъ солнца. Пламенное-Сердце не хочетъ больше злоупотреблять гостепріимствомъ и отправится въ путь тотчасъ-же. Пусть-же отецъ прикажетъ нагружать муловъ, какъ можно скорѣе.

— Какъ, сынъ мой, ты уже хочешь ѣхать!

— Да, непремѣнно,—приложивъ ко рту указательный палецъ правой руки!—отвѣтилъ сашемъ.

— Пусть будетъ такъ! Я никогда никого не стѣсняю и сынъ мой можетъ ѣхать, когда захочетъ.

— Я отправляюсь черезъ часъ.

— Чтобы все было готово къ этому времени, донъ Рамонъ! Ступайте!

Майордомъ почтительно поклонился и вышелъ.

— Я не задерживаю васъ,—проговорилъ донъ Мельхіоръ, оставшись наединѣ съ индѣйцемъ, — такъ какъ

понялъ по знаку, сдѣланному вами, что у васъ есть серьезныя причины торопить отъѣздомъ.

— Мой отецъ разсудитъ правильно. Пламенное-Сердце объяснитъ ему эту причину. Дѣло въ томъ, что племя Сіу-Бизоновъ во враждѣ съ бѣлыми.

— Да, это правда, хотя я самъ не знаю, отчего это происходитъ, такъ какъ, съ своей стороны, я сдѣлалъ всевозможныя уступки, чтобы жить съ ними въ мирѣ.

— Мой отецъ говоритъ справедливо. Сіу-Бизоны виноваты передъ нимъ, но отецъ мой богатъ; у него есть и оружіе и стада, а у нихъ нѣтъ ничего. Черная-Птица—сашемъ Сіу-Бизоновъ, ненавидитъ всѣхъ бѣлыхъ и поклялся имъ отомстить.

— Я ожидалъ этого, такъ какъ знаю, на что онъ способенъ!

— Слушай-же хорошенько все, что я скажу; я буду говорить одну правду и открою передъ тобой, отецъ мой, все мое сердце. Черная-Птица подстрекалъ меня постоянно противъ тебя и я уже почти заключилъ съ нимъ союзъ. Въ эту самую ночь я долженъ присутствовать на совѣтѣ, на которомъ должны быть выяснены всѣ условія нашего союза, но, конечно, послѣ того, что произошло здѣсь, эти условія будутъ совсѣмъ не таковы, какъ-то ожидаетъ Черная-Птица! Пусть-же отецъ мой дослушаетъ до конца, внимательно все, что я скажу.

— Будьте покойны, сашемъ! Я не пропоню ни одного вашего слова!

— Это хорошо, такъ какъ я долженъ сообщить очень важныя извѣстія: Черная-Птица рѣшился напасть врасплохъ на „Прудъ-Кайотовъ“. Его племя многочисленно; въ немъ болѣе пятисотъ храбрыхъ воиновъ, вооруженныхъ отличными ружьями, которыми они прекрасно владѣютъ. Кромѣ того, съ ними въ союзѣ другое племя — Апахи-Антилопъ, такъ что всего у Черной-Птицы наберется болѣе тысячи человѣкъ воиновъ, но Пламенное-Сердце не присоединится къ нему; онъ теперь союз-

никъ Бѣлой-Головы и его воины будутъ защищать бѣлыхъ.

— Благодарю васъ, сашемъ! Вотъ уже восемь дней, какъ я получилъ отъ Черной-Птицы окровавленныя стрѣлы, но, къ сожалѣнію, не знаю, когда долженъ ждать нападенія.

— Я также этого не знаю, но, во всякомъ случаѣ, если оно не произойдетъ въ эту ночь, такъ какъ сегодня назначенъ совѣтъ, то его нужно ожидать завтра непременно. Пусть-же отецъ мой приготовится хорошенько къ защитѣ, такъ какъ Черная-Птица поклялся именемъ самого Ваконды, что разрушитъ все жилище Бѣлой-Головы.

— Я надѣюсь, что Господь поможетъ намъ, и приготовлюсь къ защитѣ. Сынъ мой сообщилъ мнѣ драгоцѣнныя свѣдѣнія и я благодарю его за это.

— Развѣ отецъ мой не разсчитываетъ ни на чью помощь?

— Увы, сынъ мой!—проговорилъ плантаторъ, грустно опустивъ голову.—Я здѣсь такъ отрѣзанъ отъ всего міра, что не могу ни откуда ожидать ее.

— Отецъ мой ошибается!—горячо возразилъ индѣецъ.

— Ошибаюсь! Нѣтъ, сынъ мой! Развѣ ты не знаешь, что я здѣсь совершенно одинокъ, такъ какъ на двадцать миль вокругъ нѣтъ ни одного человѣка моей расы?

— Все-таки отецъ мой ошибается!—еще энергичнѣе воскликнулъ индѣецъ.—Развѣ ты забылъ, что Пламенное-Сердце твой сынъ съ этого дня? Если онъ отказывается отъ гостепріимства Бѣлой-Головы, то только потому, что хочетъ поспѣшить скорѣе къ своимъ воинамъ, чтобы вернуться вмѣстѣ съ ними съ быстротой ястреба на помощь Бѣлой-Головѣ.

— Боже мой! — воскликнулъ съ волненіемъ донъ Мельхіоръ,— какое благородное сердце и какъ благодарить мнѣ тебя!

— Меня не за что благодарить, — возразилъ просто

индѣецъ. Я исполняю только свой долгъ, такъ какъ, если-бы не помогъ тебѣ противъ угрожающей опасности, то совершилъ-бы не честный поступокъ, а кромѣ того,— добавилъ онъ съ ласковой улыбкой, — я не хочу, чтобы случилось какое-либо несчастье съ моей сестрой Газелью. Пусть-же мой отецъ приготовится къ нападенію Апаховъ-Антилопъ, такъ какъ они могутъ явиться каждую минуту.

При послѣднихъ словахъ индѣйца дверь тихо отворилась и на порогѣ появилась Флора, поддерживаемая матерью. Прелестная дѣвочка была еще очень блѣдна и слаба, но улыбалась и, обращаясь къ сашему, проговорила своимъ мелодичнымъ голосомъ:

— Слышала ваши слова, братъ, и хотѣла еще разъ поблагодарить васъ до вашего отъѣзда. Вы такъ добры, сашемъ, что я люблю васъ также, какъ моего родного брата Карденіо.

— Карденіо! — воскликнулъ донъ Бартосъ съ безпокойствомъ,—гдѣ-же онъ? Я совсѣмъ забылъ о немъ!

— Папочка, бѣдный Карденіо ускакалъ въ Кастровиль за аббатомъ Мишелемъ, когда увидѣлъ меня въ опасности. Онъ, бѣдненькій, совсѣмъ обезумѣлъ отъ горя и поскакалъ въ самый ураганъ, не обращая ни на что вниманія.

— Боже мой! Боже мой! Одинъ въ саваннахъ въ такую ужасную бурю! Неужели Господь не сжалится надо мной и я долженъ потерять одного изъ моихъ дѣтей?!— воскликнулъ донъ Мельхіоръ, съ отчаяніемъ схвативъ себя руками за голову.

При этомъ возгласѣ, полнымъ горя, апахъ вскочилъ со своего мѣста.

— Пусть отецъ мой скажетъ только слово,— проговорилъ онъ,—и Пламенное-Сердце отправится на поиски со всѣми своими воинами!

— Нѣтъ, нѣтъ, сашемъ!—вмѣшалась дѣвочка, съ благодарностью смотря на индѣйца. — Это было-бы безпо-

лезно. Папа отправитъ дона Рамона съ людьми за Карденіо; они возьмутъ съ собой факелы и, навѣрно, скоро отыщутъ его. Вы-же должны поберечь себя, такъ какъ вамъ предстоитъ еше болѣе трудное дѣло защищать насъ отъ нападенія!

— Спасибо, моя дорогая крошка! — проговорилъ, поспѣшно вставая, донъ Мельхіоръ.— Ты надоумила меня и я сейчасъ-же отпралю дона Рамона.

— Я отправлюсь вмѣстѣ съ тобой, отецъ мой, такъ какъ мнѣ пора ѣхать!—сказалъ индѣецъ, также вставая.

— Вѣдь вы скоро вернетесь, братъ? — ласково спросила дѣвочка.

— Раньше, чѣмъ черезъ 24 часа я буду здѣсь, сестра; и да сохранитъ васъ Ваконда до моего возвращенія. Прощайте! Пламенное-Сердце любитъ и не забудетъ васъ!

Съ этими словами сашемъ низко поклонился, взялъ свое оружіе, снятое имъ при входѣ, и вышелъ изъ комнаты, сопровождаемый дономъ Мельхіоромъ.

Была чудная лунная ночь. Ничто не напоминало о только-что пронесшемся ураганѣ. Небо, усѣянное миріадами звѣздъ, было удивительно прозрачно, такъ-же, какъ и вся атмосфера, вслѣдствіе чего всѣ предметы можно было различать на далекомъ разстояніи. Воздухъ былъ напоенъ какимъ-то опьяняющимъ ароматомъ; полная тишина царила въ природѣ, только вершины деревьевъ тихо шептались, и луна озаряла всю окрестность своимъ блѣднымъ, таинственнымъ свѣтомъ.

На дворѣ дона Мельхіора все уже было готово къ отъѣзду; двѣнадцать муловъ, тяжело нагруженныхъ и четыре индѣйца ждали только появленія его, чтобы отправиться въ дорогу.

Сашемъ въ это время дружески прощался съ дономъ Мельхіоромъ, затѣмъ вскочилъ на сѣдло,—и маленькій караванъ двинулся въ путь и скоро скрылся въ темнотѣ ночи.

Послѣ ихъ отъѣзда донъ Бартосъ немедленно призвалъ къ себѣ дона Рамона и второго майордома, дона Сегюро, которому былъ порученъ надзоръ за стадами, и въ короткихъ словахъ отдалъ имъ свои приказанія.

Черезъ четверть часа двадцать служителей дона Мельхіора отправились на поиски за Карденіо и аббатомъ, вооруженные горящими факелами, и вскорѣ разсыпались во всѣхъ направленіяхъ по саваннѣ.

Для плантатора потянулись томительные часы ожиданія; онъ не отходилъ отъ дверей и стоялъ неподвижно, тщетно вперяя взоры въ темную даль. Ночь уже приближалась къ концу и первые проблески зари озарили горизонтъ, когда, наконецъ, вдали показались огоньки, которые быстро приближались къ дому; это были служители дона Мельхіора.

Въ эту минуту силы оставили старика; безсонная ночь и страшное волненіе, испытанное имъ, подѣйствовали на него такъ сильно, что онъ долженъ былъ прислониться къ косяку, чтобы не упасть. Туманъ застилалъ ему глаза.

— Боже мой! Боже мой!—съ отчаяніемъ прошепталъ онъ,—возврати мнѣ сына!

Глава VI.

О томъ, каково путешествовать ночью въ саваннахъ Техаса.

Имѣніе дона Бартоса находилось всего на разстояніи пяти миль отъ Кастровилля, такъ что на хорошихъ лошадяхъ его легко было проѣхать въ полтора часа, но послѣ разразившагося урагана нечего было и думать совершить это въ такой короткій срокъ. Вездѣ были видны слѣды ужаснаго разрушенія: рѣки обратились въ страшные потоки, всѣ слѣды мостовъ и дорогъ были уничтожены, такъ что подвигаться впередъ приходилось съ большой осторожностью и надо было болѣе полагаться на инстинктъ лошадей, чѣмъ на собственное знаніе дороги, до того вся мѣстность была неузнаваема.

Было уже около десяти часовъ вечера, когда аббатъ Поль-Мишель и Карденіо выѣхали изъ Кастровилля въ сопровожденіи Фраскуито.

Проѣхавъ небольшое пространство обработанныхъ полей, разстилавшихся около Кастровилля, путники въѣхали въ необозримую саванну, называвшуюся Леона.

Леона представляетъ собою мѣстность, изрѣзанную множествомъ извилистыхъ потоковъ, глубина которыхъ иногда весьма значительна; кромѣ того, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ она покрыта густыми лѣсистыми зарослями, наводящими на всѣхъ жителей ужасъ.

Многіе колонисты, привлеченные въ Леону собираніемъ хвороста, или такъ называемой паканы („pacane“),

навсегда остались тутъ, не найдя обратной дороги изъ этихъ дебрей. Ихъ кости были впослѣдствіи найдены другими путешественниками.

Обитателями этой мѣстности служатъ всевозможныя индѣйскія племена: Апахи, Команчи, Делавары, Сіу и другія, и, если въ руки этихъ дикарей попадается кто-нибудь изъ бѣлыхъ, то они немедленно умерщвляютъ его, подвергнувъ предварительно самымъ утонченнымъ мученіямъ. Путешествіе по Леонѣ еще затрудняется множествомъ ядовитыхъ змѣй, укушеніе которыхъ большею частью смертельно, а кромѣ того здѣсь любимое пребываніе ягуаровъ, пантеръ и степныхъ волковъ.

Вотъ по такой-то мѣстности пришлось пробираться нашимъ тремъ спутникамъ единственной дорогой для которыхъ служила небольшая тропинка, протоптанная первоначально, вѣроятно, дикими звѣрями и слегка прорубленная затѣмъ людьми. Быстро ѣхать не было никакой возможности, такъ какъ всюду торчали громадные пни и валялись стволы срубленныхъ деревьевъ. Вначалѣ все шло благополучно. Ночь хотя уже наступила, но луна свѣтила довольно ярко и всадники продолжали свое путешествіе.

Они достигли, наконецъ, довольно широкаго потока, называемаго Буффало, черезъ который было устроено какое-то подобіе моста изъ друхъ стволовъ деревьевъ, переплетенныхъ сухими вѣтками. Они пронеслись черезъ него галопомъ, рискуя упасть въ страшную бездну, при малѣйшемъ невѣрномъ шагѣ, лошадей. За этимъ мостомъ начиналась Леона, самое опасное мѣсто изъ всего путешествія. Наши всадники однако смѣло въѣхали въ лѣсъ. Страшная темнота царствовала подъ деревьями; различить что-либо вокругъ не было никакой возможности и подвигаться впередъ приходилось почти ощупью.

Не прошло и двадцати минутъ, какъ наши путники вступили въ чащу, вдругъ лошадь Карденіо, ѣхавшаго впереди, заржала и взвилась на дыбы.

Юноша не разстерялся; онъ внимательно оглядѣлся вокругъ и замѣтилъ не болѣе, какъ въ двадцати пяти шагахъ передъ собой два зловѣщіе огонька, которые ярко горѣли въ темнотѣ. Карденіо быстро схватилъ ружье, висѣвшее у него у сѣдла, зарядилъ его и выстрѣлилъ. Послышалось глухое рычанье, трескъ ломаемыхъ сучьевъ,—и все затихло.

— Огня! — закричалъ Карденіо, обращаясь къ Фраскуито.

Пономарь, у котораго отъ страха зубы стучали, какъ въ лихорадкѣ, дрожащими руками зажегъ факелъ; при свѣтѣ его наши путники увидѣли передъ собой громаднаго мертваго ягуара, которому Карденіо попалъ между глаза, убивъ его такимъ образомъ наповалъ.

Но, избавившись отъ этой опасности, наши путники находились тѣмъ не менѣе въ ужасномъ положеніи, такъ какъ со всѣхъ сторонъ окружали хищники, похожіе на нашихъ европейскихъ волковъ, только отличающіеся большей силой и величиной; они извѣстны въ этой мѣстности подъ названіемъ рыжихъ волковъ, степныхъ шакаловъ или кайотовъ. Ихъ было около сорока, но число это быстро возростало, такъ что можно было ожидать, что черезъ полъ-часа будетъ болѣе сотни. Они не выказывали никакихъ кровожадныхъ намѣреній по отношенію къ нашимъ всадникамъ, но тѣмъ не менѣе ихъ неотвязчивое преслѣдованіе было довольно подозрительно и нужно было каждую минуту ожидать нападенія. Испуганная выстрѣлами и свѣтомъ факела, вся стая остановилась въ нерѣшительности; но запахъ свѣжей крови убитаго ягуара раздражалъ звѣрей; они глухо рычали и, повидимому, были очень голодны, что не предвѣщало ничего добраго. Путникамъ надо было на что нибудь рѣшиться, такъ какъ у нихъ у каждаго было только по три выстрѣла, которые, конечно, не могли спасти ихъ отъ цѣлой стаи голодныхъ волковъ.

Первый нашелся Карденіо.

— Хорошо-ли вы ѣздите верхомъ, падрэ?—обратился онъ къ аббату.

— Не особенно хорошо,—возразилъ тотъ,—но ты не заботься обо мнѣ, дитя мое; твоя жизнь дороже!

— Падрэ, я васъ ни за что не покину; мы или спасемся или умремъ вмѣстѣ; я васъ только объ одномъ прошу: предоставьте себя въ распоряженіе вашей лошади и держитесь покрѣпче за ея шею, а объ остальномъ не безпокойтесь!

— Это не особенно трудно исполнить!—съ улыбкой отвѣтилъ миссіонеръ.

— Ну, если вы обѣщаете мнѣ это, то вы увидите, какую мы еще выкинемъ штуку. Да полно тебѣ дрожать, Фраскуито!—со смѣхомъ заключилъ мальчикъ.—Трусъ, ты несчастный!

— Я вовсе не трусъ,—оправдался пономарь,—а просто мнѣ страшно, да и, правду сказать, есть изъ за чего!

— Ну, ну! Смотри, только держись за меня покрѣпче.

— Ужъ будьте покойны!

Юноша взялъ два факела, зажегъ и, помахавъ ими въ воздухѣ, чтобы они хорошенько разгорѣлись, бросилъ одинъ направо, а другой налѣво въ чащу, съ крикомъ:

— А! Сантьяго, Аделанте! Сантьяго!

При этомъ возгласѣ, хорошо знакомомъ всѣмъ мексиканскимъ лошадямъ, оба мустанга бросились впередъ съ быстротою стрѣлы; какъ метеоры, промчались они среди ошеломленныхъ кайотовъ и понеслись дальше, съ легкостью вѣтра перескакивая черезъ рвы, ямы и потоки. Это была какая-то бѣшеная скачка, причемъ темнота ночи, слабо озаряемая факеломъ, который держалъ Карденіо, придавала ей нѣчто фантастическое. Вой волковъ доносился издалека, какъ дьявольскій хохотъ, но все приближался и приближался.

— Впередъ, впередъ! — отчаянно повторялъ юноша, понукая лошадей; страхъ придавалъ имъ силы и онѣ мчались все быстрѣй и быстрѣй.

— Я не въ состояніи ѣхать дальше, — съ усиліемъ вдругъ проговорилъ аббатъ, — послѣднія силы меня оставляютъ!

— Мужайтесь! еще нѣсколько минутъ! — отвѣчалъ Карденіо.

— Но у меня нѣтъ больше силъ!

— Ради Бога, потерпите минуту только, — и мы спасены!

Въ это время они переѣхали черезъ довольно широкую рѣку и взобрались на высокій холмъ.

— Стопъ! Долой съ лошадей!—живо закричалъ Карденіо.

Лошади остановились,—и аббатъ опустился на землю почти безъ чувствъ.

Между тѣмъ звѣри, мчавшіеся за ними по равнинѣ, все приближались; волковъ было уже не пятьдесятъ, а болѣе двухсотъ.

Не теряя ни секунды, Карденіо схватилъ свое плетеное изъ кожи лассо, называемое также „reato“ и, ловко подбросивъ, зацѣпилъ его однимъ концомъ за толстый сукъ гигантскаго дерева, около котораго они находились, изъ петель-же другого конца, упавшаго на землю, онъ устроилъ нѣчто вродѣ сидѣнья, къ которому привязалъ аббата, все еще не приходившаго въ сознаніе.

— Тащи! — крикнулъ юноша, обращаясь къ пономарю.

Тотъ безпрекословно повиновался, не вполнѣ сознавая подъ вліяніемъ страха, что онъ дѣлаетъ, но все-таки благодаря его помощи Карденіо удалось поднять все еще безчувственнаго миссіонера на высоту одно изъ самыхъ толстыхъ вѣтвей дерева. Приказавъ Фраскуито не выпускать „reato“, юноша уцѣпился руками и ногами за ліаны, обвивавшія весь стволъ, и въ одно мгновеніе добрался до аббата, которому онъ устроилъ среди вѣтокъ нѣчто вродѣ постели, уложилъ на нее миссіонера и даже, для большей безопасности, привязалъ его къ

стволу, освободивъ предварительно отъ лассо, по которому онъ самъ опустился обратно на землю.

— Ну, теперь полѣзай и ты! — сказалъ юноша Фраскуито.

Пономарь не заставилъ приглашать себя два раза и съ ловкостью обезьяны взобрался на дерево.

Между тѣмъ Карденіо разсѣдлалъ лошадей и, сложивъ всю сбрую вмѣстѣ, привязалъ ее къ концу „reato“ Подойдя затѣмъ къ мустангамъ, онъ сильно ударилъ ихъ и закричалъ пронзительнымъ голосомъ:

— Arrea! Arrea! А Сантьяго!

Животныя сдѣлали нѣсколько радостныхъ скачковъ и понеслись съ быстротой молніи.

— Я сдѣлалъ все, чтобы спасти ихъ!— грустно пробормоталъ Карденіо. Все это произошло въ нѣсколько мгновеній; опасность удесятирила силы юноши.

Между тѣмъ волки все приближались, наконецъ, переплыли черезъ рѣку и явились у подошвы холма. Тогда съ непокидавшимъ его хладокровіемъ Карденіо схватилъ горящій факелъ и, сильно размахнувшись, бросилъ его въ середину стаи. Затѣмъ, взявъ ружье, онъ выстрѣлилъ подрядъ три раза, и каждый разъ одинъ изъ волковъ падалъ на землю съ дикимъ воемъ. Послѣ этого подвига, юноша перекинулъ ружье черезъ плечо и, схватившись обѣими руками за лассо, въ одно мгновенье взобрался на дерево.

— Ухъ! — съ облегченіемъ вздохнувъ, проговорилъ онъ,—кажется, теперь я вполнѣ заслуженно могу выкурить папироску!

Въ это время внизу между волками происходила страшная свалка; вся стая набросилась на своихъ убитыхъ собратьевъ и съ остервенѣніемъ рвала ихъ на куски, что дало Карденіо возможность укрѣпиться въ своей импровизированной крѣпости и спокойно выкурить папироску. Доставивъ себѣ это удовольствіе, онъ

нагнулся къ миссіонеру, который началъ понемногу приходить въ себя.

— Что случилось?—спросилъ онъ слабымъ голосомъ. Прости, дитя мое! Я лишился сознанія противъ своей воли. Какъ я попалъ сюда на дерево?

— Это мы съ Фраскуито, падрэ, втащили васъ сюда; вы въ полной безопасности. Посмотрите-ка на волковъ, въ какомъ они разочарованіи изъ-за того, что мы сыграли съ ними такую штуку. Вѣдь ужъ у нихъ глаза и зубы разгорѣлись!

Эти слова, произнесенныя веселымъ голосомъ, подѣйствовали на аббата и возвратили ему бодрость.

Путешественники были, дѣйствительно, въ безопасности на нѣкоторое время; волки поставленные втупикъ ихъ исчезновеніемъ, рыскали во всѣ стороны; наконецъ, часть ихъ бросилась въ догонку за лошадями, а остальные расположились подъ деревомъ, испуская страшный ревъ. Между тѣмъ положеніе путешественниковъ было далеко незавидное: койоты не выказывали ни малѣйшаго намѣренія удалиться, а помощи ждать было неоткуда.

— Дѣти мои, — проговорилъ, наконецъ, аббатъ. — Прежде всего возблагодаримъ Бога за ниспосланную намъ помощь, такъ какъ безъ Его содѣйствія намъ не удалось-бы спастись!

По окончаніи краткой, но пламенной молитвы, миссіонеръ обратился къ Карденіо:

— Скажи, дитя мое, что ты думаешь о томъ, какъ намъ поступить теперь? Вѣдь, своимъ спасеніемъ мы обязаны твоему уму и храбрости!

— Падрэ,—возразилъ юноша,—по моему, намъ нечего безпокоиться. Отецъ знаетъ, что я отправился въ Кастровилль и мое долгое отсутствіе, навѣрное, встревожитъ его; я увѣренъ, что уже посланы слуги отыскивать насъ. Кромѣ того, наши лошади, вѣроятно, спаслись отъ преслѣдованія койотовъ, такъ какъ были значительно

впереди ихъ, и теперь уже достигли плантаціи; такимъ образомъ тамъ знаютъ, что мы въ опасности. Я думаю, не больше, какъ черезъ два часа явятся наши освободители.

— Такъ ты увѣренъ, что насъ ищутъ?

— Вполнѣ убѣжденъ, даже готовъ поклясться въ этомъ, падрэ!

— Имя Господне не должно употреблять напрасно!—строго замѣтилъ миссіонеръ.

— Простите, падрэ! Я сказалъ, не подумавъ!

— Ну, хорошо; положимъ, что ты правъ и насъ ищутъ, но вѣдь отыскать насъ здѣсь, среди саванны, очень трудно,—почти невозможно.

— Вы ошибаетесь, падре! Это вовсе не такъ трудно какъ вамъ кажется, и вотъ почему: у насъ есть еще два факела, которые могутъ горѣть, по крайнѣй мѣрѣ впродолженіи трехъ часовъ, т. е. до самаго разсвѣта. Фраскуито взберется на самую верхушку деревъ и будетъ держать зажженный факелъ въ рукахъ и пеоны, безъ сомнѣнія, увидятъ пламя издалека. Кромѣ того, у насъ еще осталось много зарядовъ; я буду стрѣлять въ койотовъ и увѣренъ, что помощь подоспѣетъ къ намъ очень быстро, такъ какъ нашъ импровизированный маякъ и выстрѣлы дадутъ знать о нашемъ мѣстоприбываніи на весьма далекое разстояніе. Ну, что вы скажете о моемъ планѣ, падре?

— Скажу, что онъ очень хорошъ и что ты умный мальчикъ, а потому надо поскорѣй привести этотъ планъ въ исполненіе.

— Слышишь, Фраскуито, что говоритъ сеньоръ падре? Можешь-ли ты только влѣзть на самую верхушку?

— О, съ большимъ удовольствіемъ! это для меня гораздо легче, чѣмъ спуститься отсюда, въ настоящую минуту, внизъ!

Съ этими словами пономарь занялъ свой постъ на самой вершинѣ, а Карденіо принялся безостановочно

стрѣлять въ койотовъ, что привело тѣхъ въ полное неистовство; ихъ оглушительный вой раздавался на далекое разстояніе. Сидя на верхушкѣ дерева, полумертвый отъ страха, Фраскуито съ отчаяніемъ размахивалъ факеломъ. Такъ прошло около часу, безъ всякихъ перемѣнъ; вдругъ, Карденіо задрожалъ и, указывая рукой на саванну, гдѣ въ разныхъ направленіяхъ мелькали огоньки, воскликнулъ:

— Смотрите, падре, смотрите!

— Что такое?—съ безпокойствомъ спросилъ миссіонеръ.

— Мы спасены, къ намъ идутъ на помощь!

Въ эту минуту послышался стукъ лошадиныхъ копытъ; раздался цѣлый залпъ выстрѣловъ, — и койоты, обезумѣвъ отъ страху, бросились въ разныя стороны и скрылись въ темнотѣ.

Карденіо не ошибся; на этотъ разъ они были дѣйствительно спасены; человѣкъ двадцать всадниковъ съ горящими факелами появились около дерева, служившаго убѣжищемъ нашимъ путникамъ. Это были пеоны, посланные домомъ Бартасомъ на поиски за Корденіо.

Глава VII.

Какія мѣры были приняты домомъ Мельхіоромъ къ достойному принятію Черной-Птицы.

Уже разсвѣло, когда, наконецъ, наши измученные путники достигли плантаціи въ сопровожденіи своихъ освободителей.

Невозможно описать радости дона Бартоса при видѣ сына. Онъ былъ не въ состояніи удержать своихъ слезъ и, крѣпко обнявъ Карденіо, долго плакалъ на его груди.

Юноша первый пришелъ въ себя.

— Боже мой!—воскликнулъ онъ, — жива-ли Флора?

При этомъ возгласѣ плантаторъ съ улыбкой протянулъ миссіонеру руку.

— Вы, дѣйствительно, достойный служитель Бога, сеньоръ падре!—сказалъ онъ. — Ничто не можетъ остановить васъ тамъ, гдѣ дѣло идетъ объ исполненіи вашей обязанности. Но, къ счастью, на этотъ разъ вамъ не придется осушать слезы и утѣшать несчастныхъ. Богъ сотворилъ чудо и исцѣлилъ мою дочь.

— Да будетъ благословенно имя Господне! — тихо произнесъ аббатъ.

— Сестра спасена! — воскликнулъ Карденіо. — О, я сейчасъ побѣгу къ ней....

— Подожди, дитя! — сказалъ донъ Бартосъ. — Вѣдь еще только что разсвѣло и Флора спитъ. Дай ей хорошенько отдохнуть.

— Да, это правда! — согласился юноша. — Пусть она хорошенько выспится и проснется здоровой и веселой. Тогда я ее безъ стѣсненія расцѣлую!

— Вы, вѣроятно, совершенно измучились отъ такого ужаснаго путешествія,—проговорилъ донъ Бартосъ, обращаясь къ аббату.—Вамъ необходимо хорошенько отдохнуть. Позвольте мнѣ проводить васъ въ вашу комнату.

— Это отлично подкрѣпитъ ваши силы!—сказалъ онъ, отвѣчая на возраженія аббата, который старался казаться бодрымъ и отказывался отъ сна.

— Да и вы также, молодой человѣкъ, вѣрно порядочно измучились,—обратился донъ Бартосъ къ Фраскуито,—и нуждаетесь въ отдыхѣ?!

Съ этими словами онъ вышелъ въ сопровожденіи своихъ гостей, которыхъ провелъ въ приготовленную для нихъ комнату, гдѣ стояли двѣ кровати, покрытыя пологами.

— Будьте какъ у себя дома; отдохните и выспитесь хорошенько, и тогда мы съ вами побесѣдуемъ, сеньоръ падре!—сказалъ донъ Бартосъ.

— Увѣряю васъ, что я чувствую себя прекрасно,—возразилъ миссіонеръ,—и вовсе не нуждаюсь въ немедленномъ отдыхѣ!

— Нѣтъ, падре, это вамъ только кажется, а сами еле держитесь на ногахъ, такъ вы измучены всѣми перенесенными волненіями. Да къ тому-же нашъ разговоръ вовсе не къ спѣху; отдыхайте себѣ спокойно!

— Въ такомъ случаѣ я не буду больше противорѣчить вамъ и прилягу.

— До свиданія!—проговорилъ аббатъ, пожавъ руку Бартосу и запирая за нимъ дверь.

Оставивъ своихъ гостей, плантаторъ вернулся къ Карденіо, который ожидалъ его въ прежней комнатѣ.

— А ты развѣ не хочешь отдохнуть?—спросилъ донъ Бартосъ сына.

— Нѣтъ, отецъ! — улыбаясь, отвѣчалъ Карденіо. — Я

привыкъ не спать ночь на ногахъ, да къ тому-же я молодъ и мое здоровье не разстроено различными лишеніями, какъ у аббата. Мнѣ и времени нѣтъ отдыхать; теперь вѣдь у насъ самое рабочее время и мнѣ надо побывать сегодня во многихъ мѣстахъ — передать распоряженія дону Сегюро относительно уборки жатвы съ полей.

Разговаривая такимъ образомъ, отецъ съ сыномъ вошли въ ту самую гостиную, въ которой нѣсколько часовъ передъ тѣмъ плантаторъ принималъ индѣйскаго вождя.

Здѣсь они усѣлись.

— Правда-ли, Карденіо, что ты не усталъ?—спросилъ Бартосъ сына.

— Конечно—правда. Вѣдь вы знаете, папа, что я никогда не лгу; увѣряю васъ, что мнѣ въ настоящую минуту ничуть не хочется спать, но зато я страшно голоденъ и, если позволите, то съѣмъ что нибудь.

— Это вполнѣ естественно въ твои годы. Пока-же ты будешь закусывать, я сообщу тебѣ очень важныя новости.

Съ этими словами плантаторъ ударилъ въ юнгъ и приказалъ явившемуся на его зовъ Педрильо подать завтракъ и позвать дона Рамона.

Его приказаніе было исполнено тотчасъ-же и не болѣе, какъ черезъ десять минутъ на столѣ стоялъ обильный завтракъ, послѣ чего не замедлилъ явиться и донъ Рамонъ, котораго Мельхіоръ любезно пригласилъ позавтракать вмѣстѣ.

— Я вижу,—проговорилъ плантаторъ, смотря на высокіе со шпорами сапоги управляющаго,—что вы собирались ѣхать, но мнѣ приходится задержать васъ, такъ какъ необходимо, чтобы вамъ были извѣстны тѣ непріятныя новости, которыя я недавно узналъ; вѣдь вы также членъ нашей семьи!

— Благодарю васъ, донъ Мельхіоръ, — проговорилъ

донъ Рамонъ, усаживаясь напротивъ своего патрона,— я весь къ вашимъ услугамъ. Ахъ, да, — обратился онъ къ Карденіо,—я хотѣлъ вамъ сообщить, что Плуто и Нептуніо явились домой черезъ нѣсколько минутъ послѣ васъ, дрожащія и всѣ въ поту. Я велѣлъ ихъ накормить; надѣюсь, что съ ними ничего не случится.

— Благодарю васъ,—проговорилъ юноша, пожимая майордому руку;—я ужасно радъ, что лошадямъ удалось спастись отъ волковъ.

Между тѣмъ завтракъ начался; всѣ трое ѣли и пили съ большимъ аппетитомъ. Когда, наконецъ, первый голодъ былъ утоленъ, донъ Бартосъ принялся за свой разсказъ: онъ подробно описалъ чудесное исцѣленіе Флоры Сашемомъ и передалъ всѣ подробности своего разговора съ нимъ.

— Такъ вотъ, какъ обстоятъ дѣла,—заключилъ онъ. —Что вы оба объ этомъ думаете? Пожалуйста донъ, Рамонъ, вы, какъ старшій, выскажите первый свое мнѣніе.

— Сеньоръ Мельхіоръ,—началъ майордомъ,—я хорошо знаю краснокожихъ, такъ какъ почти всю свою жизнь провожу среди нихъ; между ними встрѣчаются или очень хорошія натуры или вполнѣ негодныя. Такъ, напримѣръ, Пламенное-Сердце — храбрый воинъ и притомъ онъ безупречно честенъ. Услуга, которую онъ оказалъ вамъ сегодня ночью, сдѣлала его навсегда вашимъ союзникомъ, и я увѣренъ, что все, что онъ говорилъ,— совершенная правда, да для него и не было никакого интереса выдумывать! Чтоже касается Черной-Птицы, то онъ далеко не таковъ. Онъ храбрый и опытный воинъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ страшно хитеръ и жестокъ и давно уже собирается сыграть съ нами какую нибудь злую штуку, такъ что, по моему мнѣнію, его надо очень опасаться и быть готовыми ко всему!

— Ну, а ты, Карденіо, что скажешь? — обратился плантаторъ, къ сыну.

— Я вполнѣ согласенъ съ дономъ Рамономъ. Насколько я довѣряю Пламенному Сердцу, настолько Черная-Птица кажется мнѣ подозрительнымъ!

— Ну, а теперь,—сказалъ донъ Бартосъ, — когда я выслушалъ ваши мнѣнія, съ которыми вполнѣ согласенъ, подумаемъ о тѣхъ мѣрахъ, которыя необходимо принять въ данномъ случаѣ для нашей защиты.

— Ваша очередь говорить, отецъ! — воскликнулъ Карденіо.—Мы вполнѣ довѣряемся вашей опытности и пунктуально исполнимъ всѣ ваши распоряженія!

— Ну, хорошо,—съ улыбкой произнесъ донъ Бартосъ, предлагая сигары своимъ собесѣдникамъ,—устроимъ-же военный совѣтъ!

Карденіо и донъ Рамонъ закурили сигары.

— Предостерегая меня относительно намѣреній Черной-Птицы, Пламенное-Сердце сказалъ вполнѣ опредѣленно, что, если сегодня не произойдетъ нападенія, то въ слѣдующую ночь его надо ждать непремѣнно; въ виду этого я считаю необходимымъ принять такія мѣры: все, что есть цѣннаго, я велю перенести въ башню и приготовить все къ защитѣ въ ней. Вы-же, донъ Рамонъ, отправитесь вмѣстѣ съ Карденіо въ саванны и распорядитесь, чтобы всѣ пеоны и вакеро вернулись, какъ можно скорѣй на плантацію и загнали-бы сюда весь скотъ. Сколько у насъ всего народу на плантаціи?

— У насъ, сеньоръ, — отвѣчалъ управляющій, — сто десять человѣкъ, способныхъ носить оружіе.

— Ну, чтожъ—это порядочно; сто человѣкъ, преданныхъ и хорошо вооруженныхъ, да кромѣ того подъ защитой крѣпкихъ стѣнъ, могутъ долго сопротивляться. Передайте дону Сегюро, чтобы все было убрано съ полей до заката солнца, иначе будетъ, пожалуй, поздно. Впрочемъ, я увѣренъ, что намъ нечего бояться этого нападенія, тѣмъ болѣе, что Пламенное-Сердце обѣщалъ мнѣ содѣйствіе всего своего племени и, навѣрно, сдержитъ слово.

— Вся жатва съ полей можетъ быть убрана до полудня, — сказалъ донъ Рамонъ, — что же касается скота, то я сильно въ этомъ сомнѣваюсь.

— Почему-же такъ?—съ улыбкой спросилъ плантаторъ,—объясните, донъ Рамонъ!

— Я думаю, что прежде всего краснокожіе нападутъ на плантацію.

— Безъ сомнѣнія.

— Явятся они во всякомъ случаѣ только тогда, когда совсѣмъ стемнѣетъ, и, если даже Пламенное-Сердце опоздаетъ къ намъ на помощь, то все-таки мы можемъ вынести аттаку въ продолженіе цѣлой ночи и даже дольше.

— Все это такъ, донъ Рамонъ, но я не могу понять, къ чему вы все это ведете?

— Я понялъ, отецъ, и мнѣ кажется, что донъ Рамонъ правъ!

— Ну, хорошо, такъ объясни намъ въ чемъ дѣло,— съ улыбкой сказалъ плантаторъ, обращаясь къ сыну.

— Простите пока, что я вмѣшался и прервалъ вашъ разговоръ.

— Напротивъ, дитя мое, я очень радъ, что ты интересуешься такими серьезными вопросами, тѣмъ болѣе, что они касаются тебя столько-же, сколько и меня. Говори-же, я слушаю!

— Въ такомъ случаѣ, я объясню, что, по моему, хотѣлъ сказать донъ Рамонъ. Черная-Птица хочетъ главнымъ образомъ, овладѣть домомъ и тѣмъ, что въ немъ находится; что-же касается скота, то онъ не особенно прельщаетъ разбойника, между тѣмъ загнать сюда всѣхъ этихъ почти дикихъ животныхъ будетъ стоить страшныхъ трудовъ и возьметъ очень много времени, да кромѣ того, если осада затянется, то скотъ будетъ только стѣснять насъ.

— Молодецъ, Карденіо! Ты говоришь, какъ настоящій мужчина!

— Молодой хозяинъ вполнѣ угадалъ мою мысль!— съ поклономъ сказалъ донъ Рамонъ.

— Ну, въ такомъ случаѣ я не буду съ вами спорить.

Оставимъ скотъ тамъ, гдѣ онъ есть, и позаботимся, главнымъ образомъ, о защитѣ дома.

А теперь, сеньоры, я васъ не задерживаю. Отправляйтесь, если хотите, сейчасъ-же!

— Отецъ, — сказалъ Карденіо, вставая, — передайте, пожалуйста, матушкѣ и Флорѣ, что я уѣзжаю, не простившись съ ними, чтобы не будить ихъ, хотя очень жалѣю объ этомъ.

Въ эту минуту чьи-то мягкія ручки обвили сзади его голову и закрыли ему глаза, а ласковый голосокъ прошепталъ:—Отгадайте, кто это, сеньоръ!

— О, отгадать не трудно! Это ты, моя милая сестренка!—весело воскликнулъ Карденіо, оборачиваясь и крѣпко цѣлуя Флору, которая незамѣтно вошла въ комнату вмѣстѣ съ матерью. Дѣвочка была совсѣмъ здорова и весела, только слегка хромала, вслѣдствіе разрѣза, сдѣланнаго ей наканунѣ.

Крѣпко расцѣловавъ мать и сестру, Карденіо быстро послѣдовалъ за управляющимъ и черезъ пять минутъ они оба покинули плантацію.

Извѣстіе о нападеніи краснокожихъ не внушало дону Бартосу никакого страха: онъ слишкомъ долго уже прожилъ съ индѣйцами и привыкъ ко всевозможнымъ опасностямъ, такъ что относился къ нимъ вполнѣ спокойно, но онъ рѣшилъ принять всѣ необходимыя предосторожности для того, чтобы разъ навсегда дать индѣйцамъ хорошій урокъ.

Первой его заботой было отправить Педрильо съ письмомъ къ коменданту Струму въ Кастровилль. Вполнѣ увѣренный въ своей побѣдѣ надъ краснокожими, донъ Бартосъ считалъ все-таки необходимымъ предупредить объ ожидавшемъ его нападеніи для того, чтобы осталь-

ные плантаторы не были бы застигнуты индѣйцами врасплохъ. Свое письмо коменданту донъ Мельхіоръ заканчивалъ извѣщеніемъ о томъ, что аббатъ Поль-Мишель находится у него на плантаціи, гдѣ пробудетъ нѣсколько дней, такъ какъ онъ, донъ Мельхіоръ, не считаетъ безопаснымъ отправить его обратно въ Кастровилль ввиду настоящихъ обстоятельствъ.

Тотчасъ послѣ отъѣзда Педрильо, донъ Бартосъ, не теряя ни минуты, занялся въ домѣ приготовленіями къ достойному пріему своихъ непрошенныхъ краснокожихъ гостей.

Около десяти часовъ утра, аббатъ Поль-Мишель всталъ совершенно бодрымъ и отправился завтракать вмѣстѣ съ дамами. Цвѣтущій видъ Флоры привелъ его въ самое лучшее расположеніе духа, но видя, что въ его присутствіи болѣе нѣтъ необходимости, аббатъ выразилъ намѣреніе немедленно отправиться обратно въ Кастровилль, гдѣ, по его словамъ, у него было назначено свиданіе. Однако, когда донна Хуана и Флора разсказали ему объ угрожавшей имъ всѣмъ опасности, причемъ, дѣвочка начала нѣжно умолять его не покидать ихъ, миссіонеръ, не задумываясь, отказался отъ своего намѣренія уѣхать.

— Разъ дѣло идетъ объ опасности, я не покину васъ!—воскликнулъ онъ; Флора же бросилась ему на шею, радостно крича,—я такъ и знала, такъ и знала!

— Мнѣ необходимо однако,—сказалъ аббатъ,—отправить кого нибудь въ Кастровилль съ письмомъ о томъ, что я не могу вернуться.

— Въ этомъ ужъ не безпокойтесь, падре,—поспѣшно вмѣшалась Флора.—Tatita (папочка) уже три часа тому назадъ послалъ туда Педрильо и онъ, вѣрно, скоро вернется назадъ.

— Ну, въ такомъ случаѣ,—ласково улыбаясь, произнесъ миссіонеръ,—я вижу, что волей, неволей долженъ остаться въ плѣну.

— Мы постараемся сдѣлать этотъ плѣнъ для васъ пріятнымъ!—замѣтила дона Хуана.

Между тѣмъ около полудня со всѣхъ сторонъ къ плантаціи начали собираться нагруженныя повозки и къ четыремъ часамъ все было убрано въ кладовыя.

Около пяти часовъ вернулись Карденіо и оба управляющіе, въ сопровожденіи цѣлой толпы пеоновъ и вакеро, вооруженныхъ съ ногъ до головы.

Вся плантація обратилась въ настоящую крѣпость. Донъ Мельхіоръ ожидалъ нападенія съ полнымъ спокойствіемъ, вполнѣ увѣренный въ успѣхѣ

Около 7 часовъ вечера, т. е. передъ самымъ закатомъ солнца, въ степи показались два всадника, которые скакали галопомъ по направленю къ дому.

Одинъ изъ нихъ былъ Педрильо, въ другомъ аббатъ съ удивленіемъ узналъ того самаго незнакомца, который наканунѣ съ такой настойчивостью просилъ у него свиданья.

Глава III.

О томъ, какъ произошло нападеніе на домъ Бартоса и каковы были послѣдствія этого.

Черезъ нѣсколько минутъ Педрильо и незнакомецъ въѣхали во дворъ, причемъ послѣдній быстро соскочилъ съ лошади и, снявъ шляпу, подошелъ къ дону Мельхіору, который вышелъ на встрѣчу гостю со всѣмъ своимъ семействомъ.

Пріѣзжій почтительно поклонился и проговорилъ:

— Простите, сеньоръ, что я осмѣлился явиться сюда, не будучи знакомъ съ вами!

— Очень радъ видѣть васъ здѣсь, сеньоръ,—съ изысканной вѣжливостью отвѣчалъ донъ Мельхіоръ.—Жалѣю только, что вы застаете насъ въ такую тяжелую минуту, но прошу васъ—будьте у меня, какъ дома!

— Гость—это Божій посланникъ и своимъ пріѣздомъ вы доставляете намъ всѣмъ большое удовольствіе!

— Я только недавно прибылъ въ эту мѣстность, сеньоръ, по весьма важнымъ дѣламъ, и мнѣ необходимо, какъ можно скорѣе, имѣть аудіенцію у сеньора аббата Поля-Мигуэля. Сегодня утромъ, когда пріѣхалъ вашъ слуга, я былъ у коменданта и, услышавъ, что господинъ аббатъ пробудетъ здѣсь довольно долго, рѣшился, вопреки приличіямъ, самъ отправиться сюда, надѣясь, между прочимъ, что мое присутствіе можетъ быть вамъ полезно при настоящихъ обстоятельствахъ.

— Повторяю вамъ еще разъ. сеньоръ,—отвѣчалъ донъ Бартосъ,—что я очень радъ съ вами познакомиться и чѣмъ долѣе вы пробудете здѣсь, тѣмъ намъ будетъ пріятнѣе.

Незнакомецъ почтительно поблагодарилъ и, обмѣнявшись нѣсколькими любезными фразами съ остальными членами семейства, предложилъ руку доннѣ Хуанѣ и направился съ нею къ дому.

Когда вся компанія удалилась, донъ Мельхіоръ обратился съ разспросами къ Педрильо.

— Видѣлъ ты коменданта?

— Да, сударь, я его видѣлъ.

— Что-же онъ тебѣ сказалъ?

— Да вотъ въ томъ и штука,—почесываясь отвѣчалъ пеонъ,—что не хорошо повторять, сказанное имъ.

— Ничего,—съ улыбкой сказалъ донъ Мельхіоръ,—я хорошо знаю мистера Струма и ты можешь разсказывать все, не бойся!

— Какъ только мистеръ Струмъ замѣтилъ меня, онъ сказалъ: „Ты зачѣмъ прилѣзъ сюда, дуракъ?“

— Ну, а потомъ?—продолжая улыбаться, проговорилъ плантаторъ.

А потомъ онъ схватилъ письмо, прочелъ и закричалъ: „Что-же, этотъ старый болванъ воображаетъ, что я такъ сейчасъ и побѣгу къ нему съ солдатами. Пусть дожидается“!

Я право только не знаю, о комъ онъ это говорилъ.

— Ничего, не безпокойся, я знаю — о комъ. Продолжай!

— Когда-же комендантъ прочелъ, что господинъ аббатъ остается у насъ, то засмѣялся, — да и говоритъ: „Ахъ, этотъ дуракъ и туда сунулся съ носомъ. Ну, говоритъ, провались они всѣ къ чорту! А ты самъ убирайся, пока цѣлъ!“ да и выгналъ меня вонъ!

— Я этого ожидалъ!—со смѣхомъ сказалъ донъ Бартосъ и направился къ дому.

Онъ вошелъ въ залу въ одно время съ незнакомцемъ, который вернулся изъ предназначенной ему комнаты, гдѣ приводилъ въ порядокъ свой туалетъ. Поговоривъ нѣсколько времени о разныхъ незначительныхъ вещахъ, всѣ отправились ужинать, но разговоръ и здѣсь не оживился, такъ какъ всѣ слишкомъ были заняты предстоящими событіями.

Ужинающихъ было восемь человѣкъ: на одномъ концѣ стола сидѣлъ самъ хозяинъ, съ правой его стороны аббатъ, а съ лѣвой—Флора; на другомъ концѣ—посерединѣ помѣщалась донна Хуана, а по бокамъ ея—Карденіо и незнакомецъ. Оба управляющіе: донъ Рамонъ и донъ Сегюро сидѣли другъ противъ друга по краямъ стола. Ужинъ былъ прекрасно сервированъ и замѣчательно вкусно приготовленъ.

Мы воспользуемся этимъ временемъ, чтобы нарисовать портретъ нашего незнакомца. Это былъ молодой человѣкъ, высокаго роста, прекрасно сложенный, съ замѣчательно изящными и мягкими манерами. Лицо его съ правильными и тонкими чертами, съ живымъ энергичнымъ взглядомъ, съ легка насмѣшливой улыбкой красиво очерченнаго рта, было замѣчательно привлекательно. Особенность его наружности составляли удивительно маленькія руки и ноги, что казалось даже страннымъ при его высокомъ ростѣ и мужественной наружности. Но все въ немъ обличало чистокровнаго джентльмена.

Между тѣмъ ночь наступила. Чудная тихая ночь! Луны не было, но небо было усѣяно яркими звѣздами, проливавшими на землю свой дрожащій свѣтъ. Степь, казалось, безмятежно спала; глубокая тишина царствовала вокругъ и ничто не предвѣщало близкаго нападенія, хотя всѣ ежеминутно ожидали его. Оба управляющіе нѣсколько разъ покидали остальное общество и отправлялись осматривать, всѣ-ли сторожа на мѣстахъ и все-ли благополучно вокругъ, и каждый разъ возвра-

щались совершенно успокоенные, что не предвидится никакой опасности.

Наконецъ, дамы встали изъ за стола, намѣреваясь удалиться къ себѣ.

Но въ ту минуту, когда Флора, попрощавшись съ отцомъ и аббатомъ, подошла къ Карденіо, раздались оглушительные выстрѣлы и крики пеоновъ—„Къ оружію"! съ которыми слились военные клики индѣйцевъ.

Въ залѣ произошелъ страшный переполохъ; мужчины схватили ружья и бросились на помощь къ осажденнымъ, за исключеніемъ одного аббата, на рукахъ котораго остались донна Хуана и Флора, потерявшія отъ страха сознаніе. Съ большимъ трудомъ удалось миссіонеру привести ихъ въ чувство и препроводить въ спальню, гдѣ онъ сдалъ ихъ на попеченіе служанокъ.

Между тѣмъ вотъ что произошло. Индѣйцы, съ цѣлью застать бѣлыхъ врасплохъ, придумали очень искусный планъ. Оставивъ всѣхъ своихъ лошадей подъ наблюденіемъ нѣсколькихъ воиновъ за двѣ мили отъ плантаціи, гдѣ они должны были переправляться черезъ рѣку въ бродъ, остальные устроили изъ сухихъ вѣтокъ плоты, крѣпко перевязавъ ихъ ліанами, уложили на нихъ свои ружья и всѣ боевые припасы и тихо поплыли по теченію, совершенно скрытые тѣнью высокихъ береговъ. Безъ шума доплыли они до удобнаго для высадки мѣста, схватили оружіе и бросились на берегъ, точно цѣлое полчище водяныхъ духовъ, испуская страшные крики, смѣшавшіеся съ ружейной пальбой.

Планъ этотъ былъ такъ искусно придуманъ и выполненъ, что, непремѣнно, удался бы, еслибы Пламенное-Сердце не предупредилъ обитателей плантаціи о нападеніи, чего индѣйцы, конечно, совершенно не ожидали. Однако, благодаря неожиданности нападенія, краснокожимъ удалось подступить къ самому дому, около котораго и завязалась отчаянная борьба, и, несмотря на все сопротивленіе бѣлыхъ, индѣйцы готовы уже были во-

рваться во дворъ, но въ эту самую минуту на нихъ произведено было новое нападенiе, которое привело ихъ въ полное замѣшательство. Въ ту минуту, когда краснокожiе были уже увѣрены въ своей побѣдѣ, незнакомецъ, Карденiо, оба управляющiе и около пятидесяти человѣкъ самыхъ отважныхъ пеоновъ сдѣлали вылазку въ самый центръ сражающихся, подкравшись къ нимъ по подземному ходу, такъ что индѣйцы не могли сообразить, откуда подоспѣла къ ихъ непрiятелямъ эта неожиданная помощь. Ошеломленные дикари продолжали однако сражаться съ нечеловѣческой храбростью, но несмотря на то, должны были отступить къ самой рѣкѣ и спасаться черезъ нее вплавь, оставивъ на берегу до сотни убитыхъ своихъ товарищей.

Такимъ образомъ плантацiя была отбита и очищена отъ краснокожихъ, но тѣ не желали такъ быстро отказаться отъ своего предпрiятiя. Послѣ непродолжительнаго отдыха, они придумали новый планъ атаки: спрятавшись въ кустахъ и за деревьями на противоположномъ берегу рѣки, они осыпали вдругъ всю плантацiю цѣлымъ градомъ зажженныхъ стрѣлъ, такъ что она запылала сразу въ разныхъ мѣстахъ. Вслѣдствiе этого часть защитниковъ плантацiи должна была броситься тушить пожаръ и спасать скотъ; но всѣ ихъ усилiя были напрасны; деревянныя строенiя, крытыя сухими листьями, пылали, какъ стоги сѣна и не было никакой возможности спасти ихъ. Тогда между пеонами произошла страшная паника, они бѣгали съ отчаянiемъ взадъ и впередъ, ничего не видя и не слыша. Напрасно донъ Бартосъ съ сыномъ, незнакомецъ и аббатъ, проявлявшiе львиную храбрость, старались заставить ихъ опомниться. Ничто не помогало!

Между тѣмъ Сiу-Бизоны замѣтили смятенiе, происшедшее между бѣлыми и, повинуясь голосу своего предводителя, быстро переплыли обратно рѣку и снова осадили плантацiю. На этотъ разъ напрасны были всѣ

усилія защитниковъ! Краснокожіе съ криками ворвались во дворъ и бросились къ дому.

— Въ башню!—громкимъ голосомъ закричалъ донъ Бартосъ.

Впродолженіи еще четверти часа плантаторъ, Карденіо, незнакомецъ и оба управляющіе съ отчаянной храбростью отражали нападеніе краснокожихъ, съ цѣлью дать возможность укрыться въ башню всѣмъ обитателямъ плантаціи и только тогда, когда убѣдились, что домъ пустъ, начали свое отступленіе по направленію къ подъемному мосту, отдѣлявшему башню. Достигнувъ его, эти пять храбрецовъ, сражавшихся, какъ Титаны, бросились сразу впередъ, смяли передніе ряды преслѣдующихъ и затѣмъ, пользуясь произведеннымъ смятеніемъ, стремглавъ перебѣжали мостъ, который тотчасъ поднялся за ними.

Теперь они были въ безопасности за толстыми стѣнами башни и могли долго выдерживать осаду. Но какой цѣной купили они свое отступленіе!

Оба управляющіе были опасно ранены; рана дона Сегюро была смертельна. Добравшись до башни, онъ сразу потерялъ послѣдній остатокъ силъ и опустился на полъ, почти безъ сознанія.

Незнакомецъ получилъ также нѣсколько легкихъ ранъ; шпага его была вся въ крови. Эти три человѣка жертвовали своей жизнью для того, чтобы спасти юношу и отца его, и ограждали ихъ все время во время битвы, закрывая ихъ собой.

Почувствовавъ себя въ безопасности, пеоны пріободрились, тотчасъ схватились за ружья и бросились къ пушкѣ, стоявшей передъ башней. На краснокожихъ посыпался цѣлый дождь ядръ и пуль, но тѣ, опьяненные первымъ успѣхомъ, не обращали на нихъ вниманія, желая, во что-бы то ни стало, взять приступомъ послѣднее убѣжище своихъ бѣлыхъ враговъ. Черная-Птица проявлялъ чудеса храбрости: онъ поспѣвалъ всюду и

отдавалъ приказанія; чтобы защитить своихъ воиновъ отъ сыпавшихся на нихъ пуль, онъ велѣлъ выстроить укрѣпленія изъ бревенъ и повозокъ, подъ защитой которыхъ краснокожіе начали осаду башни.

Въ эту минуту на другомъ берегу раздался оглушительный залпъ ружей, военные клики и цѣлая толпа всадниковъ окружила Сіу-Бизоновъ. Это были воины явившагося на помощь своимъ бѣлымъ друзьямъ Пламеннаго-Сердца, Произошла страшная рѣзня, все смѣшалось, но это продолжалось нѣсколько минутъ и вскорѣ клики побѣды огласили плантацію.

Сіу-Бизоны бѣжали въ ужасѣ и скоро скрылись въ саваннахъ.

По приказанію донъ Мельхіора мостъ былъ опущенъ, для пропуска Пламеннаго-Сердца и его воиновъ. Всеобщему ликованію не было конца, бѣлые и индѣйцы одинаково торжествовали свою побѣду.

Но когда прошелъ первый порывъ радости, всѣ принялись искать своихъ погибшихъ товарищей и тогда всеобщее ликованіе перешло въ отчаяніе: недоставало трехъ самыхъ дорогихъ лицъ: Флоры, донны Хуаны и миссіонера!

Напрасно искали ихъ трупы между убитыми; ихъ нигдѣ не было.

Черная-Птица, подобно хищному орлу, унесъ въ когтяхъ своихъ драгоцѣнную добычу.

Глава IX.

Какимъ образомъ Черная-Птица не сдержалъ клятвы, данной имъ аббату Полю—Мишелю.

Въ то время, когда пожаръ былъ въ полномъ разгарѣ и паника охватила всѣхъ защитниковъ плантаціи, потерявшихъ всякую надежду побѣдить краснокожихъ, въ одной изъ комнатъ главнаго дома собралось около тридцати женщинъ блѣдныхъ и дрожащихъ, въ числѣ которыхъ находились донна Хуана и Флора.

Чувствуя приближеніе смерти, всѣ онѣ, какъ испуганныя овечки, тѣснились вокругъ миссіонера, который стоялъ по серединѣ комнаты съ распятіемъ въ рукѣ, уговаривая несчастныхъ молиться и приготовиться умереть христіанками.

Многія изъ женщинъ держали на рукахъ грудныхъ дѣтей, которыхъ онѣ то прижимали къ груди и покрывали безумными поцѣлуями, то протягивали къ аббату, съ отчаяніемъ умоляя спасти ихъ.

Между тѣмъ крики на дворѣ становились все ужаснѣе, послышалось нѣсколько выстрѣловъ, затѣмъ гулъ шаговъ, которые все приближались. Совершенно обезумѣвшія отъ страха женщины бросились въ разсыпную въ разныя стороны, ища спасенія; и въ комнатѣ остались только аббатъ, донна Хуана и Флора. Въ эту минуту въ дверь посыпались тяжелые удары, отъ которыхъ она рухнула,—и на порогѣ показались Сіу-Бизоны, торжествующіе и совершенно опьяненные кровью.

— О падре, падре!—съ отчаяніемъ воскликнула донна Хуана,—мы погибли!

— Спасайтесь, спасайтесь, сеньоръ падре,—прошептала Флора,—иначе эти дикари убьютъ васъ!

— Дѣти мои, — спокойнымъ голосомъ проговорилъ миссіонеръ,—предадимся волѣ Божіей! Я не могу спасти васъ, но умру вмѣстѣ съ вами!

Между тѣмъ краснокожіе, какъ-бы пораженные зрѣлищемъ, на мгновеніе остановились на порогѣ и затѣмъ вдругъ, всей толпой бросились къ женщинамъ.

Но въ эту минуту произошло нѣчто необыкновенное.

Быстрымъ, какъ мысль, движеніемъ аббатъ заслонилъ собой обоихъ несчастныхъ, распростертыхъ на полу почти въ обморокѣ, и держа передъ собой распятіе, спокойно, съ сіяющими глазами и какъ-бы окруженный святымъ сіяніемъ, твердыми шагами пошелъ на встрѣчу дикарямъ, которые, какъ очарованные, не могли оторвать глазъ отъ распятія и отступали все дальше по мѣрѣ того, какъ онъ къ нимъ приближался.

Эта нѣмая сцена, полная простоты и величія, напоминала первые вѣка христіанства, когда святые мученики умирали въ циркѣ, вознося молитвы за своихъ палачей.

Между тѣмъ дикари, продолжая отступать передъ распятіемъ, были уже почти у дверей и въ душѣ миссіонера воскресла надежда на спасеніе, за которое онъ мысленно благодарилъ Бога, какъ вдругъ между краснокожими произошелъ переполохъ.

Сомкнутые ряды ихъ разступились и въ комнату, какъ тигръ, впрыгнулъ человѣкъ, весь увѣшанный скальпами; онъ рычалъ, какъ дикій звѣрь, и потрясалъ надъ головой топоромъ, съ котораго сочилась кровь.

Человѣкъ этотъ былъ Черная-Птица!

— Ага!—воскликнулъ онъ съ дьявольскимъ хохотомъ, замѣтивъ женщинъ, — м и молодцы приберегли для меня самую драгоцѣнную добычу. Спасибо за это! Эти

женщины—жена и дочь бѣлаго вождя. Онъ пожертвуетъ всѣми своими сокровищами, чтобы выкупить то, что для него дороже жизни!

Проговоривъ эти слова съ свойственной индѣйцамъ театральностью, сашемъ подошелъ къ доннѣ Хуанѣ и, положивъ на ея плечо свою окровавленную руку, проговорилъ:

— Пусть бѣлая слѣдуетъ за мной. Она плѣнница вождя!

При этомъ ненавистномъ прикосновенiи донна Хуана испустила сдавленный крикъ и безъ чувства упала на полъ.

Легче серны, бросилась тогда Флора къ матери и, упавъ на колѣни, воскликнула съ пламенной мольбой:

— О сашемъ, не убивайте мою мать!

Отвратительная улыбка скользнула по тонкимъ, сжатымъ зубамъ индѣйца.

— А,—воскликнулъ онъ,—если такъ, я вымещу все на этомъ волченкѣ!

— Убейте меня, убейте меня,—повторяла съ отчаянiемъ бѣдная дѣвочка,—только пощадите мою маму!

— Ну, такъ хорошо-же, — проворчалъ сахемъ, замахиваясь на нее топоромъ,—вы обѣ умрете!

Но въ эту минуту миссiонеръ, съ быстротой молнiи бросился на индѣйца и, вырвавъ у него топоръ, повалилъ его на полъ и надавивъ колѣномъ на грудь, изо всей силы сдавилъ ему горло.

Застигнутый совершенно врасплохъ, Черная-Птица не могъ сопротивляться несмотря на всю свою исполинскую силу.

— Падрэ, падрэ, не убивай его! — съ ужасомъ воскликнула Флора.

— Не убивайте его, падрэ!—прибавила и дона Хуана, которая уже пришла въ сознанiе.

При этой великодушной мольбѣ женщинъ, каменное сердце индѣйца невольно содрогнулось въ груди, но на-

ружно онъ сохранилъ полнѣйшее равнодушіе; ни одинъ мускулъ не шевельнулся у него въ лицѣ и, гордо смотря на миссіонера, онъ проговорилъ невозмутимымъ тономъ:

— Убей меня, такъ какъ духъ зла далъ тебѣ силу побѣдить!

Священникъ грустно улыбнулся и покачалъ головой.

— Я не хочу лишать тебя жизни, — сказалъ онъ. --Богъ, которому я служу и котораго ты не признаешь, запрещаетъ мнѣ проливать кровь. Но поклянись мнѣ Великимъ Духомъ, что ты не сдѣлаешь этимъ женщинамъ никакого вреда, и не разлучишь меня съ ними до тѣхъ поръ, пока ихъ не выкупятъ изъ плѣна.

Нѣсколько мгновеній длилось молчаніе.

— А если я обѣщаю это?—опросилъ индѣецъ.

— Тогда я сниму колѣно съ твоей груди, помогу тебѣ подняться и отдамъ оружіе! — спокойно отвѣтилъ миссіонеръ.

— Ну. хорошо, пусть будетъ по твоему; посмотримъ, хватитъ-ли у тебя храбрости исполнить то, что ты обѣщаешь. Я-же клянусь Великимъ Духомъ, что выполню всѣ условія, которыя ты мнѣ предлагаешь!

При этихъ словахъ сашема миссіонеръ поднялся, помогъ ему встать и подалъ ему его томагаукъ.

Индѣецъ схватилъ его съ дикой яростью и размахнулъ нѣсколько разъ надъ головой священника, который смотрѣлъ на него съ улыбкой и съ выраженіемъ удивительной кротости и рѣшимости.

— Ну, молодецъ, — проговорилъ дикарь, опуская топоръ; — мой братъ — истинный воинъ!—Но хотѣлъ-бы я знать, какой всемогущій духъ даетъ ему силу смѣяться надъ опасностью?

— Этотъ всемогущій духъ—Господь,—кротко возразилъ миссіонеръ.—Для него все возможно!

— Даже спасти тебя?—съ злымъ хохотомъ спросилъ индѣецъ.

— Да, если захочетъ! Не Онъ-ли только-что смягчилъ твое сердце и вселилъ жалость въ твою душу?

— Ооа!—съ замѣшательствомъ промычалъ индѣецъ.— Бѣлый умѣетъ говорить. Ну, хорошо, сашемъ сдержитъ свое обѣщаніе. Пусть-же братъ мой и бѣлыя женщины слѣдуютъ за нами!

При этихъ словахъ донна Хуана и Флора тотчасъ-же придвинулись ближе къ миссіонеру.

— Идемте и не падайте духомъ,—сказалъ онъ имъ;— Господь охраняетъ васъ!

Въ эту минуту между краснокожими произошло странное волненіе; они были чѣмъ-то встревожены и съ безпокойствомъ переговаривались между собой. Повидимому, случилось нѣчто очень важное и неожиданное, такъ что на мгновеніе надежда воскресла въ душѣ миссіонера, но это продолжалось недолго. По знаку, поданному сашемомъ, краснокожіе бросились къ плѣнницамъ и не успѣли тѣ опомниться, какъ очутились на лошадяхъ, окруженные цѣлой толпой всадниковъ. Черная-Птица испустилъ пронзительный крикъ,—и вся ватага съ дикимъ гиканьемъ понеслась со двора плантаціи, ломая и топча все, что попадалось ей на пути.

Сіу-Бизоны были застигнуты врасплохъ неожиданнымъ нападеніемъ Пламеннаго-Сердца и спасались бѣгствомъ, перепуганные, дрожащіе, покинувъ безъ вниманія громадную добычу, которая была уже въ ихъ рукахъ.

Бѣшеная скачка продолжалась нѣсколько часовъ. Кругомъ разстилалась безконечная однообразная равнина, но индѣйцы все не рѣшались остановиться. Наконецъ, уже передъ самымъ восходомъ солнца, сашемъ снова испустилъ пронзительный крикъ, послужившій сигналомъ къ отдыху. Краснокожіе находились въ эту минуту на берегу широкой рѣки, мутно-желтыя воды которой медленно катились съ какимъ-то таинственнымъ рокотомъ. Направо возвышался довольно высокій холмъ, на вершинѣ котораго виднѣлась группа гигантскихъ

деревьевъ; дикари рѣшили расположиться лагеремъ у самой подошвы холма.

Утомленные битвой и скачкой, они были не въ состояніи продолжать свой путь, несмотря на близость непріятеля; многія лошади попадали по дорогѣ, оставшіяся еле держались на ногахъ. Что-же касается несчастныхъ плѣнницъ, то онѣ едва дышали; блѣдныя, измученныя, онѣ опустились на траву почти безъ признаковъ жизни; все происходившее казалось имъ ужаснымъ кошмаромъ.

Одинъ миссіонеръ сохранилъ бодрость и спокойствіе, почерпая ихъ въ своемъ великодушномъ, полномъ любви сердцѣ. Онъ собралъ нѣсколько охапокъ сухихъ листьевъ, покрылъ ихъ лошадиной попоной и положилъ на нее обѣихъ женщинъ, прикрывъ ихъ бизоньей шкурой, отнятой имъ у одного индѣйца, который былъ настолько измученъ, что даже не вздумалъ сопротивляться. Убѣдившись, что несчастныя спокойно заснули, аббатъ опустился около нихъ на колѣни и принялся горячо молиться.

Ночь была холодная, такъ что индѣйцы, несмотря на опасность, которой они себя такимъ образомъ подвергали, принуждены были развести костры, чтобы согрѣть свои оцѣпенѣвшіе члены.

Изъ предводителей въ живыхъ осталось только пять мрачно и молчаливо сидѣли они вокругъ костра, покуривая свои длинныя трубки.

Потери, понесенныя Черной-Птицей, были дѣйствительно ужасны: изъ шестисотъ воиновъ его племени болѣе двухсотъ полегло на полѣ битвы, а потому отчаянію и злобѣ его не было границъ.

Между тѣмъ въ лагерь прискакало нѣсколько человѣкъ отставшихъ дикарей, которые принесли съ собой тревожныя извѣстія. По ихъ словамъ, Сіу-Бизоны были со всѣхъ сторонъ окружены бѣлыми и ихъ союзниками— Апахами. Тогда между индѣйцами произошло страшное

волненіе; они осыпали Черную-Птицу самыми несправедливыми упреками, обвиняя его одного во всемъ происшедшемъ. Злоба и стыдъ за пораженіе все болѣе туманили ихъ разсудокъ; подстрекаемые своими колдунами, дикари вообразили, что въ ихъ неудачѣ виноватъ одинъ миссіонеръ, который наслалъ на нихъ какія-то особенныя чары, что онъ-же околдовалъ ихъ сашема и помѣшалъ ему умертвить жену и дочь ихъ злѣйшаго врага. Колдуны, съ своей стороны, продолжали поддерживать всѣми силами это обвиненіе, стараясь еще болѣе устрашить суевѣрныхъ дикарей угрозами всевозможныхъ новыхъ несчастій, если они тотчасъ-же не исправятъ проступокъ Черной-Птицы и не принесутъ въ жертву злому духу обѣихъ плѣнницъ и аббата.

Внушенія эти возъимѣли свое дѣйствіе и смерть всѣхъ трехъ несчастныхъ была рѣшена, вопреки волѣ самого сашема, который, несмотря на свой гнѣвъ, принужденъ былъ отдать приказанія для приготовленія къ казни.

Миссіонеръ все слышалъ; онъ тихонько разбудилъ донну Хуану и Флору; сонъ значительно подкрѣпилъ ихъ и возвратилъ имъ спокойствіе.

— Сестры мои, — проговорилъ аббатъ своимъ кроткимъ, слегка дрожавшимъ отъ волненія голосомъ, — нашъ послѣдній часъ насталъ. Черезъ нѣсколько мгновеній мы вознесемся къ Нашему Создателю. Помолимся-же теперь вмѣстѣ за палачей, которые приготовляютъ для насъ самыя ужасныя мученія!

Обѣ несчастныя быстро поднялись съ земли; онѣ были блѣдны, но спокойны.

Близость смерти наполнила ихъ души той глубокой вѣрой и отреченіемъ отъ всего земного, которые даютъ силу переносить геройски всевозможныя мученія и свойственны, по большей части, только женщинамъ. Слабая и боязливая въ будничныхъ условіяхъ жизни, женщина дѣлается часто героиней въ рѣшительныя минуты.

*

Между тѣмъ всѣ приготовденія къ казни были окончены: три столба врыты въ землю и вокругъ нихъ разложены громадные костры изъ хвороста.

Черная-Птица, мрачный и грустный, не принималъ ни въ чемъ участія; онъ чувствовалъ себя обезчещеннымъ, такъ какъ его воля не была исполнена, но не имѣлъ силы противиться. Оба колдуна, одѣтые въ соотвѣтствующіе символическіе костюмы, расписанные какими-то странными рисунками, приблизились къ приговореннымъ, которые, стоя на колѣняхъ, горячо молились.

— Пусть блѣднолицыя женщины слѣдуютъ за мной,— проговорилъ одинъ изъ колдуновъ;—часъ ихъ смерти насталъ!

— Несчастный!— воскликнулъ миссіонеръ, вскочивъ и рѣшительно заслоняя собой женщинъ,—неужели ты осмѣлишься дотронуться твоими преступными руками до этихъ несчастныхъ, невинныхъ жертвъ?!

— Человѣкъ молитвы болтливъ, какъ старая баба. Пусть онъ побережетъ свой языкъ для своей предсмертной пѣсни, а если бѣлыя женщины не хотятъ идти сами, то мы ихъ снесемъ къ мѣсту казни!

При этихъ словахъ индѣйца, донна Хуана съ презрѣніемъ взглянула на него и, обратившись къ аббату, сказала:

— Благословите насъ, отецъ мой!

Миссіонеръ возложилъ руки на обѣ склоненныя предъ нимъ головы и, поднявъ къ небу глаза, полные слезъ, проговорилъ глухимъ голосомъ:

— Да снизойдетъ на васъ благословеніе самого Бога, сестры мои!

Послѣ этого обѣ осужденныя обратились къ жрецамъ.

— Мы готовы!—сказали онѣ твердымъ голосомъ.

Опираясь на руку аббата, несчастныя направились къ мѣсту казни; съ поднятыми къ небу глазами и сло-

женными руками, онѣ горячо молились и, казалось, отрѣшились отъ всего земного.

Всѣхъ .троихъ привязали къ столбамъ.

— Мужайтесь, сестры мои! Вознесите мысли ваши къ Богу!—говорилъ миссiонеръ.—Что значитъ этотъ мигъ мученiй въ сравненiи съ цѣлой вѣчностью блаженства, которая ждетъ насъ?!

— Мы готовы на все, падрэ! — отвѣчали обѣ осужденныя, охваченныя священнымъ экстазомъ.

Дикари толпились вокругъ столбовъ, мрачные и молчаливые; казалось, они съ какимъ-то тайнымъ ужасомъ смотрѣли на приготовлявшуюся казнь, вызванную съ ихъ стороны суевѣрнымъ страхомъ. Между тѣмъ ихъ колдуны оканчивали привязывать осужденныхъ.

— Ну, собака,—проговорилъ насмѣшливо одинъ изъ нихъ, — зови теперь твоего Бога, чтобы онъ освободилъ тебя!

— Несчастный безумецъ!—съ сожалѣнiемъ проговорилъ аббатъ, — можетъ-быть, ты самъ въ эту минуту ближе къ смерти, чѣмъ я!

— Это мы посмотримъ! — съ презрѣнiемъ проговорилъ индѣецъ, схватывая горящую головню и нагибаясь, чтобы зажечь костеръ.

Но въ эту минуту раздались выстрѣлы и оба колдуна, какъ подкошенные, покатились по землѣ съ пробитыми черепами.

Крикъ ужаса невольно вырвался у всей толпы, но прежде, чѣмъ индѣйцы успѣли опомниться, въ самый центръ ихъ ворвался всадникъ, съ быстротой молнiи соскочилъ съ лошади и, бросившись къ приговореннымъ, разрубилъ веревки, которыми они были привязаны и отважно всталъ передъ ними, защищая ихъ съ опасностью своей собственной жизни.

Всадникъ этотъ былъ Карденiо.

Глава X.

Какъ печаль, тяготившая много лѣтъ сердце дона Бартоса, обратилась въ радость по одному слову аббата Поля-Мишеля.

Неожиданное появленіе Карденіо произвело страшное волненіе между краснокожими, но вскорѣ оно смѣнилось яростью, когда дикари опомнились и разглядѣли, что весь этотъ переполохъ произведенъ однимъ беззащитнымъ юношей, почти ребенкомъ. Ярость ихъ еще усилилась при видѣ труповъ обоихъ жрецовъ, лежавшихъ на землѣ съ искаженными послѣдней агоніей лицами.

Съ дикимъ крикомъ бѣшенства они готовы были уже ринуться всей толпой на отважнаго юношу, смотрѣвшаго на нихъ съ презрительной улыбкой и готоваго каждую минуту выстрѣлить, но какая то непреодолимая сила удержала ихъ. Не отдавая себѣ въ томъ отчета, дикари испытывали какой то необъяснимый страхъ передъ блестящимъ взглядомъ Карденіо и дуломъ его ружья, направленнаго на нихъ въ упоръ.

— Я хочу предложить вамъ нѣкоторыя условія!— громкимъ, твердымъ голосомъ проговорилъ юноша.

При этихъ словахъ Черная-Птица, державшійся все время въ сторонѣ, выступилъ впередъ, понявъ, что наступила удобная минута снова возвратить себѣ потерянную власть. Медленно прошелъ онъ между своими воинами и остановился въ десяти шагахъ отъ Карденіо.

— Что нужно бѣлому?—холодно спросилъ онъ.

— Справедливости! — послѣдовалъ лаконическій отвѣтъ.

— Уши вождя открыты. Пусть молодой воинъ говоритъ. Черная-Птица слушаетъ его!

Не измѣняя своего положенія и не опуская ружья, юноша громко проговорилъ:

— Я вижу, что воины Сіу обратились въ трусливыхъ ланей! Они теперь ведутъ войну съ женщинами, пользуясь ихъ слабостью и беззащитностью.

Глухой ропотъ пробѣжалъ между индѣйцами, но грозное движеніе сашема заставило ихъ замолчать.

— У всѣхъ индѣйскихъ племенъ существуетъ обычай уважать женщинъ!—гордо продолжалъ Карденіо.— Недостойно храбрыхъ воиновъ пользоваться слабостью и подвергать мученіямъ беззащитныхъ созданій. Вы навлекаете этимъ на себя позоръ! Слушайте же, что я вамъ хочу предложить вмѣсто этого.

— Мы слушаемъ!—проговорилъ Черная-Птица.

— Вы возвратите немедленно свободу обѣимъ бѣлымъ женщинамъ и отпустите ихъ домой въ сопровожденіи бѣлаго плѣнника.

— Ну, положимъ, что мы согласимся на это предложеніе, но что же молодой орелъ дастъ моимъ воинамъ взамѣнъ за свободу обѣихъ женщинъ? Они не могутъ возвратиться домой съ немногими жалкими скальпами, которые намъ достались. Мы потерпѣли большія потери, но отъ нашихъ выстрѣловъ не погибъ ни одинъ бѣлый предводитель. Черная-Птица ждетъ отвѣта молодого орла. Пусть онъ говоритъ быстрѣе! Кровь нашихъ братьевъ вопіетъ о мести!

— Я дамъ вамъ возможность удовлетворить эту месть! — твердымъ голосомъ проговорилъ отважный юноша.—Исполните мое требованіе — отпустите вашихъ плѣнницъ и я тотчасъ складываю свое оружіе и отдаюсь въ вашу власть. Я еще молодъ, но вамъ всѣмъ хорошо

извѣстна моя сила и вѣрность моего глаза. Отъ моихъ пуль погибло уже не мало вашихъ воиновъ; такъ возьмите же меня, привяжите къ одному изъ столбовъ и я буду услаждать васъ своей предсмертной пѣснью въ продолженіи многихъ часовъ.

Индѣйцы высоко цѣнятъ храбрость, а потому и предложеніе Карденіо было принято съ восторгомъ и удивленіемъ, но аббатъ, котораго слова юноши поразили ужасомъ, быстро выступилъ впередъ.

— Какъ! — воскликнулъ онъ, — вы хотите лишить жизни этого несчастнаго ребенка?! Онъ самъ не понимаетъ, что говоритъ! Отпустите его вмѣстѣ съ матерью и сестрой къ отцу и возьмите меня вмѣсто него. Я силенъ и храбръ; я призвалъ на вашихъ колдуновъ мщеніе моего Бога и причинилъ имъ смерть.

Эти слова вызвали у дикарей крики ярости.

— Замолчите, ради Бога замолчите, падрэ!—воскликнулъ съ жаромъ Карденіо.—Я хочу, я долженъ спасти мою мать и сестру, и умереть за нихъ!

— Нѣтъ, этого не будетъ! — воскликнули обѣ женщины.—Мы не согласимся на такую жертву; мы должны умереть и умремъ!

— Смерть, смерть бѣлымъ!—ревѣли вокругъ краснокожіе.

— Берегитесь, падрэ! Берегитесь! — закричалъ Карденіо.—Они приготовляются стрѣлять.

— Что значитъ моя смерть, — спокойно возразилъ аббатъ,—если только этимъ я могу спасти васъ?!

Между тѣмъ шумъ между дикарями все усиливался, ружья угрожающе направились на плѣнниковъ и, казалось, ихъ послѣдняя минута наступила.

Но страшный, неожиданно раздавшійся крикъ отвлекъ вниманіе краснокожихъ; всѣ взоры устремились на саванну, гдѣ скакало около сотни всадниковъ, направлявшихся къ лагерю Сіу-Бизоновъ. Впереди ихъ неслись

донъ Бартосъ, незнакомецъ, Пламенное-Сердце и донъ-Рамонъ.

Быстрымъ, какъ молнія, движеніемъ, Черная-Птица обернулся и толкнулъ аббата, такъ сильно, что тотъ упалъ, но это паденіе спасло ему жизнь, такъ какъ въ ту же минуту пули засвистали надъ его головой.

— Теперь мы квиты! — съ нервнымъ смѣхомъ пробормоталъ Черная-Птица и, вскочилъ на сѣдло.

— Впередъ!—закричалъ онъ,—смерть Апахамъ!

— Смерть, смерть Апахамъ!—повторили краснокожіе, бросаясь стремглавъ вслѣдъ за своимъ предводителемъ; плѣнники были забыты. Несмотря на все свое бѣшенство, Сіу, какъ опытные воины, поняли, что они не въ состояніи атаковать непріятеля въ открытомъ полѣ, а потому бросились къ густому лѣсному участку, гдѣ притаились, готовые каждую минуту къ нападенію.

Между тѣмъ отрядъ Апаховъ проскакалъ мимо, не обращая на нихъ никакого вниманія и направился прямо къ берегу рѣки, гдѣ находились плѣнники.

Трудно описать радость, охватившую всѣхъ членовъ семьи дона Бартоса при свиданіи другъ съ другомъ; объятіямъ, слезамъ и поцѣлуямъ не было конца; отъ счастья никто не могъ выговорить ни слова.

Въ продолженіи этой трогательной сцены, незнакомецъ и аббатъ стояли нѣсколько въ отдаленіи отъ остальныхъ и вели оживленную бесѣду, а Карденіо снова сѣлъ на своего скакуна.

— Ну, что же, отецъ, — весело спросилъ онъ дона Бартоса,—перестали ли вы сердиться на меня за то, что я покинулъ васъ въ саваннѣ и прискакалъ сюда раньше другихъ?

— Негодный мальчикъ,—голосомъ полнымъ любви и нѣжности проговорилъ донъ Мельхіоръ,—ты причинилъ мнѣ много безпокойства, но зато теперь доставилъ невыразимую радость. Вѣдь, это ты спасъ ихъ!

— О, нѣтъ, отецъ, — съ живостью возразилъ Карде-

ніо, — мы всѣ обязаны своимъ спасеніемъ любви, самоотверженности и храбрости вотъ этого святого человѣка!

И движеніемъ, полнымъ благородства, онъ указалъ на аббата, который, спокойный и улыбающійся, приближался къ нимъ въ сопровожденіи незнакомца.

— Я былъ только послушнымъ орудіемъ въ рукахъ Создателя,—отвѣтилъ улыбаясь миссіонеръ.—Да будетъ прославлено имя Его! Но я еще не выполнилъ до конца своей обязанности.

При этихъ словахъ онъ бросилъ на незнакомца выразительный взглядъ и продолжалъ:

— Я счастливъ, что на мою долю выпало сообщить вамъ извѣстіе, которое доставитъ вамъ громадную радость!

— Говорите же, говорите, падрэ! — воскликнули разомъ, донъ Бартосъ, его жена и дѣти.

— Слушайте же и благословляйте неисповѣдимые пути Провидѣнія, которыми Оно ведетъ къ счастью людей, искренно вѣрующихъ и чистыхъ сердцемъ! Донъ Мельхіоръ де Бартосъ...

Но въ эту самую минуту до нихъ донеслись дикіе крики и цѣлый залпъ выстрѣловъ.

— Къ оружію! — громовымъ голосомъ воскликнулъ донъ Рамонъ.

Всѣ бросились по своимъ мѣстамъ, но Карденіо и миссіонеръ поспѣшили къ доннѣ Хуанѣ и Флорѣ, которыхъ они увлекли подъ защиту одного утеса, гдѣ тѣ могли оставаться въ полной безопасности.

— Карденіо, останься съ нами!—съ мольбой воскликнула Флора.

— Дитя мое, не покидай насъ, умоляю тебя!—со слезами проговорила донна Хуана.

— Я не могу согласиться на это!—горячо возразилъ Карденіо, вскакивая на сѣдло.—Мое мѣсто около отца!—Съ этими словами онъ пустилъ лошадь въ карьеръ и исчезъ.

— Боже мой, Боже мой! Спаси его!—съ отчаяніемъ прошептали обѣ женщины.

— Помолимся,—сказалъ миссіонеръ. — Гоподь, который сегодня такъ много сдѣлалъ для насъ, не покинетъ насъ и теперь!

Между тѣмъ крики все приближались и въ скоромъ времени между деревьями замелькали разрисованныя, полуобнаженныя фигуры индѣйцевъ, видимо спасавшихся бѣгствомъ; но, замѣтивъ укрѣпленную линію воиновъ дона Бартоса, они поспѣшно снова скрывались въ чащу. Донъ Мельхіоръ понималъ, что эта была послѣдняя, рѣшительная битва и, принявъ лично начальство надъ своими воинами, раздѣлилъ ихъ на два отряда: одинъ, въ которомъ находились незнакомецъ, Карденіо и донъ Рамонъ, онъ оставилъ на прежнемъ мѣстѣ, а другой, — подъ начальствомъ Пламеннаго-Сердца, расположилъ напротивъ перваго, на растояніи пятисотъ шаговъ отъ него.

Между тѣмъ положеніе индѣйцевъ, застигнутыхъ въ своей засадѣ врасплохъ, было критическое. Дѣло въ томъ, что комендантъ Эдвардъ Струмъ, отпустивъ Педрильо съ самымъ неблагопріятнымъ для дона Бартоса отвѣтомъ, тотчасъ-же отдалъ приказъ одному своему офицеру отправиться въ одинъ изъ ирландскихъ полковъ, расположенныхъ лагеремъ за двѣ мили отъ города, и немедленно явиться къ нему вмѣстѣ съ двумя стами конныхъ драгунъ, причемъ каждый долженъ былъ прихватить къ себѣ на лошадь по одному пѣхотинцу. Это приказаніе было немедленно приведено въ исполненіе, и черезъ два часа Эдвардъ Струмъ, осыпая по прежнему всѣхъ бранью и проклятіями, выступилъ изъ города въ сопровожденіи трехъ сотъ человѣкъ солдатъ и направился къ жилищу дона Бартоса.

Трудности пути задержали его въ дорогѣ очень долго и, несмотря на свое горячее желаніе подоспѣть вовремя на помощь, Эдвардъ Струмъ достигъ плантаціи

только черезъ часъ послѣ происшедшаго тамъ кровопролитнаго сраженія, описаннаго нами, и какъ разъ въ ту минуту, когда донъ Бартосъ собирался выступить въ погоню за Сіу-Бизонами, похитившими его жену и дочь.

Все это было немедленно сообщенно Эдварду Струму и тутъ-же собрали небольшой военный совѣтъ, принявшій слѣдующее рѣшеніе: донъ Мельхіоръ долженъ былъ тотчасъ выступить въ погоню за краснокожими съ отрядомъ изъ пятидесяти пеоновъ и идти самымъ кратчайшимъ путемъ; остальные-же пеоны и воины Пламеннаго-Сердца присоединялись къ отряду Эдварда Струма, чтобы служить ему проводниками черезъ Леону, такъ какъ желательно было непремѣнно отрѣзать краснокожимъ всякое отступленіе, для чего необходимо было захватить на самомъ берегу рѣки Ріо-Браво-дель-Норте, черезъ которую Сіу-Бизоны не въ состояніи переправиться, такъ какъ лошади ихъ слишкомъ измучены. Было между прочимъ условлено, чтобы авангардъ не вступалъ въ битву съ Сіу до прихода второго отряда, Когда такимъ образомъ все было обдумано и рѣшено, всѣ немедленно пустились въ путь, оставивъ на плантаціи только десятокъ пеоновъ для защиты женщинъ и дѣтей.

Достигнувъ лѣса, Эдвардъ Струмъ велѣлъ всѣмъ пѣхотинцамъ спѣшиться, а драгунамъ и апахамъ оцѣпить вокругъ весь лѣсъ, послѣ чего бросился въ атаку, не обращая вниманія на непріятельскія пули, свистѣвшія надъ его головой. Индѣйцы поняли свое безвыходное положеніе, но отчаяніе придало имъ храбрости; они рѣшились умереть, но умереть истинными воинами съ оружіемъ въ рукахъ.

Какъ львы, защищались они, не отступая ни на шагъ, рѣшаясь даже на рукопашную схватку съ непріятелемъ. Но, несмотря на такую блестящую храбрость, Бизоны не могли справиться съ превосходствомъ силъ враговъ и должны были постепенно отступать изъ лѣсу. Черная-Птица собралъ около себя немного болѣе сотни своихъ

воиновъ, оставшихся въ живыхъ, и испустивъ пронзительный крикъ, бросился изъ чащи въ открытое поле, надѣясь уйти отъ непріятеля. Здѣсь, со всѣхъ сторонъ, на него обрушились воины Пламеннаго-Сердца и пеоны дона Бартоса, но и этотъ двойной натискъ не могъ сломить желѣзную волю индѣйцевъ. Собравшись около своего вождя, они не дрогнули и храбро отразили непріятеля. Тогда началась истинная битва титановъ.

Несмотря на всѣ чудеса храбрости Сіу-Бизоновъ, число ихъ быстро уменьшалось. Они поняли, что наступилъ ихъ послѣдній часъ и, переставъ отражать нападеніе, сами бросились въ атаку на непріятеля съ какимъ-то дикимъ изступленіемъ.

Произошла страшная рѣзня, передать которую безсильно всякое описаніе. Прошло нѣсколько ужасныхъ мгновеній; затѣмъ, дикій, нечеловѣческій крикъ потрясъ воздухъ,—и все было кончено.

Послѣдній изъ Сіу-Бизоновъ палъ мертвымъ на полѣ бывы!

Изъ пятидесяти апаховъ въ живыхъ осталось двадцать, остальные были убиты, вмѣстѣ съ лошадями!

Донъ Бартосъ, блѣдный, окровавленный, но спокойный лежалъ на землѣ. Около него на колѣняхъ стояли Карденіо и незнакомецъ, стараясь перевязать ему раны и не замѣчая, что сами они покрыты своей собственной кровью.

Около ногъ дона Мельхіора лежалъ майордомъ донъ Рамонъ съ пробитымъ черепомъ; онъ до послѣдней минуты защищалъ своего господина и умеръ, закрывая его своимъ тѣломъ.

Между тѣмъ къ раненому приблизились Эдвардъ Струмъ съ офицерами; вскорѣ появились донна Хуана, Флора и миссіонеръ, которыхъ вывелъ изъ ихъ убѣжища Пламенное-Сердце Мать и дочь въ слезахъ опустились около дорогого умирающаго.

— Мнѣ очень плохо,—тихо выговорилъ донъ Мель-

хіоръ;—но я благодарю Господа, что онъ послалъ намъ побѣду надъ язычниками и привелъ меня еще разъ увидѣть всѣхъ кого я такъ горячо люблю: тебя, моя дорогая Хуана, и васъ, мои милые дѣти. Да будетъ воля Господня надъ нами и да будетъ благословенно имя Его!

— О, вы не умрете, отецъ!—съ раздирающимъ рыданіемъ воскликнула Флора.

— Ты ошибаешься, дитя мое! Смерть уже близка; но только одно меня печалитъ въ эту минуту, что я оставляю васъ одинокими, безъ друзей!—и онъ тяжело вздохнулъ.

Между тѣмъ, пока донъ Мельхіоръ говорилъ, миссіонеръ освидѣтельствовалъ и перевязалъ его раны; при послѣднихъ словахъ раненаго, онъ поднялся и съ улыбкой, которая сразу оживила всѣ сердца надеждой, проговорилъ:

— Успокойтесь, донъ Мельхіоръ не умретъ; его раны очень серьезны, но не смертельны, а кромѣ того, я приложу на нихъ такой живительный бальзамъ, который поможетъ ихъ заживанію, и прольетъ въ душу ему лучъ небесной радости.

— Боже мой!—воскликнулъ донъ Мельхіоръ.

— Благодарите Бога, донъ Бартосъ, такъ какъ, наконецъ, раскаяніе проникло въ сердце человѣка, причинившаго всѣ ваши несчастія. Вашъ шуринъ умоляетъ васъ простить ему его недостойное поведеніе и присылаетъ къ вамъ своего сына, чтобы испросить ваше прощеніе. Донъ Антоніо Бустаменте, графъ Пучерда, (Puecerda) теперь ваша очередь, выполнить порученіе, возложенное на васъ вашимъ отцомъ.

— Дядя, — съ нескрываемымъ волненіемъ проговорилъ молодой человѣкъ,—королевѣ извѣстно, что вы никогда не переставали быть ея вѣрноподданнымъ; ей извѣстно, что вы никогда не были сообщникомъ Цумалакарегуа (Zumalacarreguy) Кадреры (Cabrera) и что всѣ

эти низкія клеветы, (при этихъ словахъ голосъ его дрогнулъ, понизился и слезы засверкали на глазахъ), выдуманы моимъ отцомъ, для того, чтобы завладѣть вашимъ состояніемъ и титуломъ. Дядя, всѣ ваши имѣнія вамъ возвращены и вы назначены губернаторомъ Каталоніи! Отецъ непремѣнно хотѣлъ, чтобы я лично передалъ вамъ все это вмѣстѣ съ королевскими грамотами, чтобы удостовѣриться въ вашемъ прощеніи и дружбѣ!

— Братъ!... Сестра!...—воскликнулъ старикъ съ безграничной радостью, тогда какъ слезы медленно текли по блѣднымъ щекамъ его! Боже! Ты посылаешь мнѣ слишкомъ много счастья!

Но потеря крови и волненіе подѣйствовали на него такъ сильно, что онъ потерялъ сознаніе.

— Чортъ подерн.. хм... полаг... хм... воздухъ что-то здѣсь свѣжоватъ, хм...—говорилъ маіоръ Струмъ, утирая украдкой слезы. — Вотъ это называется наградить по королевски! И я также, хм, ну, чортъ возьми.... Я вамъ говорилъ, что отомщу, падре! Кх, хм...

— Вы благороднѣйшій человѣкъ на свѣтѣ, маіоръ!— протягивая ему руку, съ улыбкой проговорилъ миссіонеръ.

— Ну, ужъ это вы соврали, чортъ подери—воскликнулъ Эдвардъ Струмъ, до боли сжимая протянутую ему руку;—я грубое животное, скотина хм, ну, да это все равно, хм! Вы, чортъ возьми, можете всегда разсчитывать на меня, хм! ну....

При этой выходкѣ командира всѣ присутствующіе разразились смѣхомъ.

. . . .

. . . .

Предсказаніе миссіонера сбылось буквально.

Черезъ три мѣсяца донъ Бартосъ вполнѣ оправился отъ своихъ ранъ и поѣхалъ въ Испанію со всей своей семьей и племянникомъ. Передъ отъѣздомъ онъ ликви-

дировалъ свои дѣла, причемъ хотѣлъ во чтобы то ни стало оставить всѣ владѣнія въ Техасѣ аббату Полю-Мишелю.

Миссіонеръ долго отказывался и согласился принять этотъ подарокъ только при условіи, что онъ употребитъ его на пользу несчастныхъ и построитъ въ Кастровиллѣ церковь. Донъ Бартосъ изъявилъ на это свое полное согласіе.

Конецъ.

КАРМЕНЪ.

Глава I.

Встрѣча въ степяхъ.

Какъ часто, когда старость приближается уже быстрыми шагами, сидишь въ одиночествѣ вечеромъ передъ пылающимъ каминомъ; вѣтеръ заунывно воетъ, дождь хлещетъ въ окна,—и невольно съ какой-то сладкой, но мучительной болью переносишься воспоминаніемъ къ счастливымъ, невозвратнымъ годамъ молодости!

Голова перестаетъ работать, глаза безцѣльно устремлены въ пространство, а самъ въ завываньяхъ вѣтра прислушиваешься къ какой-то родной, старинной мелодіи, пробуждающей въ душѣ всѣ лучшія воспоминанія юности! Забываешь всецѣло о настоящемъ, а прошедшее воскресаетъ съ поразительной ясностью и проходитъ передъ глазами, какъ въ калейдоскопѣ.

Немного людей, я думаю, могутъ похвалиться жизнью болѣе разнообразной, болѣе переполненной всевозможными приключеніями, грустными и радостными, и врядъли кто-либо сохранилъ въ памяти больше воспоминаній, чѣмъ я.

Одно изъ этихъ воспоминаній навсегда запечатлѣлось живо въ моей памяти, хотя съ тѣхъ поръ прошло уже болѣе тридцати лѣтъ.

Эта грустная и вмѣстѣ съ тѣмъ трогательная исторія, которую я хочу передать здѣсь, случилась въ концѣ 1835 года. Въ то время я увлекался, въ обществѣ индѣйцевъ Команчей, охотой за бизонами въ степяхъ Орегона; но охота была въ тотъ годъ довольно неудачна, бизоны попадались очень рѣдко. Раздосадованный этимъ, я отдѣлился отъ своихъ сотоварищей и продолжалъ охотиться одинъ, ночуя въ палаткѣ среди степей. Однажды вечеромъ, когда я уже расположился на ночлегъ, невдалекѣ отъ меня раздалось два выстрѣла, послышались крики, затѣмъ, шумъ въ кустарникахъ, и мимо меня, какъ метеоръ, промчался всадникъ.

Привычка жить одиноко въ степяхъ придаетъ человѣку энергію и рѣшительность въ дѣйствіяхъ, рѣдко встрѣчающуюся у людей въ обыденной, культурной обстановкѣ жизни. Это весьма понятно: при жизни въ степяхъ, всѣ чувства человѣка страшно обостряются подъ вліяніемъ постоянныхъ опасностей и чувства самоохраненія. Естественно, что при видѣ человѣка съ обезображеннымъ отъ волненія лицомъ, дымящимся отъ недавняго выстрѣла ружьемъ въ рукѣ и спасающагося бѣгствомъ, я тотчасъ сообразилъ, что онъ совершилъ преступленіе, а потому, недолго думая, выстрѣлилъ въ него и лошадь покатилась по землѣ, увлекая вмѣстѣ съ собой всадника, который остался недвижимымъ на томъ мѣстѣ, гдѣ упалъ. Я бросился къ нему и наклонился надъ тѣломъ, держа наготовѣ въ рукахъ заряженный пистолетъ. Съ перваго-же взгляда я убѣдился, что раненый мной субъектъ былъ одинъ изъ самыхъ опасныхъ бродягъ, полуиндѣйскаго, полумексиканскаго происхожденія, настоящее имя котораго было Петръ Омнесъ, но получившій, благодаря своимъ многочисленнымъ подвигамъ, два славныхъ прозвища, которыми онъ цинично гордился.

Первое изъ нихъ было „Cuchillo“, что значитъ— ножъ; второе, еще болѣе ужасное, — Matasiete, означаю-

щее въ буквальномъ переводѣ: „Тотъ, кто убилъ семерыхъ“.

Наружность этого разбойника вполнѣ соотвѣтствовала его нравственнымъ качествамъ: онъ былъ выше пяти футовъ ростомъ, широкоплечъ, съ несоразмѣрно длинными руками, на которыхъ виднѣлись твердыя, какъ веревки, жилы; длинные, черные спутанные волосы росли на лбу очень низко и разсыпались по плечамъ; вѣчно бѣгающіе, круглые глаза сидѣли очень глубоко въ орбитахъ, а носъ, похожій на клювъ хищной птицы, нависалъ почти на самый ротъ, съ острыми бѣлыми зубами. Бороды и усовъ у него не было, только кое-гдѣ, на зеленоватомъ фонѣ его лица, виднѣлись пучки рыжихъ волосъ; въ общемъ онъ напоминалъ какого-то отвратительнаго гада, одна близость котораго вызывала уже чувство брезгливости.

Вотъ каковъ былъ субъектъ, съ которымъ меня свела теперь несчастная случайность.

— А, сеньоръ! — прокричалъ онъ, злобно посмѣиваясь,— у васъ очень странный способъ здороваться съ проѣзжими! На кой чортъ вы убили мою лошадь?

— Потому-что я не хотѣлъ убивать васъ самихъ!— отвѣчалъ я.

— Хорошо-же, — пробормоталъ онъ, дѣлая усиліе, подняться,—вамъ это такъ не пройдетъ!

— Это мы потомъ увидимъ, а теперь лежите смирно, если не хотите, чтобы я размозжилъ вамъ голову!

— Что-жъ, хорошо, хотя я не знаю, чего вы ко мнѣ лѣзете; кажется, мы съ вами никогда ничего не дѣлили!

— Прежде всего, отвѣчайте мнѣ, какіе это два выстрѣла я недавно слышалъ?

— Хорошо, что-жъ! (Это было его любимое выраженіе) хорошо! Такъ вы слышали два выстрѣла?

— Да, и знаю, что стрѣляли вы!

— Вотъ какъ, а кто вамъ это сказалъ?

— Не ваше дѣло!

*

— Что-жъ, хорошо! Положимъ, что я; но вѣдь это васъ не касается; кажется, вы не исполняете въ степяхъ роли полицейскаго?

— Ошибаетесь, любезный другъ. Всякій честный человѣкъ обязанъ передъ своей совѣстью не допускать убійствъ и грабежей, гдѣ-бы то ни было!

— Хорошо! Но у васъ очень странные взгляды! Вы— французъ, донъ Густаво? Какое вамъ дѣло до того, что у меня будетъ одно лишнее убійство на душѣ? Предоставьте это намъ, мексиканцамъ. Хотите, заключить союзъ?

— Еще одно слово,—и я размозжу тебѣ голову, негодяй! Однако, вотъ приближаются нѣсколько человѣкъ, которые, вѣроятно, расправятся съ тобой!

Дѣйствительно, изъ лѣсу показалась группа людей, быстро приближавшихся къ тому мѣсту, гдѣ находился Matasiete и я.

Разбойникъ повернулъ къ нимъ голову и пробормоталъ про себя:

— Будетъ потѣха! Что-жъ, умирать—такъ умирать! А впрочемъ, кто знаетъ?...

При этомъ онъ слегка приподнялся, упершись локтемъ въ свою лошадь и, вытащивъ изъ кармана табакъ и бумагу, свернулъ папироску и, закуривъ ее съ необыкновеннымъ хладнокровіемъ, проговорилъ, обращаясь ко мнѣ и пожимая плечами:

— И кто васъ просилъ соваться въ мои дѣла?!

Глава II.

Миссіонеръ и бандитъ.

Маленькая группа, которая приближалась къ намъ, состояла изъ десяти человѣкъ индѣйцевъ, принадлежавшихъ, видимо, къ цивилизованнымъ, и изъ четырехъ бѣлыхъ всадниковъ, одѣтыхъ въ костюмы ранчеро. Между ними находился священникъ, или вѣрнѣе миссіонеръ.

Когда вновь прибывшіе достигли того мѣста, гдѣ лежалъ разбойникъ, продолжавшій спокойно покуривать, они остановились. Пеоны, т. е. слуги-индѣйцы, отошли почтительно въ сторону, а бѣлые сошли съ лошадей.

Миссіонеръ былъ очень блѣденъ и, видимо, страдалъ; одна рука его была на перевязи, а бѣлая сутана забрызгана кровью.

Замѣтивъ меня, онъ быстро подошелъ, пожавъ мнѣ дружески руку, и проговорилъ:

— Очень радъ васъ видѣть, сеньоръ! Да будетъ благословенъ Господь, пославшій васъ сюда!

Я отвѣтилъ на это привѣтствіе почтительнымъ поклономъ, и старикъ обернулся затѣмъ къ индѣйцамъ, между которыми слышался глухой угрожающій ропотъ, видимо, относившійся къ бандиту.

— Тише, дѣти!—проговорилъ онъ мягкимъ мелодичнымъ голосомъ.—Не обижайте этого человѣка! Какъ ни велики его преступленія, Всемогущій Господь можетъ

вселить раскаяніе въ сердце его! Мы должны только молить о милосердіи къ несчастному грѣшнику. Развѣ вы забыли, что сказалъ Господь: Мнѣ отмщеніе и азъ воздамъ"?!

Индѣйцы молча опустили головы.

— Не согласитесь-ли вы уступить мнѣ вашего плѣнника?—спросилъ миссіонеръ, обращаясь ко мнѣ.

— Онъ вполнѣ принадлежитъ вамъ, святой отецъ!—отвѣчалъ я.

— Благодарю васъ!—и наклонившись къ бандиту съ доброй улыбкой, священникъ проговорилъ: — Встаньте, Петръ Омнесъ!

Бродяга задрожалъ, но затѣмъ, быстро вскочилъ на ноги, отбросилъ папироску и, сложивъ руки на груди, проговорилъ съ дерзкимъ смѣхомъ:

— Что вамъ надо отъ меня, падрэ?

Миссіонеръ посмотрѣлъ на него съ глубокимъ сожалѣніемъ.

— Что я вамъ сдѣлалъ? За что вы хотѣли убить меня, Петръ Омнесъ?—сказалъ онъ.

— Убить васъ?!—воскликнулъ бандитъ, привскочивъ отъ изумленія.—Я вовсе не намѣревался убивать васъ, падрэ Себастіанъ! Я знаю, что вы Божій служитель и я васъ люблю и уважаю!

— Тѣмъ не менѣе, сынъ мой, вы только что пустили въ меня два заряда изъ ружья и изъ пистолета!

— О, о, о! Это просто какая-то чертовщина Клянусь вамъ, отецъ мой, что мнѣ и во снѣ не снилось убивать васъ!—И бандитъ добавилъ съ циничнымъ смѣхомъ:

— Вотъ еще новая исторія! Если-бы я вздумалъ убивать васъ, то отчего-бы мнѣ въ этомъ не сознаться? Но вы — святой человѣкъ и даю вамъ слово, что я хотѣлъ убить не васъ, а эту поганую собаку Хуана Кабраль. Ужъ я доберусь до него! И теперь-то онъ остался живъ только потому, что спрятался за васъ, падрэ!

— Онъ и не думалъ прятаться; я самъ всталъ передъ

нимъ, и всемогущій Господь сдѣлалъ такъ, что его жизнь спасена и вашъ замыселъ не удался!

— Мнѣ нечего больше сказать, падрэ, кромѣ того, что я негодяй, вполнѣ заслужившій смерть. Здѣсь, кстати, много прекрасныхъ, громадныхъ деревьевъ, которыя очень любезно протягиваютъ ко мнѣ свои вѣтки, какъ-бы предлагая свои услуги, чтобы меня вздернули на нихъ!

Миссіонеръ ничего не отвѣчалъ на эту тираду, грустно вглядываясь въ бандита; крупныя слезы текли по щекамъ его.

— Нѣтъ!—наконецъ проговорилъ онъ.—Было-бы преступленіемъ предать смерти это несчастное созданіе теперь, когда его сердце еще глухо къ раскаянію! Вотъ вамъ лошадь! Уѣзжайте и да снидетъ Божья благодать въ ваше сердце и да сдѣлается оно доступно покаянію!

Разбойникъ недовѣрчиво взглянулъ на великодушнаго человѣка; онъ, видимо, не понималъ его.

— Вы говорите правду? — съ сомнѣніемъ спросилъ онъ.

Миссіонеръ грустно улыбнулся.

— Зачѣмъ я буду васъ обманывать?—сказалъ онъ.— Идите съ миромъ и Господь да будетъ съ вами!

— Какъ угодно, падрэ! Воля ваша, а только напрасно вы такъ поступаете; лучше-бы покончили со мной! А что касается Хуана Кабраль, то ужъ я доберусь до него...

— Замолчи, несчастный! Неужели это твоя благодарность?—горячо перебилъ отецъ Себастіанъ.

— Вы правы, падрэ! Я вамъ обязанъ жизнью и не забуду этого. Прощайте, падрэ!

И, повернувъ безъ всякой церемоніи, присутствующимъ спину и насвистывая „samajueta“, бандитъ началъ снимать сбрую со своей убитой лошали.

Не обращая больше на него вниманія, миссіонеръ обратился ко мнѣ:

— До моего дома всего полъ-часа ѣзды отсюда, —

сказалъ онъ. — Не сдѣлаете-ли вы мнѣ, сеньоръ, честь переночевать сегодня у меня?

— Съ радостью, святой отецъ!—отвѣчалъ я.—Благодарю васъ за приглашеніе!

И я присоединился къ маленькому отряду, который пустился въ обратный путь, не заботясь больше о „Matasiete“.

Любопытство мучило меня; мнѣ хотѣлось, во чтобы то ни стало, узнать объясненіе странной сцены, разыгравшейся на моихъ глазахъ, а потому я пошелъ рядомъ съ отцомъ Себастіаномъ, соображая, какъ-бы мнѣ навести разговоръ на интересующій меня предметъ.

Къ счастью, отъ проницательности миссіонера не ускользнуло мое любопытство и онъ великодушно самъ пришелъ ко мнѣ на помощь.

— Вы хотѣли бы, вѣроятно, знать,—проговорилъ онъ съ свойственной ему ласковой и кроткой улыбкой,—причины, вызвавшія сегодняшнее происшествіе?

— Сознаюсь въ своей нескромности, отецъ мой,—отвѣчалъ я съ улыбкой.— Боюсь только, что вы будете обо мнѣ дурного мнѣнія.

— Ничуть; ваше любопытство вполнѣ естественно и нисколько меня не оскорбляетъ. Я съ удовольствіемъ удовлетворю его и разскажу вамъ всю эту грустную исторію. Слушайте же!.

Съ своей стороны я хочу передать эту исторію читателю и прошу позволенія присоединить къ разсказу миссіонера конецъ ея, происшедшій на моихъ глазахъ.

Глава III.

Разсказъ.

Около 1780 года въ Мексико жила богатая и могущественная фамилія, предки которой, чисто испанскаго происхожденія, явились въ Америку вмѣстѣ съ Фердинандомъ Кортецомъ, содѣйствовали ему въ покореніи Мексики, за что получили въ награду громадныя помѣстья, находившіяся и до сихъ поръ въ ихъ рукахъ.

Глава этой семьи, донъ Кристобаль Нунесъ де Финьероа, въ эпоху, когда начинается нашъ разсказъ, овдовѣлъ и остался съ двумя сыновьями, причемъ старшему, дону Педро, было 19, а младшему, Себастіану, — 16 лѣтъ.

Согласно обычаю, существовавшему въ знатныхъ испанскихъ семьяхъ, донъ Педро былъ отправленъ въ Испанію, чтобы, окончивъ тамъ свое образованіе, поступить на военную службу. Младшаго помѣстили въ семинарію.

Когда въ 1888 году вспыхнула въ Мексикѣ война за независимость, дону Педро исполнилось 42 года и онъ былъ въ чинѣ бригадира; братъ же его служилъ въ Орегонѣ въ продолженіе уже десяти лѣтъ.

Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ братья разстались и, не получая другъ отъ друга никакихъ извѣстій, потеряли надежду когда либо свидѣться.

Отецъ Себастіанъ сохранилъ въ глубинѣ своего серд-

ца чистую, искреннюю привязанность къ своему старшему брату и, стараясь получить какія-либо свѣдѣнія о немъ, обращался съ разспросами ко всѣмъ путешественникамъ, изрѣдка посѣщавшимъ Орегонъ. Въ началѣ февраля 1835 года, къ миссіонеру явился молодой человѣхъ, Хуанъ Кабраль. Онъ принесъ отъ генерала Педро де Финьероа письмо, въ которомъ тотъ извѣщалъ своего брата, что вслѣдствіе революціи, происшедшей въ Мексикѣ, онъ потерялъ все состояніе и долженъ спасаться бѣгствомъ, такъ какъ его партія побѣждена и генералы всѣ разстрѣляны. Онъ избѣжалъ этой участи только благодаря своему другу, который далъ ему возможность скрыться изъ Мексико. Генералъ заканчивалъ свое письмо извѣстіемъ, что дней черезъ пятнадцать онъ прибудетъ къ брату съ женой и двумя дѣтьми, чтобы спокойно умереть на его рукахъ.

Читая это письмо, донъ Себастіанъ чувствовалъ и радость, и горе. Онъ забросалъ вопросами Хуана Кабраля, который разсказалъ ему, что съ генераломъ было только десять человѣкъ, и подвигаются они впередъ очень медленно, такъ какъ жена его опасно больна, да и самъ очень слабъ. Кромѣ того и дочь генерала, прелестная пятнадцатилѣтняя дѣвочка, которую звали Карменъ, съ трудомъ переноситъ путешествіе, но зато ея братъ, семнадцатилѣтній красавецъ Мигуэль, поддерживаетъ всѣхъ своимъ весельемъ и отвагой.

Отецъ Себастіанъ тотчасъ принялся за приготовленія къ пріему своего брата, но прошелъ мѣсяцъ, два, три, а отъ дона Педро не было никакого извѣстія.

Страшное безпокойство овладѣло миссіонеромъ; онъ считалъ брата и всѣхъ его спутниковъ погибшими въ степяхъ. Что было дѣлать? Откуда получить извѣстія? Года не позволяли отцу Себастіану отправиться самому на розыски брата, да и средствъ у него не было, а еслибъ они и нашлись, то куда направиться, гдѣ искать? Степь безконечна, какъ океанъ. Но чѣмъ дальше шли

дни, тѣмъ сильнѣе становилось отчаяніе отца Себастіана; послѣдняя надежда на возвращеніе брата потухла въ его сердцѣ.

Однажды утромъ къ нему явился Хуанъ Кабраль, вооруженный и одѣтый совершенно по дорожному.

— Отецъ мой,—сказалъ онъ,—благословите меня! Я ухожу.

— Ты уходишь, но куда же, сынъ мой? — спросилъ отецъ Себастіанъ.

— Я не могу дольше оставаться здѣсь, отецъ мой!— горячо возразилъ великодушный юноша. — Сердце мое разрывается отъ горя! Я отправляюсь искать генерала и его семью и даю вамъ слово, что найду ихъ, если только они живы. Вы не можете сдѣлать этого, вамъ нельзя покинуть миссію; я же здѣсь совершенно безполезенъ и не хочу больше оставаться въ неизвѣстности.

— Бѣдное дитя!—покачавъ головой, грустно сказалъ миссіонеръ.—Къ чему ты это хочешь дѣлать? Ихъ, навѣрно, больше нѣтъ въ живыхъ и мы никогда больше не увидимъ ихъ!

— Возможно, отецъ мой! Но предчувствіе говоритъ мнѣ, что Мигуэль и сестра его еще живы. Мигуэль — мой молочный братъ, хотя я и старше его; онъ ждетъ меня, гдѣ бы онъ ни былъ, и я отправляюсь къ нему на встрѣчу!

— Ты идешь на вѣрную смерть!

— Нѣтъ, падрэ! Господь любитъ добрыя сердца и покровительствуетъ имъ. Благословите же меня: ваше благословеніе принесетъ мнѣ счастье!

Миссіонеръ со слезами обнялъ великодушнаго юношу.

— Иди, сынъ мой! Богъ да сохранитъ тебя!

Черезъ часъ Хуанъ Кабраль отправился въ дорогу. Ему было въ то время около 23 лѣтъ; высокаго роста, сильный и удивительно ловкій, Кабраль съ дѣтства уже привыкъ къ жизни въ степи, которую хорошо изучилъ и зналъ всю ее, какъ свое поле.

Прошло четыре дня съ его отъѣзда изъ миссіи; приготовляясь однажды снова пуститься въ путь послѣ короткаго отдыха, Кабраль вдругъ услышалъ глухое рычанье, и громадный ягуаръ, выпрыгнувъ изъ чащи, промчался мимо него. Кабраль былъ мексиканецъ, слѣдовательно охотникъ, а потому, не долго думая, бросился за хищникомъ.

Ягуаръ, или американскій тигръ, принадлежитъ къ плотояднымъ изъ породы кошачьихъ; это самый большой изъ хищниковъ этого рода; длина его болѣе двухъ метровъ, не считая хвоста, который имѣетъ 60 сантиметровъ; высота—восемь дециметровъ; шкура его ярко-рыжаго цвѣта на спинѣ; на головѣ, шеѣ и бокахъ |находятся круглыя черныя пятна; брюхо бѣлое и также покрыто пятнами. Ягуаръ страшно кровожаденъ; онъ кидается даже на человѣка, но особенно часто преслѣдуетъ лошадей, телятъ и воловъ; не брезгаетъ также дичью и рыбой, а подъ вліяніемъ голода вступаетъ въ битву даже съ такимъ опаснымъ врагомъ, какъ аллигаторъ. Ловкость его поразительна; какъ кошка, взбирается онъ на верхушки деревьевъ, имѣющихъ болѣе шестидесяти футовъ высоты и почти лишенныхъ вѣтокъ. Понятно, что охота за такимъ страшнымъ звѣремъ очень опасна и требуетъ громадной ловкости, храбрости и особенно хладнокровія.

Вдругъ, ягуаръ прилегъ, какъ будто готовясь броситься на добычу, и въ ту же минуту раздался отчаянный крикъ, отъ котораго сердце юноши похолодѣло. Понукая изо всѣхъ силъ свою лошадь, онъ зарядилъ ружье, выстрѣлилъ,—и ягуаръ со страшнымъ ревомъ свалился мертвымъ. Пуля пробила ему черепъ. Не обращая больше вниманія на убитаго звѣря, Кабраль, какъ безумный, бросился въ чащу и увидѣлъ въ нѣсколькихъ шагахъ лежавшую безъ чувствъ дѣвушку.

— О, Боже!—воскликнулъ онъ съ отчаяніемъ,—предчувствіе не обмануло меня! Это Карменъ!

Онъ не ошибся; дѣйствительно, это была Карменъ, дочь генерала Финьероа. Отъ ужаса она лишилась чувствъ, но благодаря стараніямъ молодого человѣка скоро пришла въ себя.

— Это ты, Хуанито!—сказала она, какъ только очнулась.—Мы давно ждемъ тебя!

— Бѣдняжка! — прошепталъ Кабраль, лаская свою названную сестру;—успокойся, это я! Но гдѣ же Мигуэль?

— Мигуэль, — прошептала дѣвочка, — онъ охотится недалеко отсюда!

— Почему ты здѣсь одна?

— Я шла молиться на могилу отца!—отвѣтила Карменъ, заливаясь слезами.

— Генералъ умеръ?!—горестно воскликнулъ юноша.

— Да, — со слезами подтвердила дѣвочка. — Всѣ умерли; спаслись только Мигуэль, да я.

Закрывъ лицо руками, Кабраль горько зарыдалъ; когда онъ немного успокоился, Карменъ встала и, взявъ его за руку, сказала ему:

— Пойдемъ, наша хижина недалеко отсюда. Поспѣшимъ, иначе Мигуэль воротится и будетъ безпокоиться, не найдя меня дома. Пойдемъ же скорѣй!

— Пойдемъ, — отвѣчалъ юноша, и они поспѣшно встали; черезъ десять минутъ они достигли хижины, выстроенной изъ сухихъ вѣтокъ, которую въ той странѣ называютъ „jacal“. Это жалкое жилище, раздѣлявшееся на двѣ части, было внутри чисто прибрано; во всемъ было замѣтно присутствіе женщины.

— Входи, Хуанито, — сказала дѣвочка. — Это нашъ домъ!—и она добавила съ улыбкой гордости:

— Вѣдь я сама веду хозяйство!

Кабраль привязалъ лошадь къ дереву и вошелъ въ домъ.

Глава IV.

Магнолія.

Не прошло и четверти часа, какъ Хуанъ Кабраль находился въ хижинѣ, вдругъ снаружи раздался молодой, веселый голосъ, кричавшій:

— Я такъ и зналъ, что онъ отыщетъ насъ!—и при этихъ словахъ въ комнату вошелъ красивый, семнадцатилѣтній юноша съ ружьемъ на плечѣ, съ энергичнымъ выраженіемъ умнаго, привѣтливаго лица.

— Хуанъ, я ждалъ тебя!—сказалъ онъ.

— Вотъ я и пришелъ, Мигуэль! — просто отвѣчалъ тотъ. Юноши крѣпко обнялись.

— Да,—вмѣшалась Карменъ,—онъ вернулся, мой милый, названный братецъ, и тотчасъ спасъ мнѣ жизнь.

— Спасъ тебѣ жизнь, сестренка? — съ волненіемъ спросилъ Мигуэль.

— Да! Развѣ ты не видѣлъ невдалекѣ отсюда мертваго ягуара?

— Дѣйствительно, я слышалъ выстрѣлъ, пошелъ на него и наткнулся на роскошнаго ягуара. Дивное животное!

— Да, это дивное животное преспокойно бы меня съѣло, еслибъ не подоспѣлъ Хуанъ, такъ какъ я потеряла отъ страха сознаніе.

— Спасибо, Хуанито!—проговорилъ Мигуэль, крѣпко пожимая руку своего молочнаго брата.

Когда, наконецъ, прошло первое радостное волненіе, Кабраль попросилъ разсказать ему все, что произошло съ тѣхъ поръ, когда по приказанію генерала онъ покинулъ маленькій отрядъ и отправился въ миссію. Мигуэль немедленно исполнилъ его желаніе; разсказъ его былъ коротокъ, но печаленъ.

Оказалось, что маленькій отрядъ заблудился въ степяхъ; въ продолженіе нѣсколькихъ дней мексиканцы блуждали наудачу, стараясь найти дорогу, но все было напрасно. Во время этихъ поисковъ генералъ слишкомъ удалился отъ своихъ спутниковъ и попалъ въ какую то узкую долину, настолько скрытую холмами, что открыть ее можно было только случайно. По долинѣ протекалъ небольшой ручеекъ, ниспадавшій съ вершины довольно большой возвышенности. Очутившись въ этой долинѣ, генералъ былъ ослѣпленъ: вокругъ него, подъ ногами лошади, въ руслѣ ручья, вездѣ блестѣло золото.

Это былъ одинъ изъ тѣхъ богатѣйшихъ пріисковъ, которые часто встрѣчались въ глубинѣ мексиканскихъ пустынь.

Генералъ задрожалъ отъ волненія при видѣ такихъ громадныхъ богатствъ. Ему снова являлась возможность нажить состояніе и обезпечить своихъ дѣтей. Набросавъ планъ мѣстности и захвативъ съ собой немного золота, онъ покинулъ долину и присоединился къ остальнымъ спутникамъ, которыхъ начинало уже волновать его долгое отсутствіе.

Дня черезъ два послѣ этого происшествія, когда маленькій караванъ расположился на ночлегъ, къ генералу явился какой-то незнакомецъ.

Это былъ мексиканскій искатель золота, гамбусино; назвалъ онъ себя Петромъ Омнесъ. Генералъ отнесся къ нему дружелюбно и узнавъ, что онъ хорошо знаетъ всю мѣстность, предложилъ ему быть проводникомъ и довести ихъ до Sainte-Marie; такъ называлось мѣсто, куда направлялись наши путешественники. Петръ Омнесъ

охотно согласился,—и на слѣдующій день отрядъ двинулся далѣе въ путь.

Этотъ хитрый плутъ такъ сумѣлъ вкрасться въ довѣріе генерала, что дня черезъ два или три тотъ открылъ ему свою тайну и показалъ золото, но впослѣдствіи онъ дорого поплатился за свою легкомысленную довѣрчивость.

Петръ Омнесъ былъ самый отъявленный бандитъ; видъ золота пробудилъ его алчность и онъ рѣшилъ, во что-бы то ни стало, овладѣть этими богатствами. Къ несчастью, генералъ открылъ ему свою тайну не вполнѣ: онъ забылъ указать мѣстность, гдѣ находилась долина, и когда разбойникъ попробовалъ выпытать это у него, раскаяніе въ своей болтливости пробудилось въ душѣ генерала, и онъ искусно перевелъ разговоръ на другую тему. Напрасно Петръ Омнесъ употреблялъ всевозможныя усилія, чтобы добиться желаемаго; его труды пропали даромъ. Но онъ не упалъ отъ этого духомъ и задумалъ новый планъ, который скрывалъ съ хитростью, характеризующей истаго индѣйца.

Обдумавъ все, какъ слѣдуетъ, Омнесъ началъ приводить свой планъ въ исполненіе, не смущаясь угрызеніями совѣсти. Онъ вздумалъ воспользоваться для этой цѣли помощью разбойничьяго индѣйскаго племени Апаховъ, кочевавшихъ не далеко отъ той дороги, по которой подвигался маленькій караванъ генерала и его спадвижниковъ.

Однажды вечеромъ, когда наши путники, утомленные путешествіемъ, расположились на ночлегъ и крѣпко заснули, Омнесъ незамѣтно ускользнулъ и пробрался въ лагерь Апаховъ, гдѣ былъ принятъ криками радости; здѣсь онъ заключилъ съ разбойниками условіе, по которому они должны были помочь ему. Нападеніе произошло въ ту-же ночь и, такъ какъ оно было совершенно неожиданно для мексиканцевъ, то тѣ даже не могли приготовиться къ защитѣ. Первой жертвой, павшей отъ

выстрѣловъ Апаховъ, была жена генерала. Послѣдния ея слова, обращенныя къ мужу, были:

— Спаси дѣтей!

Отчаяніе придало силы генералу и, забывъ свою тяжелую рану, онъ продолжалъ сражаться, какъ левъ, чтобы спасти отъ поруганія тѣло горячолюбимой жены. Врядъ-ли ему-бы это удалось, если-бъ на помощь не подоспѣли Мигуэль и Карменъ. Любовь къ дорогой усопшей заставила ихъ забыть опасность и они бросились въ середину непріятеля, схватили трупъ матери и скрыли его въ чащѣ такъ искусно, что индѣйцы не могли найти его.

— Останься здѣсь, около матери,—сказалъ Мигуэль сестрѣ,—я-же постараюсь спасти отца!—и съ этими словами онъ бросился обратно къ сражающимся.

Богъ, видимо, хранилъ отважнаго юношу и помогъ ему найти отца подъ грудой труповъ. Генералъ, не смотря на то, что былъ весь покрытъ ранами, еще дышалъ. Собравшись съ послѣдними силами, онъ обратился къ сыну съ слѣдующими словами:

— Я умираю! — отъ тебя, Мигуэль, зависитъ облегчить мои послѣднія минуты!

— Говорите, отецъ! Я исполню все, что вы желаете!

— Ты еще очень молодъ, мой сынъ, но Провидѣніе посылаетъ тебѣ тяжелое испытаніе. Ты остаешься одинокимъ въ пустынѣ, безъ надежды на какую-либо помощь. Будь же твердъ и помни — что ты глава нашей семьи, и долженъ замѣнить своей сестрѣ отца.

— Клянусь, что я исполню это!—съ рыданьями воскликнулъ юноша.

— Слушай-же дальше,—проговорилъ умирающій, голосъ котораго все болѣе и болѣе слабѣлъ;—возьми на моей груди бумагу; это планъ золотоносной долины; въ этомъ все ваше будущее, но, смотри, не говори никому объ этой тайнѣ; моя неосторожная болтливость погубила всѣхъ насъ. Не уходи съ этого мѣста, жди возвращенія

своего молочнаго брата Хуана Кабраль. Онъ, навѣрно, отправится васъ разыскивать. А теперь прощайте! Благословляю васъ! Смерть приближается—Господь призываетъ меня...

Съ этими словами умирающій испустилъ тяжелый вздохъ; глаза его закатились...

Онъ былъ мертвъ!

Мигуэль въ точности исполнилъ послѣднюю волю отца, проявивъ по отношенію къ сестрѣ самыя нѣжныя, полныя самоотверженія заботы. Прибытіе Кабраля было для брата и сестры большой радостью; они послѣдовали за нимъ въ миссію Св. Маріи, гдѣ отецъ Себастіанъ принялъ ихъ съ горячей люборью.

Между тѣмъ Мотасвете Омнесъ продолжалъ упорно преслѣдовать свою цѣль обогащенія.

Нѣсколько разъ онъ пытался похитить Карменъ, надѣясь заставить этимъ Мигуэля выдать ему тайну мѣсторожденія золота, но всѣ эти попытки оканчивались неудачно. Зная также привязанность Хуана Кабраль къ сиротамъ, онъ покушался нѣсколько разъ убить его, но падре Себастіанъ заботливо охранялъ своихъ пріемныхъ дѣтей, а послѣдній разъ—судьбѣ было угодно, чтобы я помогъ задержать злодѣя.

Когда мы приближались къ миссіи, падрэ Себастіанъ оканчивалъ свой печальный разсказъ; онъ былъ грустенъ, точно какое-то тяжелое предчувствіе давило ему сердце.

Напрасно старался я ободрить его разными банальными утѣшеніями; онъ слушалъ меня разсѣянно.

Мы были уже въ виду миссіи, какъ вдругъ, пеоны бросились съ криками впередъ; въ первую минуту мы не могли разобрать въ чемъ дѣло, но вскорѣ все объяснилось: миссія горѣла; густой дымъ и языки пламени поднимались надъ строеніями.

Я погналъ впередъ свою лошадь, но, когда подъѣхалъ къ миссіи, часть индѣйцевъ уже тушила пожаръ;

остальные съ отчаянной храбростью сражались съ толпой всадниковъ съ зловѣщими лицами, которые, по всей вѣроятности, были виновниками пожара. Среди нихъ находился тотъ самый человѣкъ, которому отецъ Себастіанъ два часа тому назадъ такъ великодушно спасъ жизнь. Поперекъ его сѣдла лежалъ крѣпко связанный по рукамъ и ногамъ юноша; это былъ Мигуэль.

Бандитъ гарцовалъ среди толпы и осыпалъ презрительными насмѣшками пеоновъ, старавшихся вырвать у него его добычу.

Вдругъ толпа разступилась, пропуская впередъ блѣдную дѣвочку, съ распустившимися волосами и тяжелымъ топоромъ въ рукѣ!

— Отдай мнѣ брата!—закричала она пронзительнымъ голосомъ!

— Твоего брата!—зло засмѣялся Омнесъ; — Онъ въ моей власти; никто не отниметъ его у меня!

Въ ту-же минуту къ разбойнику подскочилъ Хуанъ Кабраль. Съ дикимъ ревомъ, похожимъ на ревъ тигра, бандитъ замахнулся на него своимъ тяжелымъ ружьемъ.

Не помня себя отъ негодованія, я схватилъ ружье и выстрѣлилъ; когда дымъ разсѣялся, Омнесъ лежалъ на землѣ; онъ былъ раненъ, и десятки рукъ тянулись схватить негодяя, такъ что отецъ Себастіанъ не успѣлъ вмѣшаться, чтобы спасти его.

Не прошло и минуты, какъ онъ уже кочался въ конвульсіяхъ на верхушкѣ роскошной манголіи, росшей передъ миссіей.

Донъ Мигуэль, освобожденный отъ своихъ путъ, и его сестра стояли на колѣняхъ около Хуана Кабраля, который лежалъ на землѣ съ пробитымъ черепомъ.

Я провелъ три мѣсяца у отца Себастіана.

Воспоминаніе объ этихъ мирныхъ, счастливыхъ дняхъ навсегда останется въ моей памяти.

*

. . . .

. . . .

. . . .

Черезъ четыре года послѣ описанныхъ событій я встрѣтилъ въ Мексикѣ дона Мигуэля де-Финьероа. Его сестра вышла замужъ за Хуана Кабраль. Всѣ трое поселились въ столицѣ послѣ смерти отца Себастіана, который мирно скончался у нихъ на рукахъ.

Благодаря золотымъ розсыпямъ, найденнымъ генераломъ, семья Финьероа сдѣлалась богаче, чѣмъ когда-либо; но она не хотѣла больше вмѣшиваться въ политику и рѣшила покинуть Америку и переселиться въ Испанію.

Когда нибудь впослѣдствіи я разскажу, что произошло съ ней въ Европѣ, теперь же останавливаюсь: мой разсказъ и безъ того слишкомъ длиненъ. Я закончу его поговоркой испанскихъ писателей:

„Простите автору его ошибки и не упрекайте въ недостаткѣ памяти“!

Онъ постарается исправиться!

Конецъ.

МЕКСИКАНСКІЙ БАНДИТЪ.

Глава I.

Мексика принадлежитъ къ числу самыхъ необычайныхъ странъ въ свѣтѣ. По сравненіи съ тѣми чудесами, которыя здѣсь творятся, сама „Тысяча и одна ночь“, изумительная по роскоши своей восточной фантазіи, кажется блѣдной и сухой прозой.

Въ этой необыкновенной странѣ невѣроятное оказывается вѣроятнымъ, а невозможное—возможнымъ. Жизнь льется здѣсь шумной, кипучей волной; она полна всевозможныхъ волненій и неожиданностей, которыя сдѣлались органической потребностью для пламеннаго мексиканскаго населенія.

Однимъ словомъ, Мексика ускользаетъ отъ всякаго анализа и на долгое время, вѣроятно, останется неразгаданнымъ сфинксомъ.

Сѣверо-Американцы давно жадно стремятся къ обладанію этой страной, но каждый разъ, когда имъ удается посѣтить ее, они испытываютъ какой-то инстинктивный ужасъ; несмотря на свою ненасытную жажду къ завоеваніямъ, они какъ будто предчувствуютъ, что завоеваніе Мексики поведетъ къ паденію ихъ могущества.

Даже вліяніе французовъ, которое такъ сильно ска-

зывается вездѣ, гдѣ они побывали, коснулось здѣсь только внѣшней стороны жизни, ничуть не затронувъ ея сущности.

Да и что можно подѣлать въ странѣ, гдѣ добродѣтель—миѳъ, а преступленіе и порокъ пользуются всѣми правами гражданства?!

Итальянскіе и греческіе бандиты кажутся дѣтьми въ сравненіи съ мексиканскими; они покраснѣли-бы отъ зависти и стыда за себя, если-бы узнали о подвигахъ своихъ американскихъ собратьевъ, которые пользуются безграничнымъ могуществомъ.

Въ Мексикѣ разбойничество возведено на степень государственнаго учрежденія и во многихъ случаяхъ бандиты, бывшіе на дружеской ногѣ съ самимъ президентомъ республики, заставляли его поступать согласно ихъ желанію.

По поводу этого и подъ вліяніемъ произведенныхъ недавно въ Греціи дерзкихъ разбоевъ, у меня въ памяти возникаетъ одинъ страшный эпизодъ, происшедшій двадцать пять лѣтъ тому назадъ, который я и намѣренъ разсказать здѣсь.

Въ то время мнѣ только что исполнилось двадцать пять лѣтъ. Проведя нѣсколько лѣтъ въ пустынныхъ мѣстностяхъ Синалоа и Соноры, я началъ тяготиться дикой охотничью жизнью и мнѣ пришло въ голову насладиться всѣми удобствами цивилизованной жизни и отправиться съ этой цѣлью въ столицу Мексики.

Состояніе у меня было хорошее и, не долго думая, я перевелъ свое золото на одинъ изъ первыхъ банкирскихъ домовъ, запасся цѣлой коллекціей рекомендательныхъ писемъ и отправился въ путь дорогу верхомъ. Мое путешествіе продолжалось около двухъ мѣсяцевъ, но, несмотря на то, что мнѣ пришлось проѣзжать по самымъ глухимъ провинціямъ, пользующимся весьма дурной славой, я избѣгъ всякихъ приключеній и въ

одно прекрасное майское утро счастливо прибылъ въ самую Мексику.

Первый визитъ мой по пріѣздѣ былъ, естественно, къ моему банкиру.

Запасшись у него порядочной суммой денегъ, я вступилъ въ разговоръ съ однимъ изъ служащихъ въ конторѣ, который мнѣ очень понравился своей любезностью и предупредительностью. Повидимому, онъ зналъ въ городѣ всѣхъ, а потому я вытащилъ свои письма и, стараясь изобразить на лицѣ самую привѣтливую улыбку, обратился къ нему съ слѣдующими словами:

— Простите, милостивый государь, что я беру на себя смѣлость прибѣгнуть къ вамъ за нѣкоторыми необходимыми для меня свѣдѣніями.

— Въ чемъ дѣло, милостивый государь? Я очень радъ быть вамъ полезнымъ!—услужливо возразилъ служащій.

— Дѣло въ томъ, что я настоящій дикарь и впервые попалъ въ большой городъ. Сознаюсь, что видъ этихъ чудесныхъ улицъ, памятниковъ, великолѣпныхъ экипажей такъ на меня подѣйствовалъ, что я точно во снѣ.

— Ну, какъ только вы ко всѣму ближе приглядитесь, то ваше удивленіе совершенно изчезнетъ,—смѣясь проговорилъ молодой чловѣкъ.—Къ Мексикѣ, какъ нельзя лучше, относится пословица, что „не все то золото, что блеститъ". То, что васъ сегодня удивляетъ, покажется вамъ черезъ нѣсколько дней самымъ обыкновеннымъ!

— Давай Богъ! Однако я не хочу злоупотреблять вашимъ временемъ, а потому приступаю къ дѣлу! Не скрою отъ васъ, что, во первыхъ, меня очень безпокоитъ, гдѣ найти квартиру?

— Ну, это пустяки!

— Затѣмъ, — проговорилъ я, раскладывая на столѣ рекомендательныя письма,—видите, я привезъ съ собой

цѣлую корреспонденцію, но не знаю хорошенько, что мнѣ съ ней дѣлать!

— А, у васъ рекомендательныя письма! Что-же вы сразу не сказали? Въ такомъ случаѣ вамъ нечего безпокоиться о квартирѣ!

— Какъ такъ?

— Очень просто! У насъ, въ Мексикѣ, гостепріимство—законъ. Да, вотъ,—чего-же лучше: я вижу, у васъ на этомъ письмѣ адресъ: „Сеньору дону Діего Паласіозъ отъ его друга дона Антоніо Діацъ“.

— Ну, такъ что-же?

— Донъ Діего Паласіозъ—одинъ изъ нашихъ самыхъ уважаемыхъ старыхъ офицеровъ. Онъ въ отставкѣ, у него безупречная репутація, громадное состояніе, прекрасная семья и онъ приметъ васъ къ себѣ съ распростертыми объятіями.

— Вы думаете, что онъ меня приметъ?

— Вполнѣ увѣренъ; а если вамъ удалось когда-нибудь оказать услугу дону Антоніо, то вы будете первымъ человѣкомъ въ домѣ.

— Я спасъ ему жизнь!

— Великолѣпно! Тогда и говорить нечего! Отправляйтесь прямо къ дону Діего и увидите, какъ онъ васъ приметъ!

— Однако, вы меня заинтриговали: я непремѣнно послѣдую вашему совѣту, чтобы убѣдиться лично, что такое, въ дѣйствительности, это хваленое мексиканское гостепріимство!

— И прекрасно сдѣлаете, тѣмъ болѣе, что такимъ образомъ, благодаря связямъ дона Діего, для васъ будутъ открыты двери всѣхъ лучшихъ домовъ. Его сынъ, донъ Хуанъ Паласіозъ, личный секретарь президента, который его очень любитъ, а потому донъ Хуанъ пользуется въ нашемъ обществѣ большимъ значеніемъ.

— Ну, это мнѣ все равно! У меня нѣтъ честолюбія!

— Возможно! Но зато, у васъ есть глаза!

— И даже очень хорошiе!

— Въ такомъ случаѣ,—смѣясь воскликнулъ мой новый знакомый,—они вамъ очень пригодятся, такъ какъ у дона Хуана — красавица сестра — донна Инкарнасiона. Ей всего 17 лѣтъ, но ея необыкновенная красота уже давно служитъ предметомъ всеобщаго вниманiя въ городѣ.

— О, о,—воскликнулъ я.—А далеко отсюда живетъ донъ Дiего Паласiозъ?

— О, нѣтъ! живетъ въ улицѣ Такуда, въ двухъ шагахъ отсюда. Вамъ всякiй укажетъ его домъ.

— Очень вамъ благодаренъ за ваши драгоцѣнныя свѣдѣнiя!—проговорилъ я, берясь за шляпу и пряча въ карманъ свои письма.

— Вы отправляетесь къ дону Дiего Папасiозъ?—смѣясь спросилъ мой собѣсѣдникъ.

— Безъ сомнѣнiя! Послѣ всего, что вы мнѣ разсказали, надо быть сумасшедшимъ, чтобы не послѣдовать вашему совѣту.

— Всего хорошаго, донъ Густаво,—сказалъ онъ, пожимая мнѣ руку. — Не полѣнитесь придти разсказать мнѣ, какъ васъ примутъ.

— Непременно!—возразилъ я, и на этомъ мы разстались. Я снова сѣлъ верхомъ и отправился въ путь, который, на этотъ разъ, былъ очень коротокъ: черезъ пять минутъ я остановился у дверей дома дона Дiего Паласiозъ. При первомъ моемъ ударѣ молоткомъ, дверь отворилась и пеонъ опрятно одѣтый (что въ Мексикѣ большая рѣдкость) вѣжливо спросилъ, что мнѣ нужно.

Я отвѣчалъ, что имѣю личное дѣло къ дону Дiего и желаю его видѣть.

Послѣ этого пеонъ пропустилъ меня въ „zaguan" (сѣни) и помогъ слѣзть съ лошади.

Пройдя нѣсколько роскошно меблированныхъ комнатъ, пеонъ остановился и попросилъ сказать мое имя.

— Это безполезно,—возразилъ я,—такъ какъ вашъ господинъ меня не знаетъ. Доложите просто, что ино-

странецъ, прибывшій изъ Синалоа, желаетъ передать дону Діего письмо отъ его друга дона Антоніо Діацъ.

— Будьте добры присѣсть, кабалеро! — проговорилъ пеонъ съ поклономъ; съ этими словами онъ удалился, оставивъ меня одного въ залѣ. Но я недолго оставался одинъ; не прошло и трехъ минутъ, какъ дверь быстро распахнулась и ко мнѣ приблизился старикъ лѣтъ пятидесяти пяти; высокаго роста съ изящными, тонкими чертами лица, съ добродушной улыбкой, онъ производилъ въ высшей степени симпатическое впечатлѣніе.

— Я донъ Діего Паласіозъ,—проговорилъ онъ;—располагайте мной и скажите, чѣмъ я могу быть вамъ полезнымъ?

Чистосердіе, съ которыми были произнесены эти слова сразу заставили меня повѣрить, что это не простая, банальная любезность. Я пожалъ протянутую мнѣ руку и вмѣсто отвѣта подалъ письмо дона Антоніо.

Извинившись, донъ Діего распечаталъ его и быстро пробѣжалъ глазами.

— Сеньоръ,—черезъ секунду проговорилъ онъ, смотря на меня добрыми, ласковыми глазами.—Это письмо совершенно излишне; вашего имени достаточно, для того чтобы быть съ радостью принятымъ въ моемъ домѣ, гдѣ всѣ ежедневно заочно знакомы съ вами. Донъ Антоніо очень часто упоминалъ о васъ въ своихъ письмахъ и разсказалъ про ту громадную услугу, какую вы ему оказали.

Я изъ скромности что-то пробормоталъ, но донъ Діего перебилъ меня.

— Давно-ли вы въ Мексикѣ?—спросилъ онъ.

— Только часъ.

— Дозвольте узнать, гдѣ-же вы остановились.

— Пока нигдѣ. Мой первый визитъ былъ къ вамъ.

— Вотъ, это прекрасно! — воскликнулъ донъ Діего съ живѣйшею радостью.—Въ такомъ случаѣ вы — мой плѣнникъ и я васъ отсюда не выпущу!

— О!—въ смущеніи пробормоталъ я.

— Всякое противорѣчіе безполезно, сеньоръ,—смѣясь возразилъ онъ;—вы—въ моей власти. Будьте же здѣсь какъ дома, и распоряжайтесь всѣмъ, какъ хотите.

Недожидаясь, моего отвѣта, онъ схватилъ меня за руку и, не давъ времени на размышленіе, повлекъ въ сосѣднее зало, гдѣ находились три новыхъ личности: молодой человѣкъ, лѣтъ 26—28, одѣтый въ блѣстящій военный мундиръ, молоденькая семнадцатилѣтняя дѣвушка рѣдкой красоты и пожилая красивая дама. Это была семья дона Діего: его жена — донна Мануэла Паласіозъ, и двое его дѣтей: донъ Хуанъ и донна Инкарнасіона.

Радушный пріемъ, оказанный мнѣ всѣми членами семьи, вполнѣ подтвердилъ слова самого хозяина. Видимо, заочно всѣ были хорошо знакомы со мной и мнѣ ничего не оставалось, какъ съ благодарностью согласиться на любезное приглашеніе дона Діего.

Съ этого времени я поселился у него въ домѣ и сдѣлался членомъ семьи.

— Вы какъ разъ во время пріѣхали,— обратился ко мнѣ донъ Діего. — Теперь 11 часовъ и мы только что собирались сѣсть за столъ; надѣюсь, что вы не завтракали?

— Нѣтъ!—со смѣхомъ подтвердилъ я.—Съ четырехъ часовъ утра я скакалъ черезъ горы и долы, чтобы скорѣе добраться сюда, и ничего не ѣлъ.

— Тѣмъ лучше, — потирая отъ удовольствія руки, проговорилъ мой хозяинъ.—Вы отдадите честь нашему завтраку!

Все, только что описанное, произошло съ такой быстротой, что я не успѣлъ опомниться, и только, очутившись въ отведенной для меня комнатѣ, куда удалился послѣ завтрака для отдыха, нѣсколько привелъ въ порядокъ свои мысли. Вся семья внушала мнѣ живѣйшую симпатію, за исключеніемъ дона Хуана. Самъ донъ

Діего и его жена служили для меня олицетвореніемъ доброты и правдивости; что же касается доньи Инкарнасіоны, то, не будь я въ тѣ времена такимъ ненавистникомъ брака, я влюбился бы въ нее безумно. Одинъ донъ Хуанъ, какъ я уже сказалъ, несмотря на то, что былъ очень хорошъ собой, почему-то сразу внушилъ мнѣ непріязненное чувство.

Взглядъ его, какой-то скользящій, былъ совершенно неуловимъ, глубокая складка залегла между бровями и около рта, придавая его лицу, когда онъ улыбался, выраженіе мрачности и жестокости.

Напрасно старался я преодолѣть свою инстиктивную антипатію: мнѣ это не удавалось. Впрочемъ, я замѣтилъ, несмотря на всевозможныя проявленія дружескаго расположенія ко мнѣ со стороны дона Хуана, что я также не внушалъ ему симпатіи. Видимо, наши натуры были слишкомъ различны и мы никогда не могли сдѣлаться друзьями. Когда я спустился къ обѣду, дона Хуана не было въ залѣ; на его мѣстѣ сидѣлъ молодой человѣкъ, по имени донъ Люисъ Гальвецъ.

Съ перваго же взгляда я убѣдился, что донъ Гальвецъ любитъ донну Инкарнасіону и настойчиво за ней ухаживаетъ. Что же касается самой молодой дѣвушки, то нельзя было разгадать, какъ она относится къ этому ухаживанью; но трудно было себѣ представить болѣе подходящую парочку, которая бы полнѣе соединяла въ себѣ всѣ физическія и нравственныя условія счастья.

Дону Люису Гальвецъ было 26 лѣтъ; онъ принадлежалъ къ одной изъ лучшихъ мексиканскихъ фамилій, обладалъ хорошимъ состояніемъ и безупречнымъ именемъ.

Впослѣдствіи я узналъ, что онъ предназначалъ себя къ дипломатической карьерѣ и даже, говорятъ, одно время возникъ вопросъ о причисленіи его къ генеральному консульству въ Англіи (назначеніе въ высшей степени почетное), но къ этому онъ отнесся вполнѣ

равнодушно, предпочитая остаться въ Мексикѣ. Причину этого онъ не объяснилъ, но ее легко было отгадать по его пламеннымъ взглядамъ, обращеннымъ къ доннѣ Инкарнасіонѣ.

Между тѣмъ обѣдъ нашъ былъ очень веселъ, мы всѣ оживленно бесѣдовали, какъ вдругъ отчаянные крики слугъ привлекли наше вниманіе.

Въ первую минуту донъ Діего не придалъ этому особеннаго значенія и мы продолжали обѣдать, но такъ какъ крики все усиливались и усиливались и подъ нашими окнами собрались цѣлыя толпы народа, то всѣ встали изъ-за стола, чтобы узнать причину всеобщаго смятенія. Мы скоро узнали ее и разсказъ о всемъ происшедшемъ поразилъ всѣхъ насъ невыразимымъ ужасомъ.

Улица Такуба составляетъ одну изъ главныхъ артерій Мексико и находится въ самомъ элегантномъ кварталѣ, населенномъ преимущественно богатыми людьми.

Какъ разъ противъ дома дона Діего Паласіозъ находится клубъ, называемый Англійскимъ, верхній этажъ котораго занятъ квартирой Ганноверскаго консула.

Около четырехъ часовъ вечера этого дня, съ площади Майоръ бъ улицу Такуба въ ѣхала коляска, запряженная парой великолѣпныхъ лошадей; въ ней сидѣли три доминиканскихъ монаха. Коляски остановилась у дверей клуба, гдѣ въ то время было человѣкъ тридцать изъ лучшаго мексиканскаго общества, игравшихъ въ „monte", лансхнехтъ и другія игры.

Монахи вышли изъ коляски и, пройдя мимо дверей клуба, поднялись вверхъ по лѣстницѣ въ квартиру консула, гдѣ на ихъ стукъ тотчасъ открыли дверь. Они пробыли тамъ немногимъ болѣе получаса, причемъ не было слышно ни малѣйшаго подозрительнаго шума, и затѣмъ, спустились внизъ. усѣлись снова въ коляску, которая исчезла вмѣстѣ съ ними такъ-же быстро, какъ появилась.

Но не прошло и десяти минутъ послѣ ихъ отъѣзда, какъ въ клубѣ поднялся страшный переполохъ: густыя капли крови, просочившіяся черезъ потолокъ, закапали вдругъ зловѣщимъ дождемъ на игорные столы. Всѣ присутствующіе были охвачены ужасомъ; большинство съ крикомъ бросилось на улицу, болѣе-же храбрые поднялись по лѣстницѣ въ квартиру консула. Когда они вошли въ нее, глазамъ ихъ представилось потрясающее зрѣлище; на полу, въ цѣломъ морѣ крови, плавало пять труповъ: самъ консулъ, его жена, восьмилѣтній сынъ и двое слугъ. У нихъ не только были перерѣзаны горла, а въ сердцѣ у каждаго еще торчало по кинжалу. Безпорядокъ въ комнатѣ свидѣтельствовалъ, что единственнымъ мотивомъ преступленія былъ грабежъ; наканунѣ этого дня консулъ получилъ отъ различныхъ мексиканскихъ коммерсантовъ до 150.000 піастровъ золотомъ, которые онъ долженъ былъ переслать въ Европу; все это исчезло.

Въ то время, какъ мы толковали о всемъ происшедшемъ, въ залу вошелъ Хуанъ Паласіозъ. Онъ былъ страшно блѣденъ, все лицо его судорожно подергивалось, но никто не обратилъ вниманія, кромѣ меня, на его нервное состояніе.

— Не правда-ли это ужасно?—спросилъ я, пристально смотря на него.

— Да, дѣйствительно, ужасно! — проговорилъ онъ, поблѣднѣвъ еще болѣе и, рѣзко повернувшисъ, вышелъ изъ комнаты.

— Бѣдный Хуанито! — прошептала донна Инкорнасіона, глядя вслѣдъ брату,—это происшествіе ужасно разстроило его.

— Еще-бы, это вполнѣ понятно,— съ живостью подхватилъ донъ Люисъ;—вотъ уже четыре года, какъ онъ вмѣстѣ съ Президентомъ старается возстановить спокойствіе въ странѣ и открыть преступниковъ, и ему не удается это.

— Да, это и никогда не удастся, — вмѣшался донъ Діего!—это новый подвигъ таинственныхъ злодѣевъ, которые, видимо, заключили союзъ съ самимъ дьяволомъ.

Грустныя мысли тѣснились у меня въ головѣ, когда я поднимался въ свою комнату; открывъ окно, я невольно задумался.

Все случившееся казалось мнѣ очень подозрительнымъ; почему эти таинственные злодѣи остаются нерозысканными? Можетъ быть, ихъ боятся отыскать въ слишкомъ высокихъ сферахъ?!

И я погрузился въ грустныя размышленія.

Глава II.

Въ двадцати или двадцати пяти километрахъ отъ Мексико находится маленькій городокъ, или вѣрнѣе большое селеніе, вполнѣ похожее, по своему типу, на прочія мѣстечки республики; населеніе истощено нуждой, дома въ развалинахъ, улицы грязныя и узкія; торговли и промышленности и въ поминѣ нѣтъ. Но несмотря на такой упадокъ, въ извѣстный періодъ года, городокъ пробуждается, стряхиваетъ съ себя оцѣпенѣніе и дѣлается шумнѣе и оживленнѣе самой столицы. Это пробужденіе, продолжающееся всего десять дней, совершается ежегодно къ празднику Святого Августина, покровителя города.

Къ этому дню со всѣхъ концовъ республики отправляются всѣ, кто только можетъ, и богатые, и бѣдные, такъ что населеніе этого маленькаго городка сразу возрастаетъ съ четырехъ тысячъ до восьмидесяти и даже до ста. Цѣны на комнаты и провизію дѣлаются положительно бѣшеными, ввиду чего большинство пріѣзжихъ привозитъ съ собой все необходимое и располагается жить въ палаткахъ или даже просто въ экипажахъ, гдѣ они и ѣдятъ, и спятъ, и даже принимаютъ гостей.

Впродолженіи всѣхъ десяти дней городъ представляетъ какъ-бы одинъ громадный клубъ; на площадяхъ, улицахъ, даже въ переулкахъ разставляются игорные столы, вокругъ которыхъ днемъ и ночью тѣснятся тысячи игроковъ.

Ни одинъ народъ не отличается такой страстью къ игрѣ, какъ мексиканцы; они любятъ игру не изъ корысти и жадности, а просто ради тѣхъ сильныхъ ощущеній, которыя она даетъ имъ; они ставятъ на карту свое состояніе, положеніе и даже честь, и поминутно переходятъ отъ безграничнаго отчаянія къ самой безумной радости, причемъ ни однимъ движеніемъ не выдаютъ окружающимъ своихъ чувствъ. Мексиканецъ слѣдитъ за игрой съ полнымъ равнодушіемъ и спокойствіемъ, лѣниво покуривая дорогую папироску, и когда крупье открываетъ роковую карту, рѣшающую его судьбу, онъ самымъ невозмутимымъ тономъ провозглашаетъ свой выигрышъ или проигрышъ. Въ первомъ случаѣ, онъ не торопясь забираетъ съ игорнаго стола свое золото; въ случаѣ же полнаго проигрыша удаляется медленными шагами, процѣдивъ сквозь зубы подозрительное „Peuh“!

Черезъ нѣсколько дней послѣ ужаснаго преступленія, повергнувшаго въ ужасъ весь городъ, донъ Діего объявилъ, что приближается праздникъ Св. Августина, и предложилъ мнѣ отправиться туда вмѣстѣ со всей его семьей. Но, не смотря на то,что этотъ праздникъ очень интересовалъ меня, какое-то странное, мнѣ самому непонятное упрямство заставило меня отказаться отъ предложенія дона Діего подъ предлогомъ разныхъ важныхъ дѣлъ, удерживавшихъ меня въ столицѣ. Мой любезный хозяинъ продолжалъ уговаривать меня, стараясь соблазнить разсказами объ ожидавшемъ меня весельѣ, но я остался непоколебимымъ и на другой день послѣ этого разговора донъ Діего, донна Мануэла и донна Инкарнаціона отправились въ путь въ сопровожденіи четырехъ вооруженныхъ пеоновъ.

Донъ Хуанъ не могъ отправиться вмѣстѣ съ ними, такъ какъ его удерживали обязанности секретаря президента, но обѣщалъ вскорѣ къ нимъ присоединиться. Президентомъ республики былъ въ то время,

насколько помнится, генералъ Комонфоръ, тотъ самый Комонфоръ, который впослѣдствіи выступилъ съ четырьмя тысячами человѣкъ противъ французскаго генерала Безена, осаждавшаго Пуэблу, и потерпѣлъ отъ него полное пораженіе.

Комонфоръ былъ большой оригиналъ; про него ходили самые странные и смѣшные анекдоты; особенно про его вступленіе на военное поприще существовалъ очень интересный разсказъ, который я передамъ здѣсь вкратцѣ, не ручаясь, конечно, за его достовѣрность.

Отецъ Комонфора былъ военный портной; однажды онъ поручилъ своему сыну, которому было уже 26 лѣтъ, отнести парадный мундиръ одному полковнику. Молодой Комонфоръ тотчасъ отправился исполнять это порученіе, заставивъ нести мундиръ одного изъ пеоновъ.

Выйдя на улицу, онъ замѣтилъ странное волненіе; дѣло было въ томъ, что мексиканцамъ надоѣло трехмѣсячное затишье и они рѣшили немного развлечься маленькой революціей противъ тогдашняго президента генерала Бустаменте.

Но, вслѣдствіе-ли недостатка энергіи со стороны мятежниковъ, или, можетъ быть, планы ихъ заранѣе были открыты президенту, но только Комонфоръ замѣтилъ, что дѣло ихъ проиграно, такъ какъ большая часть войскъ, остававшаяся вѣрной старому правительству, употребляла всѣ усилія, чтобы подавить мятежъ.

Тогда мгновенно безумная идея, способная придти въ голову только мексиканцу, промелькнула въ головѣ молодого портного.

Выхвативъ изъ рукъ слуги мундиръ, онъ вбѣжалъ въ попавшейся на дорогѣ домишко одного „evangelista“, т. е. журналиста, въ одинъ мигъ сбросилъ свое платье и одѣлъ военную форму, которая случайно пришлась ему совершенно впору; выхватилъ шпагу и, размахивая ею онъ бросился на улицу съ крикомъ:

— Долой Бустаменте! Да здравствуетъ республика!

Это вмѣшательство подѣйствовало на толпу, какъ электрическій ударъ; возставшіе сразу пріободрились, бросились впередъ, оттѣснили солдатъ и, однимъ словомъ, дѣйствовали такъ энергично, что въ тотъ-же вечеръ генералъ Бустаменте былъ изгнанъ изъ города и провозглашено новое правительство, первымъ дѣломъ котораго было пожалованіе Комонфору чина полковника.

Само собой разумѣется, что человѣкъ, ознаменовавшій подобнымъ подвигомъ свое вступленіе на военное поприще, долженъ былъ пойти очень далеко.

Такъ, дѣйствительно, и случилось; черезъ нѣсколько лѣтъ генералъ Комонфоръ сдѣлался президентомъ республики.

Но, если революція оказалась въ состояніи превратить простого портного въ президента, то все-таки не въ ея власти было сдѣлать изъ него ученаго: Комонфоръ еле умѣлъ подписывать свое имя, вслѣдствіе чего ему необходимо было постоянно имѣть около себя секретаря. Справедливость требуетъ, впрочемъ, прибавить, что онъ былъ честный и порядочный человѣкъ, въ полномъ значеніи этого слова, что встрѣчается въ Мексикѣ весьма рѣдко, съумѣвшій, не смотря на свое высокое положеніе, заслужить всеобщую любовь своихъ подчиненныхъ.

Итакъ, я остался одинъ въ улицѣ Такуба, такъ какъ стараго, полуглухого и полуслѣпого пеона, которому было поручено наблюдать за домомъ, нельзя было принимать въ разсчетъ. Онъ, видимо, ничуть не заботился о моемъ существованіи, да едва-ли даже зналъ о немъ; къ счастью, мой любезный хозяинъ оставилъ мнѣ ключъ, съ помощью котораго я могъ свободно входить и выходить изъ дому, не будучи никѣмъ замѣченъ.

Первые два дня моего одиночества показались мнѣ безконечными. Я уже слишкомъ привыкъ къ прелестной болтовнѣ донны Инкарнаціоны, къ внимательной забот-

ливости ея матери, а болѣе всего—къ откровенному радушію моего хозяина.

Я злился на самого себя за свое глупое упрямство и нѣсколько разъ порывался отправиться въ Сенъ-Августинъ, но меня удерживалъ какой-то ложный стыдъ.

На второй день послѣ отъѣзда дона Діего, я совершилъ длинную прогулку въ „l'Alameda и Paseo de Bucareli", а затѣмъ, пообѣдавъ въ одномъ французскомъ ресторанѣ, вернулся домой къ 9 часамъ вечера, злой и усталый, не зная, что дѣлать отъ скуки. Открывъ окно, чтобы подышать вечерней свѣжестью, я, не зажигая свѣчи, бросился въ качалку, и, предавшись размышленіямъ, невольно заснулъ.

Я проспалъ такъ около часу, какъ вдругъ меня разбудилъ шумъ шаговъ, раздавшихся на лѣстницѣ. Я началъ прислушиваться:— шаги все приближались, видимо, подымалось нѣсколько человѣкъ, они остановились недалеко отъ моихъ дверей, и мнѣ было слышно, какъ они шепотомъ между собой спорятъ.

— Повторяю вамъ, что его нѣтъ дома!—проговорилъ съ нетерпѣніемъ голосъ дона Хуана Паласіозъ. Что ему здѣсь дѣлать, когда всѣ теперь на „ferio de plata"!

— Все равно, милый другъ! — отвѣчалъ другой, въ которомъ я узналъ дона Люиса Гальвеца;—лучше намъ самимъ убѣдиться въ его отсутствіи; мы вѣдь здѣсь собрались не ради шутокъ: малѣйшая неосторожность можетъ насъ погубить.

— Это правда, — согласился донъ Хуанъ; — но я замѣтилъ, что французъ всегда оставляетъ ключъ въ дверяхъ, а сегодня его тамъ нѣтъ.

Дѣйствительно, вопреки моимъ привычкамъ, въ этотъ вечеръ я машинально положилъ ключъ въ карманъ.

— Все-таки два доказательства лучше, чѣмъ одно,— проговорилъ донъ Люисъ, котораго, видимо, трудно было въ чемъ либо убѣдить; — а потому вы мнѣ позволите лично убѣдиться?

И не дожидаясь отвѣта, молодой человѣкъ началъ довольно безцеремонно стучать въ мою дверь, крича самымъ дружескимъ тономъ:

И! донъ Густаво! донъ Густаво! Вы—тутъ? Это я—вашъ другъ, донъ Люисъ Гальвецъ. Мнѣ нужно съ вами поговорить минутку!

Не знаю, что произошло тогда со мной, но вмѣсто того, чтобы отвѣчать, я упорно молчалъ. Стукъ повторился еще нѣсколько разъ и затѣмъ затихъ.

— Успокоились—вы теперь?

— До извѣстной степени,—проговорилъ донъ Люисъ съ сомнѣніемъ.

— Что-же вамъ еще нужно?

— Войти въ комнату!

— Еще чего! Вы сошли съ ума, мой другъ! Какой ему интересъ молчать? Никакого! Повторяю вамъ еще разъ, что онъ уѣхалъ еще вчера утромъ съ моимъ отцомъ и матерью.

— Положимъ, что такъ. Но, во всякомъ случаѣ, я не прочь-бы удостовѣриться въ этомъ.

— Милосердный Боже!—воскликнулъ донъ Хуанъ.—Очень сожалѣю, что у меня нѣтъ второго ключа; я-бы вамъ тотчасъ доставилъ это удовольствіе. Однако, что-же мы входимъ или уходимъ? Надо-же на что нибудь рѣшиться!

— Идемте, идемте! Нельзя терять времени!

Раздались удаляющіеся шаги и черезъ двѣ минуты щелкнулъ гдѣ-то въ замкѣ ключь. Донъ Хуанъ вошелъ въ свою комнату. Я забылъ сказать, что она находилась рядомъ съ моей спальней и отдѣлялась отъ нея только тонкой перегородкой, въ которой была дверь, запертая всегда на замокъ.

Въ Мексикѣ, въ виду землетрясеній, всѣ дома строятся изъ глины и соломы, вслѣдствіе чего изъ одной комнаты въ другую всегда все слышно. На этотъ разъ я не только слышалъ, но и видѣлъ.

Заперевъ на ключъ дверь своей комнаты, донъ Хуанъ зажегъ на столѣ канделябры и тотчасъ въ мою спальню проникла полоса свѣта. Прежде я этого никогда не замѣчалъ, такъ какъ всегда входилъ къ себѣ съ зажженной свѣчей, а потому и не обращалъ вниманія на трещину, существовавшую въ двери, ведущей въ комнату дона Хуана; вѣроятно, это обстоятельство ускользнуло и отъ его наблюдательности.

Послышался шумъ передвигаемыхъ стульевъ, а затѣмъ, среди наступившей тишины, раздался голосъ дона Люиса.

— Однако, пора приступить къ совѣщанію! — проговорилъ онъ.

— Въ самомъ дѣлѣ,—тотчасъ отвѣчалъ другой, мнѣ незнакомый голосъ, — если вы рѣшаетесь на это предпріятіе, то у васъ времени въ обрѣзъ.

— Въ чемъ-же дѣло?—вмѣшался донъ Хуанъ.—Отъ того, что вы разсказали намъ, донъ Эмиліо, у насъ слюнки потекли, но все-таки вы должны дать намъ болѣе точныя указанія.

— Сеньоры!—съ живостью перебилъ донъ Гальвецъ,— я не знаю почему, но мнѣ всегда кажется, что стѣны имѣютъ и глаза, и уши.

На этотъ разъ онъ былъ вполнѣ правъ, такъ какъ я буквально прилипъ къ двери.

— Вы не въ своемъ умѣ, милый другъ, — смѣясь сказалъ донъ Хуанъ. — Мы здѣсь у моего отца и намъ нечего бояться шпіоновъ.

— Три-ла, ла, ла, ла! — подхватилъ донъ Люисъ, напѣвая сквозь зубы „jarabe“;— все это прекрасно, но, еслибы мы были у самого папы, который, какъ говорятъ, непогрѣшимъ, я все-таки повторю, что недовѣріе порождаетъ увѣренность, а потому, если вы согласны, мы поговоримъ по индѣйски?

— Пусть будетъ по вашему, — воскликнулъ донъ Хуанъ.—Carai! Вы вполнѣ заслужили, донъ Люисъ, вашу

репутацію недовѣрчиваго человѣка; клянусь, я никого не знаю, похожаго на васъ!

— Что-жъ, хорошо! Поговоримъ по индѣйски, если это нужно для спокойствія дона Люиса.—Донъ Эмиліо, начинайте!

Тотъ, кого называли дономъ Эмиліо, тотчасъ-же съ живостью началъ что-то объяснять, но такъ какъ онъ говорилъ по индѣйски, то я не понялъ ни одного слова Не зная, что дѣлать, я машинально приложилъ глазъ къ дверной щели, что дало мнѣ возможность видѣть всю сосѣднюю комнату, но здѣсь меня ожидало новое разочарованіе. Всѣ три собесѣдника были въ черныхъ бархатныхъ маскахъ и задрапированы въ длинныя мантіи, такъ что не было никакой возможности узнать ихъ. Это открытіе такъ меня заинтересовало, что я рѣшилъ, во чтобы то ни стало, добраться до истины.

Между тѣмъ, совѣщаніе моихъ таинственныхъ сосѣдей продолжалось довольно долго; наконецъ, тотъ, кого я принималъ за дона Хуана Паласіоза, поднялся и всѣ послѣдовали его примѣру.

— Итакъ, рѣшено!—проговорилъ голосъ дона Люиса,— въ полночь на Пало-Верде и обычнымъ способомъ?

— На этотъ разъ позвольте вамъ замѣтить, любезный другъ, что вы сами слишкомъ болтливы!—замѣтилъ донъ Хуанъ.

— Ба! Если-бы кто-нибудь это и услышалъ, то все равно-бы не понялъ. Что-жъ, идемъ? У меня еще сегодня визитъ къ доннѣ Долоресъ Сандоваль и я ни за что его не пропущу!

— У насъ также есть свои дѣла! — отвѣчали двое другихъ.

Разговаривая такимъ образомъ, они вышли; я слышалъ, какъ они прошли около моей комнаты, спустились по лѣстницѣ и въ домѣ воцарилась тишина.

Убѣдившись, что я одинъ, я тотчасъ вскочилъ, схватилъ свои пистолеты, ружье и бросился на улицу, пови-

нуясь какой-то инстинктивной силѣ, заставлявшей меня такъ дѣйствовать.

Въ то время, когда происходили всѣ передаваемыя здѣсь событія, въ Мексикѣ было запрещено ѣздить ночью по улицамъ.

Причина такой мѣры полиціи слѣдующая:

Мексико построенъ на сваяхъ; на всѣхъ улицахъ подъ мостовой находится пустота, а потому, если-бы гдѣ нибудь образовалась трещина, то она могла-бы произвести очень опасные провалы, которыхъ сразу ночью и нельзя было-бы замѣтить. Дѣйствительно-ли, это было такъ — не знаю, но мнѣ, по крайней мѣрѣ, дали такое объясненіе.

Выйдя на улицу, я направился большими шагами къ „guarita de Toluca“, гдѣ надѣялся достать лошадь у одного ранчеро, съ которымъ познакомился незадолго передъ этимъ.

Дѣйствительно, за шесть піастровъ онъ предоставилъ въ мое распоряженіе прекрасную, горячую лошадь, на которую я тотчасъ вскочилъ, и, наклонившись къ уху ранчеро и всунувъ ему въ руку еще два золотыхъ, сказалъ:

— Если у васъ кто-нибудь спроситъ, брали-ли у васъ въ эту ночь лошадь, отвѣчайте—„нѣтъ“, и вы окажете мнѣ этимъ большую услугу. Cosas de amor! (причина — любовь)!—добавилъ я еще тише.

— Хорошо, будьте спокойны, кабаллеро. Я буду нѣмъ, какъ рыба. Желаю вамъ успѣха!

Выслушавъ это напутствіе, я пустилъ свою лошадь въ галопъ.

Донъ Хуанъ былъ совершенно правъ, сдѣлавъ дону Люису замѣчаніе за его болтливость, когда онъ назвалъ Пало-Верде. Благодаря моимъ постояннымъ прогулкамъ, я такъ-же хорошо изучилъ окрестности Мексико, какъ чистокровный парижанинъ бульваръ Монмартръ, а потому былъ хорошо знакомъ и съ Palo-Verde. Это было

уединенное ранчо, находившееся на перекресткѣ, гдѣ сходились шесть дорогъ, почему и перекрестокъ назывался „перекресткомъ шести дорогъ“.

Было около половины двѣнадцатаго ночи, когда я добрался до Palo-Verde. Дверь ранчо была открыта настежь и оттуда даносились взрывы хохота, пѣнье и звуки гитары.

Около дверей было привязано три нагруженныхъ мула, которые находились подъ охраной двухъ драгунъ, верхами и въ полномъ вооруженіи. Двое другихъ солдатъ держали подъ уздцы еще шесть или восемь лошадей. Повидимому, мулы эти были нагружены золотомъ и отправлялись въ Санъ-Августинъ, подъ охраной многочисленнаго конвоя.

Я проѣхалъ мимо ранчо, не останавливаясь, но всетаки успѣлъ заглянуть внутрь его и тамъ замѣтилъ около двѣнадцати человѣкъ драгунъ, двухъ или трехъ „arrieros“ и одного офицера.

Отъѣхавъ отъ ранчо шаговъ на сто, я поѣхалъ прямо черезъ поля и, обогнувъ перекрестокъ, остановился на разстояніи ружейнаго выстрѣла отъ корчмы въ тѣни громадныхъ гоавъ, которыя вполнѣ скрывали меня, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, не мѣшали видѣть и слышать все, что происходило въ Пало-Верде.

Въ настоящее время я не могу дать себѣ отчета въ томъ, какого рода побужденія заставляли меня такъ дѣйствовать; помню только, что я испытывалъ какое-то лихорадочное волненіе и болѣзненное любопытство, котораго не могъ преодолѣть.

Не прошло и нѣсколькихъ минутъ съ тѣхъ поръ, какъ я спрятался въ засадѣ, вдругъ услышалъ отдаленный топотъ лошадей. Въ то-же мгновеніе драгуны вышли изъ ранчо, сѣли на лошадей и окружили муловъ, около которыхъ стояло по „arriero“, т. е. проводнику. Маленькій отрядъ собирался уже двинуться въ путь, какъ вдругъ на перекресткѣ показалось нѣсколько

всадниковъ, въ формѣ „lanceros“ (улановъ). Въ числѣ ихъ находилось нѣсколько человѣкъ офицеровъ, причемъ, одинъ былъ въ формѣ полковника.

— Стой!—закричалъ полковникъ повелительнымъ голосомъ.

— Кто идетъ?—спокойно отвѣчалъ офицеръ, командовавшій отрядомъ.

— Мы получили приказаніе смѣнить васъ,—отвѣчалъ полковникъ насмѣшливымъ голосомъ.—Возвращайтесь въ Мексико, а мы будемъ конвоировать до Санъ-Августина.

— Покажите письменный приказъ!—кротко отвѣчалъ офицеръ.

— У меня его нѣтъ. Я получилъ устное приказаніе. Однако, довольно разговоровъ, извольте меня слушаться. Развѣ вы ни видите, въ какомъ я чинѣ?!

— Я васъ не знаю, а потому, если вы сдѣлаете еще шагъ впередъ, то велю стрѣлять!

— Вы съ ума сошли! Какое вамъ дѣло до этой поклажи?! Будьте хорошимъ товарищемъ и исполните мое требованіе, иначе вы поплатитесь!

— Въ свою очередь и я вамъ приказываю удалиться! Если вы употребите насиліе, то я отвѣчу тѣмъ-же.

— Ага, если такъ, хорошо! Впередъ!—крикнулъ полковникъ, обращаясь къ своимъ людямъ.

— Стрѣлять! — скомандовалъ въ свою очередь офицеръ.

Повинуясь приказанію своего начальства, уланы бросились впередъ, но въ ту-же минуту раздался залпъ, заставившій ихъ отступить; въ слѣдующее мгновеніе между драгунами и уланами уже завязался отчаянный рукопашный бой на холодномъ оружіи. Все смѣшалось въ одну массу! Тогда, повинуясь какому-то странному чувству, а, можетъ быть, просто возбужденный запахомъ крови, я выстрѣлилъ въ самый центръ улановъ и принялся неистово кричать.

— Adelante, muchachos, adelante! Пойманы!

При этомъ крикѣ, нападавшіе вообразили, что къ ихъ противникамъ подоспѣла помощь и перепуганные бросились бѣжать по разнымъ направленіямъ, тогда какъ офицеръ, командовавшій конвоемъ, боясь, вѣроятно, возвращенія своихъ таинственныхъ непріятелей, тотчасъ велѣлъ проводникамъ сѣсть на муловъ и весь маленькій отрядъ быстро удалился.

Что-же касается меня, то я продолжалъ свой путь, очень довольный своей продѣлкой и сильно заинтересованный ея послѣдствіями; часа черезъ два я добрался до Санъ-Августина. Весь городъ былъ иллюминованъ и находился въ большомъ возбужденіи. Извѣстіе о нападеніи уже распространилось повсюду и всѣ расточали похвалы геройскому поведенію офицера; одинъ онъ былъ грустенъ, боясь, видимо, послѣдствій своего усердія къ службѣ. Что-же касается дона Діего, то онъ былъ несказанно радъ моему пріѣзду, котораго вовсе не ожидалъ, и принялъ меня съ распростертыми объятіями. Но наутро насъ всѣхъ ожидало печальное извѣстіе, которое принесъ одинъ пеонъ, посланный дономъ Хуаномъ Паласіозъ.

Выходя наканунѣ въ половинѣ двѣнадцатаго ночи изъ дворца, донъ Хуанъ подвергся на площади Майоръ нападенію воровъ, отъ которыхъ хотя и избавился, но получилъ сильный ударъ кинжаломъ въ грудь, похожій на ударъ саблей. Къ счастью, кинжалъ скользнулъ по ребрамъ и рана не опасна, но все-таки, къ большому сожалѣнію дона Хуана, она не позволяетъ ему присутствовать на „feria de plara“.

Этотъ ударъ кинжаломъ, похожій на ударъ саблей, показался мнѣ тѣмъ болѣе страннымъ, что донъ Хуанъ получилъ его въ ту самую ночь, когда произошло нападеніе въ Palo-Verde. Однако, я оставилъ эти замѣчанія про себя и на видъ казался такимъ-же огорченнымъ, какъ самъ донъ Діего.

Глава III.

Прежде чѣмъ приступить къ продолженію своего разсказа, я долженъ напомнить читателямъ, что хотя, ввиду различныхъ соображеній, здѣсь измѣнены фамиліи дѣйствующихъ лицъ и время событій, но самыя событія вполнѣ достовѣрны, а потому не слѣдуетъ ожидать какой-либо необыкновенной развязки, что возможно тамъ, гдѣ дѣйствуетъ вымыселъ, фантазія, а не дѣйствительность. Послѣ такого предупрежденія я могу продолжать свое повѣствованіе.

Черезъ два или три дня послѣ событій, описанныхъ въ предыдущей главѣ, я вернулся со всей семьей дона Діего въ Мексико, гдѣ, къ своему великому изумленію, узналъ, что убійцы Ганноверскаго консула открыты, схвачены и судъ надъ ними начнется немедленно. На этотъ разъ вся мексиканская полиція была поставлена на ноги дипломатическимъ корпусомъ и принуждена была, вопреки своимъ привычкамъ, исполнить свои обязанности.

Слѣдствіе по этому вопіющему дѣлу было окончено въ нѣсколько дней и обвиняемые предстали передъ судомъ. Ихъ было трое и всѣ они принадлежали къ лучшему мексиканскому обществу; на судѣ они вели себя съ необычайнымъ хладнокровіемъ и цинизмомъ, что казалось всѣмъ присутствующимъ признакомъ высшаго тона. Съ судьями они разговаривали самымъ фамильярнымъ образомъ, съ улыбочками, граціозными

поклонами и т. д., однимъ словомъ, будто со своими хорошими друзьями.

Во все время суда, который тянулся довольно долго, я наблюдалъ, ради интереса, за поведеніемъ полковника Паласіоза. Онъ вполнѣ выздоровѣлъ отъ своей раны, оказавшейся очень легкой, и почти все свое время проводилъ въ президентствѣ; былъ всегда веселъ и держалъ себя вполнѣ непринужденно. Слѣдствіемъ онъ не особенно интересовался, но, если при немъ заговорили объ этомъ звѣрскомъ преступленіи, онъ насмѣшливо улыбался, говоря, что судьи разыгрываютъ комедію, которая кончится ко всеобщему удовольствію.

Эта увѣренность не поколебалась въ донѣ Хуанѣ и тогда, когда надъ осужденными произнесли смертный приговоръ, который они выслушали съ улыбкой, граціозно поклонились суду и удалились изъ залы засѣданія, спокойно разговаривая между собой.

Исполненіе приговора было назначено въ слѣдующую пятницу, т. е. черезъ три дня послѣ его произнесенія, ровно въ полдень на площади Сантъ-Яго.

Несмотря на то, что я непримиримый врагъ смертной казни, которая въ моихъ глазахъ является скорѣй юридической местью, чѣмъ наказаніемъ, на этотъ разъ я испытывалъ непреодолимое любопытство.

Насмѣшливое, презрительное поведеніе полковника Паласіоза казалось въ моихъ глазахъ какимъ то вызовомъ обществу; какое то тайное предчувствіе подсказывало мнѣ, что должно произойти нѣчто особенное, а потому, не предупредивъ своего радушнаго хозяина, я нанялъ за очень большую цѣну окно, изъ котораго могъ свободно видѣть все происходящее.

Послѣ произнесенія смертнаго приговора, осужденныхъ перевели изъ тюрьмы въ монастырь Сантъ-Яго, гдѣ ихъ держали до дня казни.

Ровно въ полдень двери монастыря открылись и показалось мрачное шествіе. Я не хочу его описывать,

такъ какъ всякій знаетъ, какую пышность любятъ придавать въ подобныхъ случаяхъ Испанцы, большіе охотники до всякихъ зрѣлищъ.

Бой быковъ и смертная казнь служатъ для нихъ самымъ лучшимъ праздникомъ. Самое главное въ этомъ случаѣ, чтобы кровь текла ручьемъ и осужденные встрѣтили бы смерть съ отвагой.

Немудрено, что въ этотъ день площадь была буквально усѣяна народомъ.

Убійцы вышли изъ монастыря совершенно спокойные, улыбающіеся, покуривая изящныя маленькія папироски и раскланиваясь съ покровительственнымъ видомъ съ многочисленными знакомыми, виднѣвшимися въ толпѣ.

Это было нѣчто величественное!

Дѣйствительно, толпа, охваченная порывомъ энтузіазма, встрѣтила всѣхъ трехъ негодяевъ горячими рукоплесканіями и криками „браво", устраивая имъ такимъ образомъ настоящій тріумфъ.

Осужденные находились уже всего въ нѣсколькихъ шагахъ отъ эшафота, какъ вдругъ толпа содрогнулась и разступилась, подъ вліяніемъ какого то еще невидимаго давленія. Раздались крики ярости и боли и вдругъ, изъ толпы выскочило до сотни вооруженныхъ съ головы до ногъ всадниковъ въ черныхъ маскахъ, предводительствуемыхъ какимъ то чернымъ призракомъ.

Они бросились къ эшафоту, гдѣ произошла короткая битва, въ которой все смѣшалось и которая продолжалась всего минуты двѣ,—и всадники исчезли съ непостижимой быстротой.

Когда солдаты пришли въ себя и бросились къ осужденнымъ, то ни одного изъ нихъ не оказалось: они безслѣдно исчезли.

Куда они дѣлись и какимъ образомъ спаслись отъ преслѣдованія, это осталось загадкой навсегда! И такъ, мое предчувствіе меня не обмануло; дерзкое похищеніе

трехъ осужденныхъ среди бѣлаго дня и многочисленной толпы произвело въ городѣ невыразимое волненіе и ужасъ. Паника была такъ велика, что даже днемъ никто не рѣшался выйти на улицу и сама администрація признала себя безсильной бороться съ такими отважными людьми.

Но прошло болѣе двухъ мѣсяцевъ и въ городѣ не случилось ни одного воровства и убійства, но зато въ окрестностяхъ грабежи сдѣлались безпрерывными. Потерявъ надежду найти ключъ ко всей этой загадкѣ, я рѣшилъ покинуть столицу и началъ приготовляться къ отъѣзду, какъ вдругъ одно странное происшествіе снова возбудило мое любопытство.

Какъ я уже сказалъ, президентъ Комонфоръ былъ не только честный, но и вообще безукоризненно порядочный человѣкъ, котораго ничуть не испортило его высокое положеніе: онъ остался такъ же простъ и предупредителенъ, какъ и во дни своей юности, когда былъ портнымъ

Въ одинъ прекрасный день къ президенту пріѣхалъ въ гости одинъ изъ его родственниковъ, нѣкій донъ Лопецъ Сабидуріо, обладатель великолѣпной гасіенды въ окрестностяхъ Кверетаро. Онъ слылъ за страшнаго богача и, вмѣстѣ съ тѣмъ, пользовался репутаціей безукоризненно честнаго человѣка, что въ Мексикѣ большая рѣдкость. Это былъ маленькій, толстый человѣчекъ, всегда одинаково веселый и привѣтливый.

Пробывъ въ столицѣ довольно долго, сдѣлавъ различныя покупки и получивъ со своихъ должниковъ порядочную сумму денегъ, донъ Лопецъ рѣшилъ возвратиться въ свою гасіенду и передъ отъѣздомъ зашелъ къ президенту, чтобы распрощаться съ нимъ и узнать его порученія къ роднымъ, живущимъ въ Кверетаро.

Родъ Комонфоровъ происходилъ изъ этого города.

Президентъ принялъ своего родственника очень ра-

душно, долго разговаривалъ съ нимъ о своихъ дѣлахъ, а затѣмъ, внезапно спросилъ:

— Кстати, кумъ (президентъ былъ крестнымъ отцомъ одного изъ дѣтей дона Лопеца) вы, вѣдь, кажется, богаты?

— Да!—отвѣчалъ тотъ, улыбаясь.

— Вы, безъ сомнѣнія, возвращаетесь къ себѣ съ порядочной суммой денегъ?

— Peuh! со мной будетъ не болѣе сорока тысячъ піастровъ.

— Caraі, это не шутка! Скажите, когда вы собираетесь ѣхать?

— Завтра, но зачѣмъ вы все это спрашиваете?

— Чтобы дать вамъ въ провожатые двадцать драгунъ, хотя я и не думаю, чтобы разбойники осмѣлились ограбить васъ, моего близкаго родственника. Это было бы слишкомъ!

— Ни за что, ни за что!—съ живостью перебилъ гасіендеро.

— Почему же?—съ удивленіемъ спросилъ Комонфоръ;—вы отказываетесь отъ моего конвоя?

— Да, отказываюсь. Видите ли, я хоть и простой человѣкъ, но все таки не совсѣмъ еще глупъ, и давно уже замѣтилъ, что ваши драгуны имѣютъ свойство притягивать разбойниковъ. Какъ только ѣдешь куда-нибудь съ охраной, можешь быть увѣренъ, что тебя ограбятъ.

— Вы шутите, кумъ! Если вы поѣдете одинъ, вы, навѣрно, подвергнетесь нападенію и разстанетесь со всѣми вашими деньгами.

— Не думаю, и знаете ли почему? Я поѣду домой въ старой телѣжкѣ, въ которой собственноручно устроилъ подъ сидѣньемъ потайной ящикъ, и увѣренъ, что ни одинъ воръ въ свѣтѣ не въ состояніи его замѣтить.

— Э, э, куманекъ, берегитесь! Разбойники — тонкіе плуты!

— Возможно, но деньги они найдутъ только въ томъ случаѣ, если разломаютъ всю телѣжку въ дребезги.

При этомъ достойный человѣкъ, желая похвастаться передъ президентомъ своимъ изобрѣтеніемъ, разсказалъ ему въ подробностяхъ все устройство своего потайнаго ящика; оно было, дѣйствительно, такъ замысловато, что Комонфоръ вполнѣ успокоился за своего родственника.

На другой день, рано утромъ, донъ Лопецъ выѣхалъ изъ Мексико, но ему не удалось далеко отъѣхать отъ города: немного не доѣзжая Molino del Rey, гдѣ онъ разсчитывалъ переночевать, его телѣжку окружили нѣсколько замаскированныхъ людей.

Не обращая вниманія на его сопротивленіе, разбойники дѣйствующіе, видимо, навѣрняка, нажали пружину секретнаго ящика и вытащили оттуда 40 тысячъ піастровъ, а такъ какъ донъ Лопецъ визжалъ, какъ поросенокъ, то они наградили его нѣсколькими хорошими ударами и, считая его мертвымъ, быстро удалились.

Къ счастью, достойный гасіендеро былъ только раненъ и черезъ три недѣли вполнѣ поправился.

Само собой разумѣется, что онъ рѣшилъ добраться до истины и найти разбойниковъ. Но такъ какъ, кромѣ него самого и Комонфора, секретъ его потайнаго ящика не былъ никому еще извѣстенъ, то естественно, что первое свое обвиненіе онъ обратилъ противъ президента.

Напрасно старались ему объяснить все безуміе и дерзость такого обвиненія, донъ Лопецъ продолжалъ упорно на немъ настаивать и кончилось тѣмъ, что общество ему повѣрило.

Начали вспоминать о безпрерывныхъ разбояхъ и убійствахъ, которые дѣлались все беззастѣнчивѣй, благодаря тому, что виновники ихъ оставались всегда неразысканными и, наконецъ, всѣ пришли къ заключенію, что причиной всему президентъ, который стоитъ во главѣ всѣхъ разбойничьихъ шаекъ въ республикѣ. Не-

смотря на всю безсмыслицу подобнаго заключенія, все населеніе Мексики было проникнуто имъ настолько сильно, что Комонфоръ вскорѣ замѣтилъ народную ненависть къ себѣ, проявлявшуюся при каждомъ его появленіи на улицѣ.

Не зная, чему приписать такую перемѣну, президентъ рѣшился узнать ея причину, во что бы то ни стало, и вскорѣ, дѣйствительно, узналъ ее отъ генерала Мирамона, своего тайнаго соперника.

Президентъ былъ потрясенъ, но не самимъ обвиненіемъ, а его правдоподобностью. Онъ любилъ своего родственника, цѣнилъ прямоту его характера и зналъ, что тотъ неспособенъ на клевету. Комонфоръ чувствовалъ, что онъ теряетъ разсудокъ, ломая себѣ съ утра до ночи голову надъ разрѣшеніемъ этого загадочнаго происшествія. Онъ хорошо помнилъ, что не сказалъ ни слова никому о тайнѣ дона Лопеца, а между тѣмъ она сдѣлалась извѣстной!

Наконецъ, послѣ долгихъ размышленій, внезапная мысль осѣнила его.

— Нѣтъ!—воскликнулъ онъ, вскакивая даже съ мѣста отъ радости,—я былъ не одинъ. Полковникъ донъ Хуанъ Паласіозъ работалъ тогда въ моемъ кабинетѣ и могъ все слышать! Мы говорили громко. А, caraï! Я выведу на свѣжую воду это проклятое дѣло!

Черезъ часъ послѣ этого донъ Хуанъ Паласіозъ, личный секретарь президента республики, былъ задержанъ и посаженъ въ одиночное заключеніе.

Глава IV.

Когда вѣсть объ арестѣ полковника дона Хуана Паласіоза разнеслась по городу, всеобщему изумленію не было границъ.

Многіе отказывались даже вѣрить, считая это клеветой враговъ. Паласіозы были самой уважаемой и старинной фамиліей во всей странѣ. Еще во времена Фердинанда Кортеца, въ числѣ его отважныхъ сотоварищей съ большой похвалой упоминается имя дона Діего Паласіоза, андалузскаго дворянина.

До и послѣ революціи Паласіозы играли постоянно видную роль въ исторіи своей страны и съ честью занимали самыя почетныя должности, а потому обвиненіе, направленное противъ одного изъ членовъ этой семьи, показалось чудовищнымъ всему мексиканскому населенію. Арестъ дона Хуана, возстановившій еще сильнѣе противъ Комонфора общественное мнѣніе, приписывали тому, что президентъ боится разоблаченій своего секретаря, которому, безъ сомнѣнія, было многое извѣстно.

Губернаторомъ города Мексико былъ въ то время нѣкій донъ Мельхіоръ Геспедесъ, человѣкъ очень ловкій, отважный, искренно преданный президенту, что было для этого послѣдняго счастливой случайностью въ его двусмысленномъ положеніи.

Несмотря на многочисленныя анонимныя письма, заключавшія въ себѣ всевозможныя угрозы, несмотря даже на покушенія на его жизнь, отъ которыхъ ему удалось только случайно спастись, донъ Мельхіоръ про-

должалъ ревностно разслѣдовать дѣло дона Лопеца, поддерживалъ и слѣдователей, боявшихся нажить себѣ могущественныхъ враговъ, желавшихъ замять все это дѣло, самъ даже руководилъ слѣдствіемъ, которое велъ такъ удачно, что въ непродолжительномъ времени дѣло было перенесено въ судъ, хотя все таки не было найдено ни одного серьезнаго доказательства виновности полковника Паласіоза.

Болѣе двадцати разбойниковъ было схвачено и допрошено, но ни одинъ изъ нихъ не зналъ дона Хуана даже по виду и не имѣлъ съ нимъ никакихъ сношеній. Но, несмотря на такое отсутствіе доказательствъ противъ того, кого считали главнымъ предводителемъ всѣхъ разбойниковъ, въ высшемъ мексиканскомъ обществѣ было замѣтно странное волненіе и настойчивое желаніе потушить все дѣло, не разслѣдовавъ его, что невольно подтверждало виновность дона Хуана.

Паника въ городѣ была такъ велика, что судьи исполняли свои обязанности съ тайнымъ трепетомъ подъ вліяніемъ тѣхъ ужасовъ, которые поминутно совершались.

Такъ, напримѣръ, одинъ изъ слѣдователей, „juez de letras“, болѣе проницательный и энергичный, чѣмъ остальные, былъ найденъ повѣшеннымъ во дворѣ своего дома. Другой разъ, при допросѣ одного свидѣтеля, который могъ дать очень важныя показанія, онъ вдругъ упалъ къ ногамъ судьи въ страшныхъ конвульсіяхъ и почти моментально скончался.

Съ своей стороны, семья Паласіозовъ, твердо увѣренная въ невинности полковника, дона Хуана, употребляла всѣ усилія, чтобы спасти его, и это имъ до нѣкоторой степени удалось, такъ какъ наканунѣ начала судебныхъ преній, губернаторъ донъ Геспедесъ былъ отставленъ отъ своей должности. Тогда еще большая паника овладѣла всѣмъ судебнымъ персоналомъ. Не чувствуя больше за собой поддержки, судьи отказались

исполнять свои обязанности и произошло всеобщее бѣгство: судъ опустѣлъ. Что же касается дона Хуана Паласіозъ и его сообщниковъ, они остались въ тюрьмѣ и объ нихъ на нѣкоторое время какъ бы забыли. Но что болѣе всего поражало меня во время процесса—это поведеніе дона Люиса Гальвеца. Откуда взялась энергія у этого изнѣженнаго, женственнаго молодого человѣка! Онъ употреблялъ всевозможныя усилія, не зналъ ни минуты покоя, чтобы освободить брата любимой имъ дѣвушки. Его золото лилось рѣкой, всюду онъ расточалъ самое пламенное краснорѣчіе въ защиту полковника Паласіоза и, наконецъ, чтобы придать еще болѣе силы своимъ словамъ, просилъ руки донны Инкарнаціоны и получилъ согласіе. Свадьба была отпразднована съ рѣдкой пышностью; болѣе двухъ тысячъ человѣкъ присутствовало на ней и, что всего удивительнѣе, въ числѣ свидѣтелей, подписавшихъ брачный контрактъ, находился братъ невѣсты, отпущенный на этотъ день на поруки. Онъ присутствовалъ вечеромъ и на балу, данномъ въ честь новобрачныхъ, много танцовалъ и вернулся въ свое мрачное жилище только съ восходомъ солнца въ сопровожденіи цѣлой толпы своихъ поклонниковъ и друзей. Но прежде чѣмъ войти въ тюрьму, донъ Хуанъ подозвалъ къ себѣ своего шурина и долго таинственно разговаривалъ съ нимъ.

Тотчасъ послѣ своей женитьбы, донъ Люисъ переселился въ домъ своего тестя на улицѣ Ѳакуба и вскорѣ былъ назначенъ секретаремъ при мексиканскомъ посольствѣ въ Вашингтонѣ, съ приказаніемъ занять свой постъ не позже, какъ черезъ мѣсяцъ. Онъ, повидимому, былъ очень этимъ доволенъ и тотчасъ началъ приводить въ порядокъ свои дѣла, желая, какъ онъ выражался, пустить пыль въ глаза Американцамъ и показать имъ мексиканское умѣнье роскошно жить. Съ этою цѣлью онъ перевелъ все свое состояніе въ процентныя бумаги различныхъ англійскихъ и французскихъ бан-

кирскихъ домовъ въ Нью-Іоркѣ и, когда я изъ устъ самого дона Гальвеца, не стѣснявшагося со мной, какъ съ иностранцемъ, узналъ сумму его капитала, то буквально ахнулъ отъ удивленія.

Она превышала шесть милліоновъ піастровъ, т. е. на наши деньги болѣе тридцати милліоновъ франковъ. Но откуда могло быть у дона Гальвеца такое огромное состояніе? Этотъ вопросъ оставался для меня загадкой, разрѣшенія которой я не рѣшался спросить у него.

Наконецъ, пришелъ и день отъѣзда дона Люиса. Сдѣлавъ оффиціальный прощальный визитъ президенту, распростившись съ друзьями и нѣжно обнявъ свою молодую жену, которая должна была пріѣхать нѣсколько позже, новый секретарь посольства выѣхалъ изъ Мексико по направленію къ Вера-Круцъ.

Между тѣмъ процессъ „невидимокъ", какъ ихъ называли, былъ, казалось, совершенно забытъ, хотя донъ Хуанъ оставался въ тюрьмѣ; ничто больше не удерживало меня,—и я рѣшился покинуть Мексико. Но прежде чѣмъ вернуться на индѣйскую территорію, я рѣшилъ посѣтить Пуэбло, Оризабу и такимъ образомъ незамѣтно для себя самого, добрался до Вера-Круцъ, гдѣ жилъ уже около мѣсяца, какъ вдругъ до меня дошло извѣстіе, что донъ Мельхіоръ Геспедесъ снова назначенъ губернаторомъ Мексико. Хотя эта новость меня лично ничуть не касалась, тѣмъ не менѣе она причинила мнѣ нѣкоторое волненіе. Очевидно, что съ возвращеніемъ къ власти дона Геспедесъ, процессъ, прерванный благодаря отсутствію энергіи и добросовѣстности его преемника, долженъ былъ возобновиться съ новой силой.

Прошло уже восемнадцать мѣсяцевъ со дня ареста полковника Паласіоза, а между тѣмъ онъ ни разу не былъ еще допрошенъ и жилъ въ тюрьмѣ съ тѣмъ же комфортомъ, какъ и на свободѣ.

Однако, извѣстіе о назначеніи прежняго губернатора

настолько меня заинтересовало, что въ тотъ же вечеръ я пустился въ путь по направленію къ Мексико; путешествуя въ качествѣ туриста, я не торопился, ѣхалъ съ отдыхомъ и только черезъ восемь дней добрался до „Paso del Macho“, уединеннаго мѣстечка, обратившагося послѣ мексиканской войны въ жалкую деревушку. Въ ней находилось нѣчто въ родѣ сарацинской башни и затѣмъ убогое ранчо, хозяинъ котораго—индѣецъ продавалъ по самымъ безбожнымъ цѣнамъ отвратительнѣйшіе напитки и ликеры, которыхъ не было возможности узнать ни по запаху, ни по вкусу. Я принужденъ былъ остановиться въ этомъ ранчо помимо моей воли, такъ какъ приближалась гроза, да кромѣ того уже стемнѣло и я былъ страшно утомленъ. Мѣстечко было настолько отвратительно, что даже моя лошадь инстинктивно хотѣла проѣхать мимо, но усталость не позволила мнѣ ѣхать дальше и, поставивъ лошадь въ конюшню и задавъ ей корму, вошелъ въ ранчо, гдѣ засталъ еще одного путешественника, что доставило мнѣ нѣкоторое эгоистическое удовольствіе. Найдя себѣ товарища по несчастію, всегда человѣкъ испытываетъ нравственное удовлетвореніе, что было на этотъ разъ и со мной. Дѣйствительно, перспектива отвратительнаго ужина, грязной постели и мошенничества при расплатѣ не имѣло ничего привлекательнаго,—и я радъ былъ подѣлиться хотя съ кѣмъ нибудь моими горестями.

Я поклонился незнакомцу и такъ какъ человѣкъ—животное очень общительное, то и усѣлся за столомъ недалеко отъ него и, закуривъ папироску, сдѣлалъ видъ, что погрузился въ размышленія; на самомъ же дѣлѣ я думалъ только о предстоявшемъ мнѣ скудномъ ужинѣ. Несмотря на то, я замѣтилъ, что незнакомецъ слегка вздрогнулъ при видѣ меня, но тотчасъ оправился и взявъ въ лѣвую руку стаканъ съ виномъ, безъ церемоніи усѣлся противъ меня, проговоривъ совершенно чисто по французски:

— Здравствуйте, донъ Густавъ! Какъ поживаете?

Я поднялъ голову и посмотрѣлъ на моего собесѣдника съ большимъ удивленіемъ.

— Вы меня не узнаете?—улыбаясь, продолжалъ онъ.

— Признаюсь, что не только не узнаю васъ, но готовъ держать пари, что вижу васъ въ первый разъ.

— Не держите пари; проиграете!

— Ба!

— Увѣряю васъ, такъ какъ я донъ Люисъ Гальвецъ.

— Еще чего! — воскликнулъ я, пожимая плечами.— Вы смѣетесь надо мной! Я отлично знаю дона Люиса: онъ брюнетъ и безъ бороды, а вы блондинъ и съ бородой. Даже если бы онъ переодѣлся, я всегда узналъ бы его по глазамъ; ихъ ужъ измѣнить нельзя.

— Ошибаетесь, донъ Густавъ! Глаза такъ же легко измѣнить, какъ и всѣ остальныя черты лица. Стоитъ только подмазать немного вѣки, рѣсницы и брови; но тѣмъ лучше, что вы меня не узнали; если я обманулъ васъ, значитъ, обману и другихъ.

— О, въ этомъ можете быть увѣрены! Съ вашей рыжеватой бородкой и растрепанными волосами, вы, какъ двѣ капли воды, похожи на одного моего товарища, французскаго торговаго агента. Но однако, что васъ принудило произвести такую метаморфозу?

— Это вы скоро узнаете. Скажите-ка лучше, куда вы направляетесь?

— Само собой разумѣется, въ Мексико!

— Прекрасно, значитъ, я вашъ спутникъ.

— Очень радъ, любезный донъ Люисъ!

— Не называйте меня такъ; теперь я просто Эрнестъ Гишаръ. Однако, я вовсе не разсчитывалъ васъ встрѣтить здѣсь.

— Да и я также. Я думалъ, что вы въ Вашингтонѣ.

— Я возвращаюсь оттуда. Но скажите мнѣ откровенно, что васъ заставляетъ снова возвращаться въ Мексико?

— Если это васъ интересуетъ, извольте! Я узналъ о

возвращеніи дона Геспедесъ въ должность губернатора и предчувствую, что дѣла примутъ теперь плохой оборотъ для дона Хуана Паласіосъ, а потому и отправляюсь въ Мексико, чтобы быть, если возможно, полезнымъ ему и его отцу, который былъ всегда очень добръ ко мнѣ.

— Дайте мнѣ вашу руку! Вы—молодецъ!—воскликнулъ донъ Люисъ. — Я не хочу имѣть отъ васъ секретовъ, а потому открою вамъ, что отправляюсь въ Мексико почти съ той-же цѣлью, такъ какъ рѣшилъ во что-бы то ни стало спасти дона Хуана, котораго искренно люблю, да къ тому-же онъ братъ моей жены. — Донъ Хуанъ невиненъ и ему нечего бояться!

Мой собесѣдникъ при этомъ восклицаніи бросилъ вокругъ испытующій взглядъ и, закуривъ папиросу, поднялся и, сдѣлавъ мнѣ знакъ слѣдовать за нимъ, проговорилъ:

— Пойдемте, прогуляемся. Погода прекрасная, а ужина мы раньше, какъ черезъ часъ не получимъ.

Я всталъ и послѣдовалъ за нимъ безъ возраженій.

Сдѣлавъ два или три тура по лужайкѣ около ранчо, донъ Люисъ вдругъ остановился:

— Carai!—воскликнулъ онъ. — Вы честный человѣкъ и я не хочу васъ обманывать.

— Что вы хотите сказать?

— Что я хочу сказать! А то, что донъ Хуанъ преступникъ, а вовсе не невинная жертва! Но до тѣхъ поръ, пока мы имѣли дѣло съ трусливыми „Jueces de letras“ и такимъ-же трусомъ губернаторомъ, не было никакой опасности; теперь дѣло другое. Донъ Геспедесъ— человѣкъ рѣдкой энергіи и, когда благодаря нашимъ стараніямъ, былъ отставленъ отъ своей должности, онъ поклялся, что, если власть будетъ снова въ его рукахъ, во что-бы то ни стало, откроетъ истину. Въ продолженіе восемнадцати мѣсяцевъ, когда онъ былъ не у дѣлъ, онъ не переставалъ заниматься нашимъ процессомъ и теперь въ его рукахъ такія доказательства, которыя бу-

дутъ стоить жизни дону Хуану. Этого нельзя допустить, иначе онъ можетъ сдѣлать ужасныя разоблаченія. Знаете ли вы, донъ Густаво, что въ настоящее время вся Мексика дѣлится на два равныхъ лагеря: волковъ и овецъ, т. е. на грабителей и на ограбленныхъ!

— О, о!—перебилъ я,—это невозможно!

— Вполнѣ возможно, а потому малѣйшее разоблаченіе можетъ имѣть для всѣхъ насъ гибельныя послѣдствія, и я долженъ дѣйствовать, какъ можно быстрѣй, тѣмъ болѣе, что донна Инкарнаціона дней восемь или десять тому назадъ совершила большую неосторожность.

— Донна Инкарнаціона, ваша жена?

— Боже мой, да! Я долженъ былъ разсказать ей передъ отъѣздомъ всю исторію, а такъ какъ она очень любитъ своего брата...

— Значитъ, вы сами знали все?

— Хм... да... Мой шуринъ признался мнѣ во всемъ въ день моей свадьбы.

— Да, а не раньше? Вы въ этомъ увѣрены?

— Чортъ возьми! — воскликнулъ донъ Люисъ, стараясь смѣяться.—Отъ васъ ничего не скроешь. Сознайтесь, что вы были въ своей комнатѣ въ тотъ вечеръ?

— Сознаюсь, если хотите! Но, въ свою очередь, и вы должны сознаться, что я не проронилъ объ этомъ никому ни слова!

— Сознаюсь и благодарю! Впрочемъ, у меня уже давно было предчувствіе, что вамъ многое извѣстно. Такъ вотъ, моя прелестная женка, которая, какъ я вамъ сказалъ, безумно любитъ своего брата, узнавъ, что донъ Мельхіоръ снова назначенъ губернаторомъ, отправилась къ нему и потребовала немедленнаго освобожденія дона Хуана, но получила отказъ; тогда, недолго думая, она выхватила изъ своего корсажа кинжалъ и хотѣла вонзить его въ грудь губернатора, но къ несчастью, т. е. я хотѣлъ сказать, къ счастью (поправился донъ Люисъ, улы-

баясь) онъ протянулъ руку и кинжалъ скользнулъ по ней, сильно ее поранивъ. Иначе онъ былъ-бы уже мертвъ

— О, о! — воскликнулъ я съ безпокойствомъ. Вотъ непріятное происшествіе! Донну Инкарнаціону, конечно, схватили.

— Ничуть не бывало! Донъ Геспедесъ слишкомъ хитеръ, чтобы совершить такой промахъ. Онъ не сказалъ никому ни слова и далъ уйти доннѣ Инкарнаціонѣ, которая уже покинула городъ и теперь въ полной безопасности.

— Я въ восторгѣ отъ такой развязки! Но скажите, милый другъ, существуютъ-ли въ дѣйствительности всѣ эти общества злодѣевъ?

— Прежде, чѣмъ вамъ отвѣчать на этотъ вопросъ, я замѣчу, что донъ Хуанъ геніальный человѣкъ и, еслибы онъ родился въ другой странѣ, то достигъ-бы высокаго положенія! Благодаря своему генію, онъ держитъ въ своихъ рукахъ нити всѣхъ разбойничьихъ шаекъ въ Мексикѣ, а вы знаете, насколько онѣ многочисленны. Благодаря своему положенію секретаря, донъ Хуанъ могъ не только направлять ихъ на выгодныя предпріятія, но вмѣстѣ съ тѣмъ посылать отряды солдатъ по ложнымъ слѣдамъ для отыскиванья грабителей. Но вмѣстѣ съ тѣмъ наше общество было организовано такимъ образомъ, что большинство его членовъ не знало своего главнаго вождя, и только двадцать или тридцать человѣкъ, самыхъ испытанныхъ, знали о нашей тайнѣ, получали приказанія непосредственно отъ самого полковника, передавали ихъ затѣмъ остальнымъ участникамъ союза и наблюдали за исполненіемъ устава.

— Какъ, у васъ былъ даже уставъ?

— Да, былъ, и притомъ такой, что вамъ, европейцамъ, его-бы и не придумать!

— Вотъ какъ! Знаете, вы возбудили мое любопытство и я-бы очень хотѣлъ-бы знать нѣкоторые отрывки изъ этого свода законовъ!

— Что-же, съ удовольствіемъ! Время терпитъ, да къ тому-же все это теперь уже мертвая буква, къ моему большому сожалѣнію. Слушайте-же: прежде всего, чтобы сдѣлаться членомъ нашего общества, надо было имѣть на душѣ, по крайней мѣрѣ, два убійства.

— Къ чему-же два? Одного, мнѣ кажется, совершенно достаточно!

— Донъ Хуанъ былъ не того мнѣнія, и вотъ по какой причинѣ: всякій человѣкъ, говорилъ онъ, можетъ совершить убійство въ минуту гнѣва или въ припадкѣ ревности; но тотъ, кто его совершаетъ вторично, доказываетъ, что его кровавые инстинкты выше угрызеній совѣсти.

— Чортъ, какъ искусно придумано!

— Слушайте далѣе! Всякій, кто случайно проникнетъ въ тайны нашего общества и захочетъ быть въ него насильно принятымъ, будетъ зарѣзанъ при малѣйшемъ подозрѣніи. Кромѣ того всѣ, кто предается какой-либо страсти, игрѣ-ли, пьянству, или женщинамъ, къ намъ не принимаются, такъ какъ страсть затемняетъ разсудокъ и въ одинъ прекрасный день подобный субъектъ можетъ выдать какой угодно секретъ.

— Это поразительно. Понимаете-ли вы, что донъ Хуанъ Паласіозъ величайшій организаторъ и политикъ?

— Позвольте еще сказать вамъ, любезный донъ Густаво, наше послѣднее правило, которое докажетъ вамъ, что нашъ предводитель — геніальный человѣкъ. Если кто нибудь изъ членовъ общества заподозритъ другого въ измѣнѣ, онъ долженъ хранить эти подозрѣнія про себя, не сообщая ихъ, ни въ какомъ случаѣ, главному начальнику, а затѣмъ, онъ обязывается собственноручно зарѣзать измѣнника, сохранивъ это въ полнѣйшей тайнѣ.

— Caraі!—воскликнулъ я невольно,—это превышаетъ всякія границы!

— Какъ видите, у насъ была превосходная организа-

ція и въ продолженіе шести лѣтъ держали въ своихъ рукахъ всѣ силы республики! Наши сообщники занимали всѣ ступени общественной лѣстницы, имѣли связи во всѣхъ семьяхъ и такимъ образомъ являлись для насъ очами и ушами. Вотъ причина нашего поразительнаго успѣха!

— И вы еще не признаете себя побѣжденными?

— Ничуть; напротивъ, я надѣюсь, что мы выйдемъ побѣдителями. Гдѣ вы остановитесь въ Мексико?

— Конечно, у донъ Діего Паласіозъ. Поступить иначе, значило-бы оскорбить его!

— Донъ Діего съ семьей покинулъ городъ недѣлю тому назадъ. Домъ его запертъ!

— Въ такомъ случаѣ я остановлюсь во французской гостинницѣ.

— Такъ будетъ гораздо лучше. Слушайте-же, донъ Густаво, вы—прекраснѣйшій товарищъ и спутникъ и я очень радъ путешествовать вмѣстѣ съ вами, но, такъ какъ вы иностранецъ и я не хочу васъ компрометировать, мы разстанемся мили за двѣ до столицы и въѣдемъ въ нее съ противоположныхъ концовъ, а въ случаѣ, если тамъ встрѣтимся, сдѣлаемъ видъ, что не знаемъ другъ друга.

— Благодарю васъ, любезный донъ Люисъ. Впрочемъ теперь я значительно успокоился, узнавъ, что дона Діего нѣтъ въ городѣ и ему не грозитъ опасность. Будетъ, дѣйствительно, лучше, если я останусь объективнымъ зрителемъ всего происходящаго.

Сказано — сдѣлано. Черезъ три дня мы въѣзжали въ Мексико съ различныхъ сторонъ и больше не встрѣчались.

Донъ Люисъ говорилъ правду. Судъ возобновился съ новой энергіей и, благодаря собраннымъ доказательствамъ, донъ Хуанъ Паласіозъ приговоренъ къ смерти съ двадцатью двумя его сообщниками, принадлежавшими къ самому низшему классу общества, которые никогда

въ жизни не видали своего предводителя и не могли ничего свидѣтельствовать противъ него.

На судѣ донъ Хуанъ Паласіозъ велъ себя спокойно и насмѣшливо и не сдѣлалъ ни одного признанья.

Когда прочитали смертный приговоръ и предсѣдатель объявилъ, что ему остается только 48 часовъ, чтобы раскаяться и примириться съ Богомъ, подсудимый насмѣшливо улыбнулся и иронически поклонившись, проговорилъ:

— Не торопитесь, кабаллеро! Еще много времени впереди!

На другой день, когда судья и полицейскій пришли въ тюрьму, камера осужденнаго оказалась пуста. Полковникъ донъ Хуанъ Паласіозъ скрылся, оставивъ письмо слѣдующаго содержанія:

„Прощайте, неблагодарные соотечественники! Вы не въ состояніи понять человѣка, подобнаго мнѣ! Я отправлюсь къ нашимъ сосѣдямъ сѣверо-американцамъ, и надѣюсь скоро сдѣлаться однимъ изъ выдающихся гражданъ республики Соединенныхъ-Штатовъ. Янки—знатоки въ людяхъ и съумѣютъ оцѣнить меня по достоинству!“

Донъ Мельхіоръ Геспедесъ не помнилъ себя отъ ярости, прочтя это насмѣшливое посланіе, но всѣ его старанія розыскать преступника, остались тщетными. Остальные двадцать два осужденныхъ были казнены, но ихъ смерть послужила ничтожнымъ утѣшеніемъ для общества.

Такимъ образомъ бандиты до конца оказались побѣдителями въ борьбѣ съ правительствомъ.

Что-же касается дона Хуана Паласіоза, то ему удалось пробраться въ Соединенные-Штаты, гдѣ онъ, навѣрно, достигъ высокаго положенія въ той или другой сферѣ дѣятельности.

У него были къ тому всѣ данныя.

КОНЕЦЪ.

UN „ANGELITO“ *).

Глава I.

Изъ всѣхъ странъ, куда меня забрасывали мои бродяжническіе инстинкты впродолженіе двадцати пяти лѣтъ непрерывныхъ путешествій, самое дорогое воспоминаніе сохранилось у меня о Чили.

Эта маленькая республика расположена почти на оконечности Южной Америки и отдѣляется отъ остальныхъ земель непроходимыми горами, безконечными пустынями и моремъ, которое, по близости отъ мыса Горна, очень бурно и опасно; благодаря какой-то чудесной случайности, несчастія, посѣтившія всѣ остальныя народы Южной Америки послѣ сверженія ими испанскаго владычества, миновали эту маленькую, мирную страну.

Индѣйцы бѣдны, но честны и трудолюбивы; они отличаются строгими нравами, наивными вѣрованіями и полнымъ невѣжествомъ, и, по всей вѣроятности, изъ всѣхъ испано-американскихъ республикъ, которыя впродолженіе пятидесяти лѣтъ ведутъ между собой ожесточенную борьбу, уцѣлѣетъ только Чили, изъ которой вырабатывается постепенно цивилизованное государство.

---

*) Молитва, которую католики произносятъ утромъ, въ полдень и вечеромъ, при звукѣ колокола.

Въ концѣ 1839 года я путешествовалъ по этой странѣ. Въ настоящее время я совершенно забылъ благодаря какой случайности попалъ туда, да впрочемъ это, вѣроятно, мало интересуетъ моихъ читателей. Помню только, что до того я путешествовалъ по пампасамъ, перешелъ черезъ Кордильеры и, посѣтивъ республику Перу, направился оттуда въ Чили.

Послѣ довольно продолжительнаго путешествія я очутился однажды вечеромъ въ окрестностяхъ Вальдивіи и, чувствуя, что ни я, ни моя лошадь не въ состояніи двигаться далѣе, рѣшилъ переночевать въ первой попавшейся лачугѣ. Ведя подъ уздцы своего усталаго товарища, я пошелъ наудачу впередъ, надѣясь скоро напасть на какое нибудь жилье, но прошло два часа, а передо мной разстилалась только безконечная степь безъ всякихъ признаковъ человѣческаго существованія. Къ довершенію моихъ несчастій, солнце сѣло и наступила полнѣйшая тьма; звѣздъ на небѣ не было видно, только изрѣдка въ разныхъ направленіяхъ вспыхивали молніи и слышались отдаленные раскаты грома.

Я подвигался впередъ, какъ во снѣ; ноги мои отяжелѣли и я съ трудомъ передвигалъ ими; наконецъ, потерялъ всякую надежду найти себѣ на ночь пристанище. Къ счастью, я давно уже привыкъ ко всякимъ невзгодамъ, а потому перспектива ночлега на свѣжемъ воздухѣ ничуть не пугала меня. Добравшись до небольшого лѣсочка, я разсѣдлалъ лошадь, снялъ съ нея всю сбрую и пустилъ на всѣ четыре стороны добывать себѣ пищу.

Оставшись одинъ, я приступилъ къ приготовленію ужина: набралъ хворосту и, устроивъ большой костеръ, зажегъ его. Это была вполнѣ необходимая предосторожность для того, чтобы не попасть въ когти хищныхъ звѣрей, которые бродятъ здѣсь ночью во множествѣ, отыскивая себѣ пищу; а кромѣ того было очень холодно. Пообогрѣвшись немного у огня, я разостлалъ на землѣ

овечьи шкуры, усѣлся на нихъ и приступилъ къ осмотру своихъ „alforjas“, т. е. мѣшковъ изъ толстой парусины, привѣшенныхъ сзади къ сѣдлу, для сохраненія въ нихъ съѣстныхъ припасовъ.

Къ несчастью, мои „alforjas“ были почти пусты; я нашелъ въ нихъ только четыре морскихъ сухаря, козій сыръ, твердый, какъ камень, съ отвратительнымъ вкусомъ извести, смѣшанной съ кислымъ молокомъ, производящій тошноту, и четыре или пять кусочковъ „varas de charque“. Это ничто иное, какъ очень тонкіе ломтики говядины, высушенные на солнцѣ, которые надо жарить на угольяхъ, отчего они дѣлаются очень вкусными и питательными.

Кромѣ того, у меня были съ собой два сосуда изъ тыквы, наполненные водой и водкой, и бутылка съ кофейной эссенціей. Такимъ образомъ я былъ еще въ несовсѣмъ скверномъ положеніи, и тотчасъ приступилъ къ стряпнѣ. Прежде всего я вскипятилъ воду въ маленькомъ кофейникѣ, который вмѣстѣ съ желѣзнымъ котелкомъ составлялъ всю мою кухонную утварь, и отрѣзавъ кусочекъ „vara de charque“, положилъ его жариться на угольяхъ. Затѣмъ я досталъ дорожный несессеръ и вынулъ оттуда приборъ: два ножа, двѣ вилки и двѣ тарелки—все изъ серебра. Окончивъ всѣ эти приготовленія, я началъ ждать, когда будетъ готовъ мой ужинъ, но отъ голода у меня не хватило терпѣнія и я съѣлъ его почти сырымъ. Проглотивъ два сухаря и громадный кусокъ мяса, я налилъ себѣ чашку кофе и закурилъ папироску.

Между тѣмъ удары грома становились все чаще, но я не обращалъ на нихъ вниманія. Ничто такъ не располагаетъ человѣка къ спокойствію и философскому отношенію къ окружающему, какъ сытый желудокъ, а потому и я покуривалъ свою папироску съ такимъ же удовольствіемъ и безпечностью, какъ будто находился въ café de Suède или въ café Riche въ Парижѣ.

Неясныя мечты толпились у меня въ головѣ и дѣйствительность какъ-то ускользала. О чемъ были эти мечты—я и самъ не знаю! Я былъ охваченъ какимъ-то оцѣпенѣніемъ и душа моя унеслась на крыльяхъ фантазіи въ далекія сферы.

Не знаю, сколько времени оставался я въ такомъ состояніи, какъ вдругъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня раздались два выстрѣла; пуля просвистала надъ моимъ ухомъ и въ ту же минуту послышалось тяжелое паденье лошади.

Въ одно мгновеніе я былъ уже на ногахъ и, схвативъ ружье, спрятался за то самое дерево, подъ которымъ только что сладко дремалъ.

Пробужденіе было не изъ пріятныхъ!

Глава II.

Не успѣлъ я притаиться въ своей засадѣ, какъ мимо меня съ быстротой молніи промчался всадникъ, пославъ мнѣ наскаку еще одинъ зарядъ.

— А, чортъ побери!—пробормоталъ я, встряхиваясь, какъ мокрая собака.—Это какой-то бѣсноватый! На кого онъ такъ освирѣпѣлъ?

Я высунулся изъ за дерева и началъ прислушиваться; всадникъ скакалъ съ прежней быстротой, и вскорѣ стукъ копытъ его лошади замеръ вдали. Тогда я потихоньку вышелъ и, не разряжая ружья, подошелъ къ лежавшему на землѣ человѣку, который не обнаруживалъ никакихъ признаковъ жизни.

Что касается лошади, то она уже встала и, къ своему великому удовольствію, я убѣдился, что благородное животное ничуть не пострадало; вѣроятно, оно просто споткнулось о какой нибудь камень или пень, а потому и упало.

Между тѣмъ, нагнувшись къ незнакомцу, я увидѣлъ, что это молодой человѣкъ лѣтъ двадцати четырехъ поразительной и мужественной красоты. Мертвенная блѣдность покрывала его энергичное лицо; онъ былъ въ обморокѣ.

На немъ былъ богатый костюмъ, свидѣтельствовавшій, что онъ принадлежалъ къ зажиточной семьѣ; а во всей его наружности, гордой и интеллигентной, было нѣчто настолько привлекательное, что я невольно имъ

*

заинтересовался. Я поднялъ его съ земли и отнесъ къ костру, гдѣ и уложилъ на овечьихъ шкурахъ, а затѣмъ, началъ растирать ему виски водкой съ водой и заставилъ проглотить хорошую порцію коньяку, благодаря чему онъ открылъ глаза. Когда молодой человѣкъ окончательно пришелъ въ себя, я спросилъ, не раненъ ли онъ.

— Нѣтъ, — отвѣчалъ незнакомецъ мягкимъ, какъ у дѣвушки, голосомъ.—Благодарю васъ, кабаллеро. Паденіе моей лошади спасло меня отъ вѣрной смерти, такъ какъ человѣкъ, который стрѣлялъ въ меня, всегда попадаетъ въ намѣченную имъ цѣль!

— Да, вы, дѣйствительно, кажется, имѣете опаснаго врага!

— Да!—невнятно отвѣчалъ онъ.

— Вы, конечно, знаете его?

— Знаю.

— Въ такомъ случаѣ вы легко можете потребовать съ него удовлетвореніе за эту продѣлку!

Незнакомецъ грустно покачалъ головой.

— Нѣтъ, — прошепталъ онъ, — это невозможно; я не могу мстить ему; но прошу васъ, оставимъ этотъ разговоръ; онъ не можетъ интересовать васъ, такъ какъ касается только меня одного. Поговоримъ лучше о васъ: вы оказали мнѣ услугу и я не хочу остаться неблагодарнымъ.

— Всякій сдѣлалъ бы на моемъ мѣстѣ то же самое!

— Возможно, но такъ какъ все таки это сдѣлали вы, а не другой кто нибудь, то я вашъ должникъ. Мое имя— донъ Мигуэль Салазаръ; мой отецъ одинъ изъ самыхъ богатыхъ гасіендеро этой страны; въ двухъ миляхъ отсюда находится наша земля, которую мы обрабатываемъ вмѣстѣ: отецъ, братъ и я. Вы не должны отказываться отъ моего гостепріимства, хотя бы на сегодняшнюю ночь, такъ какъ гроза все приближается и вскорѣ разразится. Намъ отсюда не болѣе получаса ѣзды до дому

и, когда вы увидите, какъ всѣ будутъ рады вашему пріѣзду, я увѣренъ, не пожалѣете, что согласились.

— Тысячу разъ благодарю васъ, сеньоръ! Я бы съ удовольствіемъ принялъ ваше приглашеніе, но, къ сожалѣнію, не могу.

— Не можете? Почему же, сеньоръ?

— По очень простой причинѣ. Рѣшивъ остаться здѣсь на ночь, я отпустилъ свою лошадь на свободу и въ настоящее время совершенно не знаю, гдѣ она можетъ находиться.

— Если только это васъ задерживаетъ, я тотчасъ все устрою.

Съ этими словами онъ всталъ, вскочилъ на лошадь и исчезъ въ темнотѣ. Не прошло десяти минутъ, какъ я услышалъ топотъ лошадиныхъ копытъ и появился донъ Мигуэль, ведя и мою лошадь.

— Теперь, сеньоръ донъ Густаво, мы можемъ отправиться, когда вамъ будетъ угодно!—сказалъ онъ.

Признаюсь откровенно, что мой новый знакомый настолько мнѣ нравился, что я отказывался только ради вѣжливости, да кромѣ того перспектива провести ночь въ грозу подъ открытымъ небомъ не особенно мнѣ улыбалась, а потому я далъ себя очень легко уговорить и черезъ пять минутъ мы двинулись въ дорогу по направленію „chacra de la Noria“, такъ называлась ферма, принадлежавшая семьѣ дона Мигуэля.

Мой несчастный конь былъ такъ утомленъ, что двигался съ большимъ трудомъ, несмотря на удары шпоръ, которыми я награждалъ его, и намъ потребовался цѣлый часъ, чтобы проѣхать двѣ мили, отдѣлявшія насъ отъ фермы.

Повидимому, долгое отсутствіе дона Мигуэля возбудило опасенія его родныхъ, такъ какъ навстрѣчу намъ были высланы нѣсколько человѣкъ слугъ съ зажженными факелами.

Странно было видѣть необыкновенную радость, освѣ-

тившую ихъ суровыя, мрачныя лица при видѣ своего молодого хозяина! На фермѣ же наше прибытіе было встрѣчено съ восторгомъ. Насъ ждали и уже при входѣ въ домъ насъ встрѣтилъ самъ хозяинъ, семидесятилѣтній старикъ, съ бѣлыми, какъ снѣгъ, волосами и бородой, что придавало его строгому лицу нѣчто внушавшее уваженіе. Около него стояла его жена, кроткое и симпатичное созданіе, сохранившая еще слѣды былой красоты, и старшій сынъ, красивый брюнетъ, лѣтъ двадцати восьми, лицо котораго отличалось мрачностью, почти жестокостью. Его звали донъ Педро Салазаръ, а его мать — донна Хезусита. На донѣ Педро былъ надѣтъ охотничій костюмъ, показывавшій, что онъ только что вернулся. Пріемъ, оказанный мнѣ дономъ Антоніо Салазаръ, былъ необыкновенно радушенъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ нѣсколько величественъ и театраленъ, что свойственно вообще испанскому характеру во всѣхъ обстоятельствахъ, выходящихъ изъ обыкновенныхъ рамокъ.

Несмотря на мои увѣренія, что я уже ужиналъ, меня заставили сѣсть со всѣми за столъ, что впрочемъ мнѣ ничуть не было противно.

Ужинъ продолжался около получаса, въ продолженіе котораго я многое подмѣтилъ: во первыхъ, мнѣ показалось, что между всѣми членами семьи царствуетъ какое то странное стѣсненіе и тайный разладъ. Донъ Педро часто обращался съ замѣчаніями къ брату самымъ дружескимъ образомъ, но донъ Мигуэль избѣгалъ его взглядовъ и отвѣчалъ ему въ высшей степени сдержанно.

Донъ Антоніо часто взглядывалъ на жену и въ глазахъ ихъ сквозила нѣмая грусть, которую они боялись выказать.

Около 11 часовъ вечера долго собиравшаяся гроза разразилась, наконецъ, съ страшной силой и я благодарилъ Бога, что не нахожусь во власти разсвирѣпѣвшей стихіи, а лежу въ теплой комнатѣ на мягкой постели.

На другое утро я всталъ довольно рано и собирался

уже идти въ общую залу, чтобы распрощаться со своими хозяевами и поблагодарить ихъ за гостепріимство, когда ко мнѣ вошелъ донъ Мигуэль. Я сообщилъ ему свое намѣреніе уѣхать, о которомъ онъ не хотѣлъ и слышать; но я продолжалъ настаивать.

— Послушайте,—сказалъ онъ мнѣ тогда,—вы спасли мнѣ сегодня ночью жизнь, а по моему, услуга болѣе обязываетъ того, кто ее оказалъ, чѣмъ того, кому она оказана.

— Если это ваше мнѣніе, въ такомъ случаѣ я не могу больше вамъ противорѣчить. Говорите, я къ вашимъ услугамъ!

Молодой человѣкъ прошелся съ волненіемъ нѣсколько разъ по комнатѣ, а затѣмъ, отворивъ дверь и убѣдившись, что никто насъ не подслушиваетъ, сѣлъ рядомъ со мной.

Я съ любопытствомъ слѣдилъ за его движеніями и съ нетерпѣніемъ ждалъ объясненія всѣхъ этихъ странностей, но донъ Мигуэль молчалъ, низко опустивъ на грудь голову, и только крупныя слезы текли изъ глазъ его.

— Будьте мужчиной, сеньоръ, — сказалъ я, стараясь его ободрить;—не поддавайтесь такъ сильно своему горю!

Но мои слова остались безъ отвѣта, только изъ груди его вырывалось прерывистое дыханіе и, видимо, внутренно онъ страшно боролся съ собой.

— Перестаньте же, сеньоръ!—снова началъ я; — изъ всякаго положенія есть выходъ; только смерть непоправима!

Онъ покачалъ отрицательно головой и схватилъ мою руку.

— Нѣтъ!—воскликнулъ онъ, — это горе убьетъ меня, потому что оно непоправимо! Но вы можете оказать мнѣ большую услугу, отъ которой зависитъ моя жизнь. Для того, чтобы вы поняли мое состояніе, я долженъ разсказать вамъ все!

Глава III.

— Въ нѣсколькихъ миляхъ отсюда находится ферма, гораздо больше и богаче нашей. Она называется „la chacra del Rio-Clars“, т. е. ферма Свѣтлой-рѣки и принадлежитъ сеньору Салустіано Бермудецъ, который приходится близкимъ родственникомъ моей матери, а потому мы относимся къ нему, какъ къ члену нашей семьи.

Надо вамъ сказать, что у него трое дѣтей: сынъ — капитанъ, служитъ въ полку, который стоитъ теперь въ Сантъ-Яго, и двѣ дочери. Старшую зовутъ Глорія; ей семнадцать лѣтъ и она поразительной красоты; впрочемъ, вы сами въ этомъ убѣдитесь, когда ее увидите. Младшая еще ребенокъ ей было всего два года и она вчера умерла.

Годъ тому назадъ мой братъ, котораго я сердечно люблю, признался мнѣ въ своей любви къ доннѣ Глоріи. Я ее до тѣхъ поръ ни разу не видалъ, а потому ничего не могъ имѣть лично противъ нея; во всѣхъ-же другихъ отношеніяхъ бракъ этотъ былъ очень выгоденъ, такъ какъ у невѣсты хорошее приданое, да кромѣ того это должно было связать наши обѣ семьи еще болѣе тѣсными узами.

Но, когда я услышалъ признаніе моего брата, мое сердце какъ-то инстинктивно сжалось и что-то точно оборвалось у меня въ груди.

— Говорилъ-ли ты объ этомъ бракѣ съ отцомъ? — спросилъ я Педро.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ, улыбаясь,—да это и вовсе не нужно!

— Почему-же?

— Потому что эта свадьба уже давно рѣшена между дономъ Салустіано и нашимъ отцомъ и должна совершиться тогда, когда доннѣ Глоріи будетъ 18 лѣтъ. Восемь дней тому назадъ ей исполнилось 17, и вотъ, отецъ призвалъ меня къ себѣ, чтобы объявить мнѣ свою волю и потребовать моего согласія, которое я далъ очень охотно. Онъ приказалъ мнѣ затѣмъ отправиться на Ріо-Кларо, чтобы познакомиться съ невѣстой и просить оффиціально ея руки.

-- И ты это исполнилъ?

— Въ тотъ-же день, и не раскаиваюсь въ этомъ! Мнѣ оказали тамъ самый радушный пріемъ, и я счастливъ, какъ никогда! Надѣюсь, что моя женитьба не повредитъ нашей дружбѣ, и очень-бы хотѣлъ знать, братъ, твое мнѣніе о моей невѣстѣ. Вчера я купилъ въ Вальдивіи нѣкоторыя драгоцѣнности и хотѣлъ тебя просить, чтобы ты отвезъ ихъ отъ моего имени доннѣ Глоріи и сказалъ-бы мнѣ, затѣмъ,—твое мнѣніе о ней. Найдешь-ли ты ее такой-же красавицей, какой нахожу ее я?

Эта просьба застала меня врасплохъ, какое-то предчувствіе подсказывало мнѣ не ѣздить и я началъ отказываться; но братъ не хотѣлъ ничего слушать и волей, неволей я долженъ былъ отправиться въ Ріо-Кларо. Что произошло потомъ? Я видѣлъ донну Глорію и нашелъ ее въ тысячу разъ прелестнѣе, чѣмъ описалъ ее братъ и, не сказавъ съ ней еще ни слова, безъ памяти влюбился въ нее. Напрасно пытался я побѣдить свою страсть; сердце—нашъ тиранъ, съ которымъ трудно справиться и я все болѣе слабѣлъ въ этой борьбѣ съ самимъ собой, особенно, когда я убѣдился, что донна Глоріа не любитъ моего брата. Она сама призналась мнѣ въ этомъ!

Воспитанная въ одномъ монастырѣ въ Вальдивіи, Глоріа совершенно не знала ни людей, ни самой себя,

Когда ея отецъ представилъ ей моего брата, какъ будущаго мужа, она отнеслась къ этому вполнѣ равнодушно. Донъ Педро былъ первый посторонній мужчина, котораго она видѣла: онъ красивъ собой и Глорія дала свое согласіе, не понимая всего значенія этого шага. Ея сердце тогда молчало.

Но я васъ утомляю, сеньоръ? Эта исторія не представляетъ для васъ ничего интереснаго!

— Ошибаетесь! Я слушаю васъ съ большимъ интересомъ и прошу васъ продолжать.

Собравшись немного съ силами, донъ Мигуэль продолжалъ свою исповѣдь.

— Съ этихъ поръ для меня началась мучительная жизнь. Привыкнувъ дѣйствовать всегда откровенно, я долженъ былъ теперь постоянно скрывать свои чувства, ежеминутно слѣдить за собой, чтобы лучше обмануть окружающихъ: и отца, и мать, и брата! Это мнѣ удалось со всѣми, кромѣ матери; съ проницательностью, свойственной материнскому сердцу, она отгадала мою тайну и осыпала меня упреками въ вѣроломствѣ.

Но ея негодованіе на меня не подѣйствовало; любовь убила во мнѣ всѣ остальныя чувства.

Съ тѣхъ поръ уже прошло восемь мучительныхъ мѣсяцевъ и мнѣ кажется, что мы всѣ живемъ на какомъ-то вулканѣ, готовомъ каждую минуту разразиться изверженіемъ. Я боюсь, что отецъ проникъ въ мою тайну, хотя не даетъ мнѣ этого почувствовать; одинъ братъ еще ничего не знаетъ, но все-таки у него уже зародились подозрѣнія, несмотря на всѣ предосторожности, которыя я принимаю. Откуда взялись у него эти подозрѣнія—я не знаю; возможно, что онъ самъ началъ догадываться, но вѣрнѣе, что кто-нибудь намекнулъ ему о существованіи соперника и сегодня ночью я только чудомъ спасся отъ его мести, хотя онъ и самъ не зналъ, противъ кого она была направлена.

О,—воскликнулъ я,—это ужасно!

— Да, ужасно! Я знаю Педро! Если до него дойдутъ слухи, что я обманулъ его довѣріе и люблю его невѣсту, онъ умретъ съ горя! Сегодня утромъ мать пришла ко мнѣ въ комнату и со слезами умоляла отказаться отъ моей безумной страсти, которая, по ея словамъ, навлечетъ несчастье на всю нашу семью. Я не могъ устоять противъ ея просьбъ и далъ слово сегодня-же удалиться съ „chacra“ и отправиться въ Европу.

— Это благородно!—сказалъ я, пожимая ему руку.— И вы сдержите ваше обѣщаніе?

— Безъ сомнѣнія, развѣ можетъ быть иначе?—сказалъ онъ просто.

— Значитъ, вы уѣзжаете сегодня?

— Да, черезъ два часа. Послѣ завтрака я попрощаюсь со всѣми и уѣду навсегда!

— Прекрасно, но позвольте вамъ замѣтить, что до сихъ поръ я не могъ догадаться, какого рода услуги вы ждете отъ меня?

— Вы это сейчасъ поймете,—отвѣчалъ онъ. Въ Ріо-Кларо будетъ сегодня вечеромъ „Angelito“...

— Все-таки я ничего не понимаю!

— Это правда, я забылъ, что вы иностранецъ, но сейчасъ все объясню. Я вамъ сказалъ, что два дня тому назадъ у дона Салюстіано умерла младшая дочь. Ей было всего два года и, согласно нашимъ вѣрованіямъ, она, какъ ребенокъ, была безгрѣшна, а потому душа ея взята прямо на небо, и мы должны радоваться этому и поздравить ее съ небеснымъ милосердіемъ. Сегодня вечеромъ ее одѣнутъ въ самое лучшее платье, украсятъ цвѣтами и затѣмъ посадятъ на возвышеніе въ залѣ; вокругъ нея соберутся всѣ родственники, даже самые отдаленные, и впродолженіе всей ночи будутъ пѣть и танцовать въ знакъ радости, что Богъ обратилъ маленькую усопшую въ одного изъ своихъ ангеловъ. Вы—нашъ гость, и отецъ пригласитъ васъ отправиться съ нимъ въ Ріо-Кларо; не отказывайтесь отъ его приглашенія;

во первыхъ, вамъ, какъ иностранцу, интересны наши обычаи, а во вторыхъ, я прошу васъ объ этомъ.

— Хорошо,—сказалъ я,—что-жъ потомъ?

— Потомъ, я попрошу васъ оказать мнѣ очень легкую для васъ услугу. Задержите моего брата отъ десяти до половины одиннадцатаго въ залѣ, гдѣ будетъ „Angelito". Предлогъ къ этому вы, навѣрно, легко найдете. Теперь вы видите, что моя просьба не затруднитъ васъ?

— На это я согласенъ!

— Значитъ, я могу разсчитывать на васъ?

— Вполнѣ; но позвольте узнать, къ чему вамъ подобная услуга!

— О, сеньоръ, вы слишкомъ много хотите знать; и какая-же это будетъ услуга съ вашей стороны, если я вамъ все объясню!

— Вы правы; не будемъ больше говорить объ этомъ; простите мою нескромность!

Въ эту минуту раздался звукъ колокола.

— Мы кончили нашъ разговоръ, какъ разъ во время,—сказалъ, вставая донъ Мигуэль.—Пойдемте въ столовую, звонятъ къ завтраку!

Я послѣдовалъ за нимъ и вскорѣ мы очутились въ громадной залѣ, служившей столовой.

Глава IV.

Все произошло такъ, какъ сказалъ донъ Мигуэль, съ той только разницей, что онъ объявилъ, что его отсутствіе продолжится всего нѣсколько недѣль. При прощаньи братья крѣпко обнялись, какъ самые лучшіе друзья, и я слышалъ, какъ донъ Педро повторилъ нѣсколько разъ:

— Не забудь, что въ будущемъ мѣсяцѣ моя свадьба; ты долженъ непремѣнно къ ней вернуться!

— Обѣщаю!— отвѣчалъ Мигуэль и, простившись затѣмъ съ отцомъ и матерью, быстро вышелъ изъ залы и, сѣвъ на лошадь, пустилъ ее сразу галопомъ и вскорѣ скрылся.

Послѣ его отъѣзда какая-то тяжелая грусть охватила всѣхъ обитателей фермы, точно предчувствіе чего-то недобраго.

Несмотря на это, мы отправились послѣ захода солнца въ Rio-Claro. Насъ было нѣсколько человѣкъ: донъ Антоніо, донъ Педро, я, человѣкъ десять пеоновъ; всѣ ѣхали верхомъ. Была чудная, звѣздная ночь. Степь безмятежно спала и только изрѣдка тишина ея прерывалась стукомъ лошадиныхъ копытъ всадниковъ, присоединявшихся къ намъ. Было нѣчто фантастическое и живописное въ томъ впечатлѣніи, которое производили эти мелькающія, какъ духи, тѣни людей!

Когда мы приближались къ Rio-Claro, насъ набралось до шестидесяти человѣкъ: мужчинъ, женщинъ и дѣтей, такъ какъ на церемонію „Angelito“ были созваны всѣ, имѣющіе какое-либо отношеніе къ семьѣ Бермудецъ.

Донъ Салюстіано самъ встрѣтилъ насъ при въѣздѣ на ферму съ большимъ почетомъ; весь домъ былъ уже полонъ гостей и ярко освѣщенъ.

Гамъ стоялъ невообразимый: крики и пѣнье, сопровождаемое пронзительными звуками viguela все сливалось въ одинъ гулъ.

Поздоровавшись со мной и пожавъ мнѣ руку такъ, что я чуть не крикнулъ отъ боли, донъ Салюстіано попросилъ меня быть, какъ дома, и затѣмъ занялся другими гостями, не обращая больше на меня никакого вниманія.

Я слѣзъ съ лошади и, отдавъ ее одному пеону, показавшемуся мнѣ менѣе пьянымъ, чѣмъ остальные, началъ съ усиліемъ пробираться въ домъ; но это оказалось не такъ-то легко, какъ я думалъ, и прошло добрыхъ полъчаса, прежде чѣмъ я добрался до входа въ залу, и то благодаря только усиленной работѣ локтями и кулаками.

Здѣсь глазамъ моимъ представилось странное зрѣлище: въ громадной залѣ, тускло освѣщенной восковыми свѣчами, на возвышеніи помѣщался трупъ маленькой дѣвочки, одѣтый во все бѣлое и сплошь покрытый цвѣтами. У ногъ ея горѣло, или вѣрнѣе дымилось нѣсколько свѣчей.

Около эстрады на низенькихъ табуретахъ расположилось человѣкъ десять музыкантовъ съ самыми невообразимыми инструментами въ рукахъ: у однихъ были гитары, которыя они отчаянно царапали ногтями, другіе дули въ тросниковыя дудки, а третьи безпощадно колотили по барабанамъ, сопровождая все это отчаяннымъ вытьемъ какихъ-то пѣсенъ, которыя они, видимо, тутъже импровизировали. Подобный концертъ могъ оглушить самого чорта!

Человѣкъ сорокъ или пятьдесятъ отплясывали „samajneja“, испанскій танецъ, въ сравненіи съ которымъ нашъ самый разнузданный канканъ показался-бы скромнымъ. Цѣлые облака пыли носились по залѣ отъ этого миленькаго танца и заставляли невольно чихать.

Въ концѣ залы сидѣла несчастная мать маленькой усопшей, окруженная родными и знакомыми, но, видно, обязанность эта была не по силамъ ея истерзанному сердцу и горькія слезы по временамъ капали изъ глазъ ея.

Вотъ зрѣлище, которое представилось моимъ глазамъ, при входѣ въ залу. Но вскорѣ тяжелое впечатлѣніе

изгладилось: спертый воздухъ, напоенный парами, подѣйствовалъ на меня, какъ на солдата запахъ пороха, и я началъ пѣть и плясать, вмѣстѣ со всѣми.

Донъ Педро самъ представилъ меня доннѣ Глоріи, красота которой была, дѣйствительно, поразительна; на своемъ вѣку я мало встрѣчалъ подобныхъ красавицъ и не удивительно, что она сводила всѣхъ съ ума.

Однако я не забылъ обѣщанія, даннаго дону Мигуэлю, и ровно въ 10 часовъ приступилъ къ исполненію своихъ обязанностей.

Взявъ дона Педро подъ руку, я отвелъ его въ уголъ и буквально засыпалъ всевозможными вопросами, которые, въ сущности, меня ничуть не интересовали. Надо отдать справедливость дону Педро: онъ терпѣливо старался удовлетворить мое любопытство, сообщая мнѣ свѣдѣнія о всѣхъ присутствующихъ и я уже внутренно радовался своему успѣху, превзошедшему всѣ мои ожиданія. Такъ прошло минутъ двадцать пять, какъ вдругъ, мой собесѣдникъ нахмурилъ брови и съ волненіемъ началъ оглядываться вокругъ. Въ первый моментъ я не понялъ причины его безпокойства, но вскорѣ оно объяснилось: донны Глоріи не было въ залѣ!

Я удвоилъ усилія, чтобы привлечь вниманіе дона Педро, но все было напрасно; ревность душила его! Отсутствіе невѣсты казалось ему подозрительнымъ и лицо его, на которомъ я читалъ, какъ въ книгѣ, все исказилось отъ нравственной пытки, которую онъ испытывалъ. Не будучи, наконецъ, въ состояніи дольше сдерживаться, онъ пробормоталъ какое-то извиненіе и бросился вонъ изъ залы.

Сознавая, что обѣщаніе исполнено мной добросовѣстно, я не обратилъ особеннаго вниманія на исчезновеніе дона Педро и спокойно присоединился къ танцующимъ, какъ вдругъ, въ саду раздались одинъ за другимъ два выстрѣла, сопровождаемые отчаяннымъ крикомъ.

Въ одну минуту зала опустѣла; всѣ бросились вонъ; я послѣдовалъ за остальными, увлекаемый общимъ те-

ченіемъ, и вскорѣ очутился въ „huerta", т. е. въ саду, примыкавшемъ къ фермѣ.

Садъ этотъ, занимавшій громадное пространство, походилъ скорѣе на старый, запущенный паркъ, а блескъ факеловъ, мелькавшихъ между деревьями, придавалъ ему какой-то фонтастическій видъ!

Терзаясь ужаснымъ предчувствіемъ, я бѣжалъ впередъ, какъ безумный, но вдругъ остолбенѣлъ и крикъ ужаса вырвался у меня изъ груди.

Передо мной, блѣдная, какъ привидѣніе, съ распущенными волосами, стояла на колѣняхъ донна Глорія, поддерживая окровавленную голову дона Мигуэля, насквозь простреленную пулей.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея, на половину скрытый кустами лежалъ обезображенный трупъ дона Педро съ крѣпко сжатымъ въ рукахъ револьверомъ.

Замѣтивъ окружавшихъ ее людей, молодая дѣвушка обернулась и проговорила монотоннымъ, тихимъ голосомъ, глядя на всѣхъ съ какой-то странной застывшей улыбкой:

— Тише! Мой возлюбленный спитъ! Не надо его будить!

Несчастная лишилась разсудка, который никогда больше не возвращался къ ней.

Что произошло въ эту ужасную ночь, осталось навсегда тайной, но вѣроятнѣе всего—слѣдующее предположеніе:

Не чувствуя себя въ силахъ уѣхать, не попрощавшись съ своей возлюбленной, донъ Мигуэль вызвалъ ее для этого въ садъ, гдѣ ихъ засталъ донъ Педро и, не узнавъ брата, убилъ его наповалъ, а когда затѣмъ разглядѣлъ, кто палъ жертвой его ревности, онъ лишилъ жизни и себя самого.

На слѣдующее утро я покинулъ этотъ несчастный домъ, унося съ собой тяжелое впечатлѣніе, которое не изгладилось и послѣ, не смотря на всѣ разнообразныя перипетіи моей скитальческой жизни.

КОНЕЦЪ.